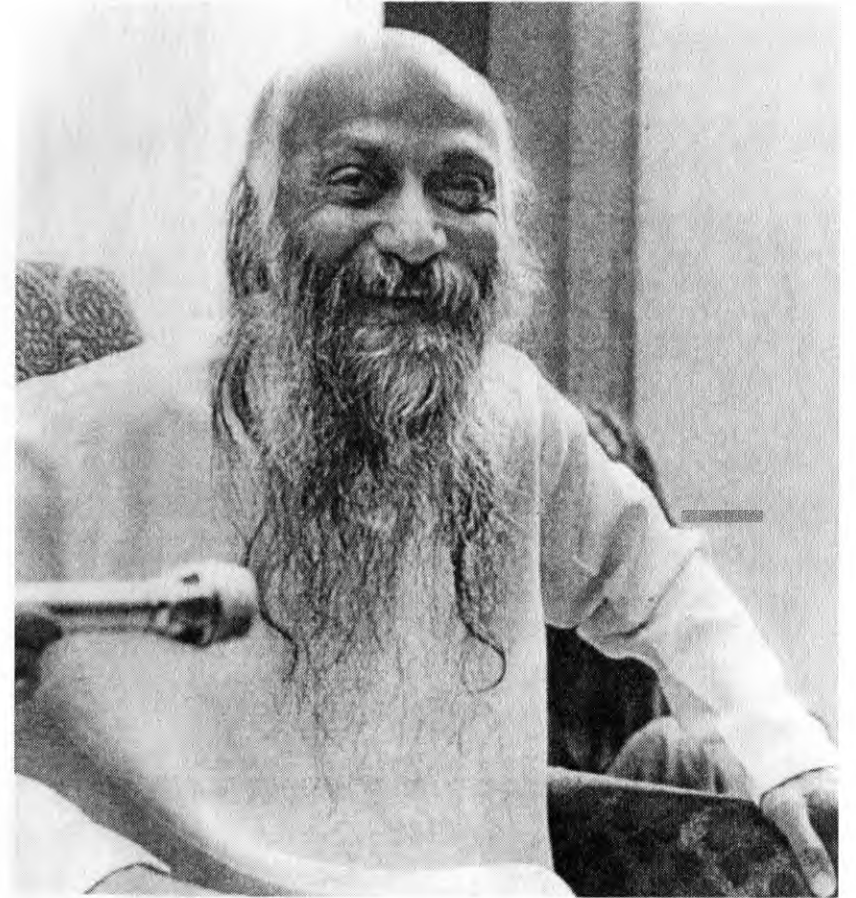

ОШО

**ДХАММАПАДА
ТОМ 3**

OSHO

Dhammapada
The Way of the Buddha
series 3

OSHO INTERNATIONAL FOUNDATION
1982

ОШО

Дхаммапада
Путь Будды
том 3

МОСКВА
1998

**ББК 84,5 Ид
0,96**

**ОШО
096 Дхаммапада, том 3. Москва: ИПА «Три Л» 1998,
320 с.
ISBN 5-7135-23**

Ошо, также известный как Багван Шри Раджниш — просветленный Мастер нашего времени. Ошо означает «подобный океану», «благословенный», тот, кого небо осыпает цветами.

Эта книга содержит продолжение серии бесед по Дхаммападе - сборнике изречений Будды. "... Я безмерно люблю этого человека потому что никто никогда не прикасался к таким высотам и глубинам как Гаутама Будда."

Беседы были проведены в ашаме Ошо в г. Пуна Индия.

**© OSHO INTERNATIONAL FOUNDATION
1977
© МОСКОВСКИЙ МЕДИТАЦИОННЫЙ
ЦЕНТР «НИРВАНА», ПЕРЕВОД 1997**

О 0403300 - 012 без объявления
7П6 (03) - 98

ББК 84,5 Ид

ISBN 5-7135-0046-24

Глава 1
Знание это не Знание

Мудрый человек говорит тебе,
Где ты пал
И где ты можешь встать снова —
Неизменные секреты!
Следуй ему, следуй пути.

Позволь ему карать и учить тебя
И сохранять от обмана.
Мир может его ненавидеть,
Но хорошие люди любят его.

Не ищи плохой компании,
Не живи с людьми, которые равнодушны.
Найди друзей, которые любят истину.

Иди до дна.

Живи в безмятежности и радости.
Мудрый наслаждается истинной
И следует Закону пробужденных.

Крестьянин подводит воду к земле.
Оружейник оперяет стрелу.
Плотник обрабатывает дерево.
Так и мудрый направляет свой ум.

Ветер не может сотрясать горы,
Ни хвала, ни проклятия не трогают мудрого.

Он — ясность.
Внимая истине,
Он подобен озеру,
Чистому, спокойному и глубокому.

Знание это не знание. Оно имеет внешний вид знания, поэтому оно обманывает многих. Знание это только информация. Оно не трансформирует вас; вы остаетесь прежними. Ваши накопления информации постоянно растут. Вместо того, чтобы освободить, она скорее обременяет вас, она продолжает создавать оковы.

Так называемый человек знания гораздо глупее, чем так называемый дурак, потому что дурак, по крайней мере, невинен. Он невежественен, у него нет претензий на знание — и в этом он правдив. Но человек знания в гораздо худшей ситуации: он ничего не знает, но думает, что знает. Если человек считает, что он знает, не зная, он навсегда укоренен в невежестве.

Знание это способ невежества защитить себя — и оно защищает себя очень коварно, очень эффективно, очень хитро. Знание является врагом, хотя оно и кажется другом.

Вот первый шаг к мудрости: узнать, что ты не знаешь, узнать, что все знание заимствованно, узнать, что этого не случилось с тобой, это пришло от других, что это не твое собственное прозрение, не твоя собственная реализация. То мгновение, когда твое знание является твоей реализацией, есть мгновение мудрости.

Мудрость означает, что ты не попутай, что ты человек, что ты не повторяешь за другими, но выражаешь себя, что ты не копия под копирку, что у тебя есть собственное оригинальное лицо.

Знание делает тебя копией под копирку, а быть копией под копирку — самая уродливая вещь в мире. Это величайшее бедствие из всех, случившихся с человеком — потому что, считая, что ты знаешь, и все же не зная, ты навсегда остаешься в невежестве и темноте. Все, что бы ты ни делал, будет неправильным. Возможно, ты сумеешь убедить других в том, что ты знаешь, возможно, ты сумеешь укрепить свое эго, ты можешь стать очень знаменитым, ты можешь быть известен как великий ученый, пандит, но глубоко внутри нет ничего, кроме темноты. Глубоко внутри

ты не встретился с самим собой, ты не вошел в храм собственного существа.

Невежественный человек в гораздо лучшей ситуации. По крайней мере, у него нет претензий, по крайней мере, он не обманывает себя и других. Невежество обладает красотой — красотой простоты, красотой неусложненности. Знание того, что «я не знаю», немедленно приносит огромное облегчение. Познание, переживание собственного полного невежества наполняет человека великим удивлением — существование превращается в тайну.

Именно в этом заключается Бог. Познать вселенную как чудо, как тайну, как нечто невероятное, как нечто непостижимое — как нечто, перед чем ты можешь лишь склониться в глубокой благодарности, чему ты можешь лишь отдаться в благоговении — вот начало мудрости.

Сократ прав, когда он говорит: Я знаю только одно — что я ничего не знаю.

Быть мудрым не значит быть знающим. Быть мудрым значит осознать нечто о твоем сознании — сначала внутри, затем снаружи; почувствовать пульс жизни у себя внутри, а затем снаружи. Чтобы испытать опыт этого таинственного сознания, которым ты являешься, нужно сначала испытать его в сокровенном ядре собственного существа, потому что это ближайшая дверь к Богу.

Однажды узнав его внутри, узнать его снаружи трудно. Но помните: мудрый никогда не накапливает знание — его мудрость спонтанна. Знание всегда принадлежит прошлому, мудрость принадлежит настоящему. Помните эти различия. Пока вы не поймете очень ясно разницу между мудростью и знанием, вы не сможете понять эти сутры Гаутамы Будды. А они чрезвычайно важны.

Знание исходит из прошлого, от других, из писаний. А Будда сказал: Я передаю истину за пределами писаний. То, что я говорю, то, чем я делюсь, то, что я сообщаю, нигде не записано, никогда не было сказано — фактически, и не может быть сказано или записано. Оно движется в глубоком

молчании между мастером и учеником: это любовный роман. Мудрость заразительна. Ей не учат, помните; вы можете принять ее, но она не может быть вам дана. Вы можете быть открытыми и уязвимыми для нее, вы можете быть в состоянии постоянного приветствия, и именно так ученик сидит у ног мастера — готовый испытать, готовый позволить мастеру проникнуть в само свое сердце. В начале это больно, потому что сознание мастера проникает в тебя как острая стрела — лишь тогда она может достичь твоего глубочайшего ядра. Это ранит.

Знание удовлетворяет эго; мудрость полностью разрушает эго; поэтому люди ищут знания. Очень редко можно найти искателя, который не заинтересован в знании, но заинтересован в мудрости, посвящен мудрости. Знание означает теории об истине; мудрость означает саму истину. Знание это комиссионный товар; мудрость — всегда из первых рук. Знание означает верование: другие говорят, и ты веришь. Все верования ложны! Ни одно верование не правда. Даже если ты веришь в слово будды, в то мгновение, когда ты поверил в него, оно превратилось в ложь.

В истину нельзя верить; ты либо знаешь, либо не знаешь. Если ты знаешь, нет вопроса о веровании; если ты не знаешь, также нет вопроса о веровании. Если ты знаешь, ты знаешь; если ты не знаешь, ты не знаешь. Верование это проекция хитрого ума — оно дает ощущение знания без самого знания. Индуисты, мусульмане, христиане, иудеи, джайны, буддисты — все они верят.

Верить дешево, очень легко — рисковать нечем. Ты можешь с легкостью верить в Бога, ты можешь с легкостью верить в бессмертие души, ты можешь с легкостью верить в теорию перевоплощения. Фактически, это остается просто поверхностным; глубоко внутри это не воздействует на тебя, совершенно не воздействует. Когда к тебе в двери постучится смерть, ты будешь знать, что все твои верования исчезли. Верование в бессмертие души не поможет, когда в двери постучится смерть — ты будешь плакать, кричать и цепляться за жизнь. Когда придет смерть, ты забудешь о

Боге; когда придет смерть, ты не сможешь вспомнить теорию — и ее сложные следствия — перевоплощения. Когда постучится смерть, она сметет всю структуру знания, которую ты создал вокруг себя — она оставит тебя абсолютно пустым... и осознающим, что вся жизнь была пустой расстройкой.

Мудрость это совершенно другое явление: это опыт, не верование. Это экзистенциальный опыт, это не «о». Ты не веришь в Бога — ты знаешь. Ты не веришь в бессмертие души — ты пережил его. Ты не веришь в перевоплощение — ты его помнишь; ты помнишь, что ты много раз был здесь. И, если это случилось в прошлом, значит, это случится и в будущем. Ты помнишь, что ты был во многих телах: ты был камнем, ты был деревом, ты был животными, птицами, ты был мужчиной, женщиной... ты жил во многих формах. Ты видишь, что меняются формы, но внутреннее сознание остается прежним; поэтому ты видишь, что меняется лишь поверхностное, но существенное вечно.

Это видение, не верование. Все настоящие мастера заинтересованы в том, чтобы помочь вам видеть, не веровать. Чтобы веровать, вы становитесь христианами, индуистами, мусульманами. Верование это профессия священника.

Мастер должен сначала разрушить твои верования — теистические, атеистические, католические, коммунистические. Мастер должен разобрать всю структуру твоих верований, чтобы ты остался снова маленьким ребенком — невинным, открытым, готовым к поиску, готовым прыгнуть в приключение истины.

Мудрость возникает у тебя внутри, это не писание. Ты начинаешь читать собственное сознание — и там действительно скрыты все Библии, Гиты и Дхаммапады.

Однажды великий ученый купил попугая.
По дороге домой он сказал ему:
— Я собираюсь научить тебя говорить.

— Не беспокойся, — ответил попугай. — Я уже умею говорить.

Он был так удивлен, что принес попугая в университет.

— Смотрите! У меня есть замечательный говорящий попугай...

Но попугай не заговорил, хотя ученый продолжал настаивать, что он говорящий.

Ему предложили ставку один к десяти, что попугай не заговорит, и он проиграл. Ничто не могло заставить попугая заговорить. Идя домой, провожаемый насмешками друзей, он отшлепал попугая и сказал:

— Дурак! Только посмотри, какую кучу денег я из-за тебя проиграл!

— Сам дурак, — ответил попугай. — Принеси меня завтра в этот университет, и ты победишь сто к одному!

Да, попугаи умнее ваших профессоров. У попугаев больше прозрения, чем у ваших пандитов, ученых, академиков. Если вы хотите познакомиться с настоящими дураками, сходите в университет — всевозможные притворщики, наполненные тарабарщиной. Не зная, что они в действительности делают, он продолжают делать. Не зная, чему они учат, они — учителя; они продолжают писать великие трактаты.

На доме у Муллы Насреддина была именная табличка. Все удивлялись степеням, которые он написал на табличке. Там было написано: «Мулла Насреддин, бакалавр (*B.S.*), магистр (*M.S.*), доктор (*Ph.D.*)» Все были заинтригованы! В конце концов соседи собрались и сказали:

— Насреддин, насколько мы знаем, ты никогда не учился ни в каком университете. Что

говорить об университете? — ты даже не ходил в школу. Фактически, ты даже не умеешь читать и писать! Откуда у тебя эти степени?

— А вы знаете, что означают эти степени? — ответил он. — *B.S.* это сокращение.

— Сокращение чего?

— А вы подумайте!..

Тогда они поняли.

— О том, что такое *B.S.*, и говорить неловко. *M.S.* означает «то же самое и больше» (англ. *more of the same*), а *Ph.D.* значит...

Обдумайте это, медитируйте на это. Можете ли вы сообразить, что значит *Ph.D.*? Я оставляю это вам! Медитируйте, и вы найдете, и это сделает вас немного мудрее. Если вы не сможете найти, вы можете спросить меня завтра в вопросах!

Более пятидесяти лет следуя коммунизму, ученые в России почувствовали любопытство: что такое религия? Группа ученых взяла книгу святых цитат и решила проанализировать ее при помощи компьютера. Они открыли книгу, взяли первую попавшуюся фразу и ввели ее в компьютер. Это были слова: «Дух (англ. *spirit* — дух, спирт) готов, но плоть слаба». Они столпились вокруг принтера, из которого появлялось толкование.

Прочитав послание, они были ошарашены: «Водка готова, но с мясом беда».

— Неудивительно, что религия обычно озадачивала людей, — пробормотал один другому.

Тогда у одного из них появилась новая идея. Он взял название книги: «Неизвестные мелочи» (англ. «*Unconsidered Trifles*») и ввел его

в компьютер. Появился перевод: «Забытые пудинги».

— Вот видите, — закричал он, — мы взяли не ту книгу. Это книга о злоупотреблении пищей.

Они все еще ищут подлинный религиозный текст. Ум знающего человека подобен компьютеру. Он продолжает давать толкования, точно не зная, что он делает; он не достаточно сознателен, чтобы делать... Но я не могу продолжать, потому что я вижу, что вы все думаете о Ph.D.! «Ph.D.» означает «заваленный ввысь и вглубь» (англ. «*piled high and deep*») — лучше покончить с этим, чтобы можно было продолжать...

Будда говорит:

Мудрый человек говорит тебе,

Где ты пал

И где ты можешь пасть снова —

Неоценимые секреты!

Следуй ему, следуй пути.

Мудрый человек говорит тебе, где ты пал... Первый урок в школе тайн — об изначальном падении человека. Оно не имеет ничего общего с Адамом, Евой и их первоначальным грехом. Эта история является просто краткой притчей обо всем человечестве. Каждый ребенок падает таким же образом. Это не что-то, происшедшее в прошлом, в старые библейские времена; это не что-то, случившееся в Эдемском саду. Это поэтическое выражение. Это происходит всякий раз, когда рождается ребенок. Это происходит снова и снова. Это происходит каждый день.

В притче говорится, что Бог запретил Адаму и Еве есть от дерева знания. Это одна из самых прекрасных притч, когда-либо изобретенных мастерами, настоящими знающими — не есть от дерева знания. Что такое ваши университеты? — деревья знания. Что такое ваше образование? — дерево знания.

Бог запретил им есть от него, чтобы вы могли оставаться невинными, потому что лишь невинное сердце может познавать. В то мгновение, когда вы наполняетесь знаниями, познание прекращается. Фактически, вы находите заменитель познания — ваши знания становятся заменителем. Теперь не нужно познавать! Вы продолжаете цепляться за знание, и оно продолжает давать удовлетворение вашему эго.

Но в то мгновение, когда Адам и Ева съели плод дерева знания, они пали — они пали из своей первоначальной невинности, они пали из своей жизни, подобной жизни ребенка. Раньше в их жизни была поэзия, раньше в их жизни была красота, раньше в их жизни был экстаз — раньше было благоговение и удивление. Раньше все и вся было необыкновенно, потому что все существование было наполнено тайной; они были окружены таинственной вселенной. Радуга, и солнце, и луна, и звезды... все было невероятно. Они были в постоянном удивлении.

В то мгновение, когда они стали знающими, все это удивление исчезло. Знание убивает удивление, а убивая удивление, оно разрушает ваш дух познания, поиска. Знание разоблачает вселенную — а разоблаченная вселенная это вселенная без Бога. Разоблаченная вселенная это вселенная без поэзии, без любви, без музыки. Звук капель дождя не приходит к вам в сердце как послание с другого берега. Тогда ветер в кронах сосен оставляет вас равнодушным, аромат цветов не рождает в вас поэзии. Цвета бабочки незамечены. Радуга остается неуиденной. Вы стали слишком привязаны к повседневному: к деньгам, власти, престижу. Вы стали уродливы, потому что все ваше существование стало обыкновенным; в нем недостает священного,

оно становится оскверненным. Вы превратили храм Бога в рыночную площадь.

Вот первородный грех — он происходит каждый день, помните. Не верьте христианам, которые говорят, что он случился однажды — он происходит с каждым ребенком. В то мгновение, когда вы отправляете ребенка в путешествие за знаниями, вы снова толкаете его в первородный грех.

Функция мудрого человека в том, чтобы сказать вам, где вы пали. Вы пали из-за знания; вот первородный грех. Вы можете снова подняться к тем ясным, невинным мгновениям; вы снова можете войти в рай — но вы должны отречься от знания.

Некоторые люди отрекаются от мира, но они не отрекаются от своего знания; есть люди, которые идут в горы, которые отрекаются от рыночной площади, но они несут с собой свой ум — а ум есть рыночная площадь. Рыночная площадь существует в уме! Ее нет больше нигде. Они могут идти в Гималаи, они могут сидеть в прекрасных молчаливых пещерах, но их ум продолжает снова и снова действовать по старому образцу.

Человек, ушедший в гималайские пещеры, все же остается христианином, буддистом, индуистом. А быть индуистом означает оставаться привязанным к определенному знанию, которое было вам дано — это один из путей падения. Быть мусульманином — другой путь падения, быть христианином — еще один путь падения.

Христианство это определенного рода знание, как и индуизм, как и остальные триста религий на земле. Они претендуют на знание, они претендуют на то, что их писания божественны, написаны самим Богом — и только их писания божественны, а остальные — ложны.

Будда говорит, что писания как таковые ложны, что знание как таковое ложно. Иисус прав, но христианство неправо. Махавира прав, но джайнизм неправ. Махавира означает познание; джайнизм означает знания. Знания это падение познания. Познание индивидуально: зна-

ние это товар, социальное явление — его можно купить и продать, оно доступно в библиотеках и университетах. Вскоре вы сможете носить с собой небольшие карманные компьютеры; вам не нужно будет проходить через все мучения школ, колледжей и университетов. Вы сможете уместить все знания мира в одном небольшом компьютере. Небольшой компьютер может содержать все библиотеки мира, и он всегда к вашим услугам: просто нажмите на кнопку, и компьютер расскажет вам все, что бы вы ни хотели узнать.

Вот что в прошлом делал ум; теперь это гораздо лучше могут делать машины. Ваш ум это также не что иное, как машина; это биокомпьютер. Помните, это не ваша душа; помните, это не ваше сознание; помните, это не ваша реальность, это не ваша подлинная индивидуальность. Это побочный продукт общества.

Если ты родился в индуистской семье, ты приобретаешь индуистские знания, и они, несомненно, отличаются от христианских знаний. Если ты родился в России, ты получишь коммунистические знания — «Капитал», «Манифест коммунистической Партии», Маркс, Энгельс, Ленин: святотатственная троица. Если ты родился в Китае, ты прочитаешь красную книгу Мао-цзе-Дуна — и это Библия. Весь Китай пичкают глупыми высказываниями Мао-цзе-Дуна. Он не мудрый человек, он не просветленный. Он даже не познал себя — какую революцию он знает? какое восстание он знает? — потому что даже первое восстание, основное восстание не произошло.

Основное восстание, основная революция состоит в отбрасывании знания, чтобы вы могли снова войти в Эдемский сад.

Мудрый человек говорит тебе, где ты пал и где ты можешь пасть снова... Он говорит вам не только о прошлом, где в падали снова и снова, он заставляет вас и осознавать будущее. Есть множество ловушек, и вы можете заблудиться в любой момент.

Например, я говорю вам, что все знание глупо, что вы не должны цепляться за Библию, Веды ил¹: Коран. Вы любите меня, вы доверяете мне — вы можете перестать цепляться за Кроан, Библию и Гиту, но вы можете начать цепляться за мои слова, вы можете начать создавать Библию из моих идей. Вы снова в той же ловушке; вы вернулись, войдя с черного хода. Снова вы стали прежним. Теперь у вас нет Библии, но у вас есть я.

Мудрый человек говорит тебе... где ты можешь пасть снова.

Вот последнее, что сказал Гаутама Будда своим ученикам: Будьте светом самим себе. Естественно, они плакали и рыдали — мастер уходил, а они прожили с мастером почти сорок лет; несколько старших учеников прожили с ним все это время. Это были сорок лет огромной радости, великого опыта. Эти сорок лет были самым прекрасным, самым прекрасным, что возможно для человека. Эти сорок лет были временем рая на земле. И теперь мастер уходит! Естественно, что они стали плакать и рыдать.

Будда открыл глаза и сказал:

— Перестаньте рыдать и плакать! Разве вы еще не слышали меня? Почему вы плачете?

Его старший ученик, Ананда, ответил:

— Потому что ты уходишь, потому что уходит наш свет. Мы видим, мы чувствуем, что на нас опускается темнота. Я еще не стал просветленным, а ты уходишь. Если я не смог стать просветленным, пока ты был жив, на что мне надеяться, когда ты уйдешь? Я в великом отчаянии, моя боль безмерна, я потратил впустую сорок лет. Я следовал за тобой как тень, быть с тобой было невероятно прекрасно, но теперь ты уходишь. Что будет с нами?

Будда сказал:

— Вы плачете, потому что вы еще не слышали меня. Я говорил вам снова и снова: Не верьте в меня — но вы не слушали. Поскольку вы верили в меня, а сейчас я умираю,

вся ваша структура разваливается на части. Если бы вы слушали меня, вы создали бы свет внутри своего существа, вместо того, чтобы становиться знающими с моей помощью; если бы вы испытали опыт собственного «я», было бы не о чем плакать.

— Посмотри на Манджушри! — сказал Будда.

Манчжушри был другим учеником Будды, одним из величайших учеников. Он сидел неподалеку под деревом с закрытыми глазами, такой безмятежный, такой тихий, такой совершенно блаженный, что Будда сказал:

— Посмотри на Манджушри! Пойди и спроси его, почему он не плачет.

Они спросили Манджушри. Он рассмеялся и сказал:

— О чем плакать? Будда помог мне узнать собственный свет. Я признателен, я благодарен, но на меня не спускается темнота. И как может Будда умереть? Я знаю, что я не могу умереть — как может умереть Будда? Он будет здесь. Как река исчезает в океане, он исчезнет в космосе. Но он будет здесь! Он будет распространен по всему космосу. Это будет нечто очень красивое. Будда был ограничен маленьким телом; теперь его аромат освободится, пропитает все существование. Я очень счастлив, что Будда распространится по всему космосу. Я смогу увидеть его восходящим в солнце, я смогу увидеть его летящим в птице, я смогу увидеть его в волнах океана... я смогу увидеть его везде.

Он просто оставляет свое тело. Оно было ограничением. Как я узнал это? Я знаю, потому что я знаю свою собственную душу. Я слушал его, а вы не слушали — вот почему вы плачете.

Будда сказал:

— Позвольте мне повторить снова: *Аппа дипо бхава* — будьте светом самим себе.

Тогда он закрыл глаза и исчез в космосе. Но его последние слова были также и первыми словами. Фактически,

в этом было все его послание — всю свою жизнь он повторял это снова, снова и снова.

Мудрый говорит тебе, где ты пал и где ты можешь пасть снова — неоценимые секреты! Следуй ему, следуй пути.

Когда Будда говорит: «следуй мне», он не имеет в виду, что вы должны ему подражать. Когда он говорит: «Следуй мне», он не говорит, что он должен стать для вас образцом; что вы должны сделать вашу жизнь подобием его жизни — нет, совсем нет. «Следование» ему имеет совершенно другое значение.

История дзен:

Мистик дзен праздновал определенный день как день рождения своего мастера. Но люди были озадачены. Они спросили его:

— Насколько мы знаем, у тебя не было никакого мастера. Мы также слышали слухи о том, что ты много раз просился в ученики к великому мастеру, Бокудзю, но всегда отказывал. Мало того, он обычно выгонял тебя из своей хижины. Мы также слышали, что из-за твоей постоянной настойчивости он несколько раз бил тебя, а однажды вышвырнул — физически — из окна своей хижины. Он никогда не принимал тебя, он никогда не давал тебе посвящения — почему ты празднуешь этот день? Этот праздник празднуется в день рождения мастера.

— Да, он был моим мастером, — ответил мистик. — То, что он постоянно отказывал мне, то, что он меня выбрасывал, то, что он отверг меня, было его посвящением. Он говорил мне: «Будь светом самому себе — не нужно мне следовать». Из-за его постоянного отказа я стал просветленным, сидя под деревом. Мне было не за кого уцепиться.

Бокудзю был единственным красивым человеком, которого я знал. Если бы он позволил, я стал бы его тенью. Если бы он позволил, я стал бы еще одним Бокудзю. Я любил этого человека, и я подражал бы ему в деталях: ел бы то же самое, ходил бы так, как он, говорил бы то же самое... я был бы его копией под копирку.

Но он был велик, он был моим мастером — он отказал. Он знал, где ловушка. В то мгновение, когда он посмотрел мне в глаза, он узнал мое будущее — что, если он позволит, я стану ложным явлением, я никогда не стану подлинной индивидуальностью. Зная это, он был очень жесток со мной. Но сейчас я знаю, что эта жестокость исходила из сострадания. Именно из-за него я стал просветленным. Поэтому я праздную этот день — это день рождения моего мастера.

Кто-то спросил его:

— Но в твоём стиле жизни нет ни малейшего указания на Бокудзю. Ты говоришь совершенно другие вещи — не только другие, но иногда даже противоречащие тому, что говорил он. Как ты можешь говорить, что он был твоим мастером, а ты был его последователем?

— Да, я говорю, что он был моим мастером, — сказал мистик, — хотя формально он никогда и не посвящал меня. Но формальное посвящение неважно, не имеет значения. И все же я говорю, что я был его последователем, хотя я и не могу доказать этого никакими документами — но и не нужно никому ничего доказывать. Я знаю, вот и все. Я — его последователь!

— Как ты можешь это говорить? — настаивали люди.

— Он никогда не следовал своему мастеру; я никогда не следовал ему. Это было основной характеристикой: он никогда не сле-

довал своему мастеру. Я никогда не следовал ему — вот как я ему следовал. Я — последователь, а он — мой мастер.

Неоценимые секреты! Да, это неоценимые секреты. Жизнь настоящего искателя — не обыкновенная жизнь. Она не может быть ограничена определенным образом, она не может быть ограничена определенным стилем — христианским, индуистским, мусульманским. Жизнь настоящего искателя это жизнь свободы.

Когда Будда говорит: *Следуй ему, следуй пути...* он не подразумевает, что вы должны стать копией под копирку, он просто подразумевает: попытайся понять его жизнь. Наблюдай, анализируй, медитируй, и тогда позволь своей медитации, своему наблюдению, своему свидетельствованию стать путем.

А следовать мудрому человеку в действительности значит следовать не самому мудрому человеку, а пути — пути, который сделал его мудрым.

Что это за путь, который делает человека мудрым?

Две вещи... первая отрицательна: отбросить знание. Вторая положительна: войти в медитацию.

Целая толпа святых прибыла на небеса, и двери распахнулись ровно настолько, чтоб они входили войти один за другим.

Когда вошел первый, двери торжественно закрылись и раскрылись для второго, который вошел без колебаний, как будто он ожидал, что его впустят.

В самом конце зашел ученый с почтенной бородой, величественной походкой, большим тюрбаном и уверенным видом. Как только он шагнул вперед, ворота широко распахнулись, и под звуки фанфар вся собравшаяся толпа разразилась бурными аплодисментами. Сияющая

фигура двинулась ему навстречу, чтобы ввести его вовнутрь.

— Очень приятно узнать, — сказал себе ученый, — что знающие больше не должны сами воздавать себе почести. Здесь, по крайней мере, признают нашу важность.

— По какому случаю все эти церемонии? — спросил он видение.

— Знаете ли, — ответил ангел, — это какая-то случайность — мы видим здесь среди нас академика в первый раз.

Почти невозможно, чтобы знающий человек попал на небеса. Должно быть, это случайность! Поэтому святые не были приняты так торжественно, но академик, ученый, пандит был принят с большой торжественностью. Это бывает так редко.

Это очень редко, практически невозможно... Должно быть, это придуманная история. Никто не знает об ученых, попавших на небеса; быть ученым это первородный грех. Следовать жизненному образцу, взятому из писаний, неизбежно ошибочно, потому что кто будет толковать? Твой глупый ум продолжает толковать, и ты следуешь собственным толкованиям. Ты будешь ходить по кругу, ты останешься прежним.

Человек шел по улице, хромая и сгибаясь от боли.

Врач остановил его и сказал:

— Если бы я был на вашем месте, я бы пошел к врачу — вам нужно вырезать аппендикс.

И ему вырезали аппендикс. Тогда он пошел к другому врачу, заявляя, что то же самое недомогание продолжается, и тот прописал ему курс транквилизаторов. Это не помогло, и он отправился в больницу, где ему предложили

диету и лечебные упражнения. Но проблема осталась прежней!

Однажды он бродил по рынку, и один из этих врачей встретил его.

— Я рад вас видеть — вы выглядите лучше! Вы прекрасно выглядите! — сказал врач. — Как это произошло? Кто в конце концов вам помог? — потому что мы все потерпели неудачу. Помогли ли вам мои услуги?

— Мне помогли услуги моих глаз! — сказал пациент. — И боль, и хромота прошли немедленно, как только я вынул вот этот гвоздь из ботинка!

Иногда это сущие пустяки, но, если вы идете к знающим людям, они смотрят через увеличительное стекло; они преувеличивают все. Они умны и эффективны в том, чтобы создавать проблемы, потому что они знают решения. Их решения будут полезны, лишь если они создадут проблемы.

Пойдите к любому специалисту, и он тут же расскажет вам о стольких проблемах, о которых вы никогда не знали. Он вынужден, потому что вся его компетентность зависит от того, чтобы у вас были проблемы, и, чем более они сложны, тем больше он доволен, потому что у него есть возможность показать свои знания, свое искусство.

Настоящая проблема может быть очень маленькой. Настоящая проблема действительно мала! Проблема в том, что вы живете в голове. Спуститесь из головы в сердце. Голова может стать знающей, сердце никогда не может стать знающим. Сердце становится мудрым. Сердце знает совершенно по-другому. Его знание прямо, непосредственно — оно не логическое, оно интуитивное. Это не вывод, это не заключение, сделанное в долгом споре. Это простое видение! Просто человек знает...

Сердце это не процесс знания: это открытие глаз.

Позволь ему карать и учить тебя

И сохранять от обмана.

Ум обманчив. Он продолжает дурачить вас; он играет с вами столько трюков, которые вы не осознаете. Вот первый трюк: мудрый делится своей мудростью, и вы тут же набрасываетесь на нее и низводите ее до знания. Вот второй трюк: мудрый помогает вам быть самим собой, и вы начинаете изо всех сил ему подражать — вы стараетесь быть таким же, как он.

Мудрый хочет только, чтобы вы получили видение, чтобы у вас был собственный свет. Но вы не хотите видения, вы хотите ясных инструкций. Вы не хотите видеть себя, вы хотите, чтобы вами руководили. Вы не хотите принять на себя свою ответственность; вы хотите переложить всю ответственность на плечи мастера, на плечи мудрого. Тогда вы чувствуете себя хорошо. Теперь он ответственен; если что-то будет не так, он ответственен. А не так будет все, потому что, пока вы не примете свою ответственность, ничего никогда не будет правильно.

Никто не может исправить вас, кроме вас самих.

Мастер просто учит вас быть собственным мастером — вот истинная функция мастера. Он не хочет, чтобы вы зависели от него. Но ум продолжает играть эти трюки. Ум хочет, чтобы вы зависели. Ум находится в постоянном поиске фигуры отца или матери; он хочет, чтобы кто-то вел вас за руку. Вы хотите, чтобы кто-то направлял, вел вас.

Мастер может лишь указать. Он — палец, указывающий на луну. Но ум играет трюк: он цепляется за палец — он может даже начать сосать палец.

Мастер дзен, Нан-ин, обычно говорил своим ученикам: «Пожалуйста, не грызите мой палец — смотрите на луну!»

Но люди инфантильны. В точности как маленькие дети сосут свой палец, и верят, что они получают питание, взрослые дети сосут пальцы мастеров и думают, что это питание. Остерегайтесь трюков ума!

Ум всегда говорит вам: «Это просто — верить в мастера. Тебе не нужно тяжело работать — какой смысл тяжело работать? Просто посмотри: Альберт Эйнштейн открыл теорию относительности, и теперь больше никому не нужно открывать ее снова и снова. Как только она открыта, ты можешь прочитать о ней в книгах. Ему на это потребовались годы; тебе, чтобы понять ее, потребуется лишь несколько часов. Зачем беспокоиться и открывать ее снова?»

Это справедливо в отношении знания, это справедливо в отношении внешнего, объективного мира; но это не правда относительно субъективного, внутреннего мира. Человек должен открывать его снова и снова. Будда открыл, но его открытие бесполезно для вас. Иисус узнал, но это не может стать вашим знанием. Мухаммед понимает, но нет способа передать это вам. Эти люди могут лишь указать на то, чего они достигли; они могут поделиться с вами всем своим путешествием. Но затем вам придется двигаться дальше самим.

Уму всегда хочется срезать угол; ум всегда за более легкий, более дешевый путь. А это именно то, что снова и снова уводит вас в неверном направлении. Остерегайтесь! Ум всегда дает вам яд в сахарной глазури. Но он сладок лишь вначале; в конце он отравит вас. Мудрость поначалу может не быть такой сладкой, — фактически, она никогда не бывает сладкой, она горька на вкус, — но она очищает вас. Знание сладко поначалу, мудрость сладка в конце. А все, что бы ни оказалось сладким в конце — истинно.

Говорят, что когда один человек умер, его встретил ангел. Он сказал:

— За время своей жизни ты старался верить, что здесь все не так плохо, как ты думал. Хотел бы ты посмотреть на ад и небеса и выб-

рать собственное предназначение, в точности как ты всегда выбирал в своей земной жизни?

Конечно, человек согласился, и ангел открыл дверь с надписью «Ад». Внутри люди пировали, танцевали и били в барабаны; казалось, продолжался постоянный дебош, с флиртующими мужчинами и женщинами и носящимися вокруг демонами. Все в целом казалось очень активным и интересным.

Ангел открыл дверь с надписью «Небеса». Внутри он увидел ряды святого вида людей, сидящих и лежащих в состоянии стерильного блаженства.

Но все это казалось более холодным, мертвым и безжизненным.

— Я выбираю первое, — сказал человек, потому что он не хотел провести вечность, ничего не делая.

Он вернулись назад к первой двери, и ангел открыл ее. Человек оказался брошенным в пещеру, полную пламени и дыма, пепла и саж. Демоны стегали обитателей ада плетями под постоянный рев грома. Человек с трудом поднялся на ноги, едва-дыша от боли и остановил идущего мимо демона:

— Я был на экскурсии и выбрал ад, но там не было ничего подобного!

— Да, но ты провел здесь лишь некоторое время, — усмехнулся демон. — Все это было просто для туристов!

Ум может заманивать вас, он может давать вам поначалу сладкие сны — но лишь поначалу. Как только вы попались, как только вы внутри, как только вы выбрали, вы будете страдать. Именно так страдают миллионы людей.

Будда говорит: *Позволь ему карать и учить тебя и сохранять от обмана.*

*Мир может его ненавидеть,
Но хорошие люди любят его.*

И помните: мудрый всегда ненавистен миру, неизбежно ненавистен миру. Его присутствие беспокоит тех, кто крепко спит и храпит, потому что он продолжает кричать: «Просыпайтесь!» Он продолжает говорить вам, что все, что бы вы ни делали, иллюзорно. Он продолжает трясти вас, возвращая вас в осознанность, а вам могут сниться сладкие сны, прекрасные сны. Он продолжает вытаскивать вас из ваших сновидений и вашего сна, а сон может быть удобным, безопасным и спокойным. И он не позволяет вам отдохнуть; он дает вам великую работу, которую вы должны проделать над собой.

Обычное человечество всегда ненавидело мудрого человека — он может быть Буддой, Сократом, Заратустрой или Лао-цзы, неважно, кто, но во все века мудрые были ненавистны обычным людям, массам, толпам. Мудрые были любимы лишь немногими искателями истины, немногими влюбленными в истину, немногими хорошими людьми. Помните это!

*Не ищи плохой компании,
Не живи с людьми, которые равнодушны.
Найди друзей, которые любят истину.*

В этом значение духовной коммуны: *Найди друзей, которые любят истину* — потому что сами по себе вы можете не набраться храбрости, чтобы плыть в необозначенные на картах моря. Но когда вы видите, что плывет столько людей, великая храбрость может возникнуть у вас в сердце. Она здесь, лежащая в бездействии — она может ожить. Поэтому нужна коммуна, — Будда создал *сангху*, коммуну,

— где искатели могут собраться вместе, где искатели истины могут взять друг друга за руки, где медитирующие могут поделиться друг с другом своими переживаниями, где люди могут чувствовать, что они не одни, где они могут создать альтернативное общество.

И в точности это я стараюсь сделать здесь: создать альтернативное общество — общество друзей истины, общество искателей, общество людей, которые могут быть в глубоком единении друг с другом, общество любви, доверия, потому что путешествие будет долгим и трудным, и вам придется пересечь многие пустыни, многие горы и многие океаны.

Одни вы можете не смочь собрать достаточно храбрости, одни вы можете потерять надежду. Но, когда вы видите многих людей, которые танцуют, поют, наслаждаются своим путешествием, в вашем сердце возникает великая храбрость, в вас возникает великое доверие. Вы приобретаете уверенность в том, что стать буддой в этой жизни возможно.

Не ищи плохой компании... Что такое «плохая компания»? Люди, которые не заинтересованы в истине... *Не живи с людьми, которые равнодушны.* Избегайте людей, равнодушных к истине, потому что они тратят свои жизни впустую. Чтобы быть с ними, вы должны быть такими же, как они. Чтобы быть с ними, вы должны вести себя таким же образом. Найдите людей, которые находятся в любовном романе с существованием. Они безмерно помогут вашему поиску; вы от этого очень выиграете.

Пей до дна... И, когда вы находите мудрого, мастера, будду, когда вы находите сообщество искателей истины, сангху, тогда пейте до дна, тогда не скупитесь, тогда не сдерживайтесь. Вы страдали от жажды многие жизни. Когда приходит время, не позволяйте старому привычному образу помешать вам — пейте до дна, смело, без колебаний. Вперед!

Пей до дна.

Живи в безмятежности и радости.

Быть с мастером это действительно значит быть пьяницей. Мастер делится своим вином! Мастер делится тем внутренним соком, который начал течь в его существе. Источник неисчерпаем; вы можете пить, сколько хотите — вы не можете его исчерпать. Быть с мастером значит научиться пить его, есть его, переваривать его. Быть учеником это в самом деле значит быть каннибалом! Мастер должен быть съеден, выпит, переварен, чтобы он проник к вам в кровь, в плоть, в мозг костей... чтобы он стал частью вашего существа. *Пей до дна. Живи в безмятежности и радости.*

И, когда вы рядом с мастером, не будьте печальны и не будьте серьезны. Это не путь единения с мастером. Вы соединяетесь с ним, лишь радуясь. Конечно, ваша радость должна быть очень безмятежной, тихой, спокойной. Настоящая радость не лихорадочна; она спокойна, очень молчалива. Она поет песню, но это песня молчания. Она не кричит, она шепчет.

Живи в безмятежности и радости — потому что, чем более вы безмятежны, тем более вы доступны для мастера. И, чем более вы радостны, тем ближе вы к мастеру. Это способы быть ближе.

Многие саньясины спрашивают меня: «Как мы можем быть ближе к тебе, Возлюбленный Мастер?» Будьте безмятежны, будьте радостны... и вы близки! Будьте печальны, будьте серьезны, и вы далеки, очень далеки. Физически вы можете быть близко, но если вы печальны, вы не близки. Физически вы можете быть на расстоянии тысяч миль, но, если вы радостны, если вы радуетесь тому, что у вас есть мастер, если вы радуетесь тому, что вы нашли будду, радуетесь тому, что бог еще не покинул землю, он все еще отправляет своих посланников, радуетесь тому, что Христос все еще ходит по земле, что Мухаммед не мертв, но рожден в другой форме, радуетесь тому, что сознание все еще рас-

цветает и становится лотосом в будде... и вы нашли этот лотос!

Вы счастливы, вы блаженны. Эта радость подводит вас ближе к мастеру. Это духовная близость; она не имеет ничего общего с физической близостью.

Мудрый наслаждается истиной

И следует закону пробужденных.

И если вы живете радостно, в глубокой безмятежности, если вы пьете, совершенно не сдерживаясь, если вы идете с мастером от всего сердца, вы начинаете становиться мудрым.

Мудрый наслаждается истиной... Тогда, когда бы вы ни услышали истину, вы наслаждаетесь. Ваше наслаждение безмерно. Ваше наслаждение не от земли; это нечто из запредельного.

...И следует закону пробужденных. Постепенно вы начинаете осознавать закон пробужденных. *Аэс дхаммо санантано!* Мир это не хаос, это космос. Вселенная не случайна; вся она пронизана насквозь определенным законом. Будда называет этот закон *дхаммой* — он называет этот закон Богом. Его подход очень научен. Он не проповедует о Боге, который сидит на золотом троне в небе, ревнивый и гневный, руководя и контролируя мир, — если вы не следуете ему, вы попадете в ад; если вы следуете ему, если вы восхваляете его, если вы даете ему взятки через молитвы и священников, тогда он наградит вас на небесах прекрасными женщинами, которые никогда не стареют, которые застряли в возрасте шестнадцати лет. Будда не верит ни в какого Бога, который наказывает и награждает. Его подход научен.

Он говорит, что Бог есть высший закон, который удерживает вселенную в целостности. Вселенная это гирлянда — вы видите цветы, но не видите нити, которая пронизы-

вает цветы — она скрыта. Эта нить — Бог, и этот Бог известен лишь пробужденным, буддам.

Пейте мастера до дна, впитывайте его существо, впитывайте его присутствие... растайте в его присутствии. Позвольте его теплу и состраданию растопить лед вашего эго. Станьте с ним одним целым. Отбросьте двойственность. Будьте соединены.

В этом смысл ученичества, в этом заключается вся саньяса — и постепенно вы начинаете видеть, что истинно, а что ложно. Узнать, что ложное есть ложное, значит узнать, что истинное есть истинное; узнать, что темнота есть темнота — начало знания того, что свет есть свет. И, когда в вас возникает любовь к истине, недалек тот день, когда вы станете просветленным своим собственным светом, когда вы будете пробуждены.

Прежде чем это произойдет, следуйте закону пробужденных, будьте сонастроены с пробужденным, будьте в гармонии с пробужденным — потому что это синхронизация.

Слушая прекрасную музыку, вы почувствуете, что вам хочется танцевать. Это не вызвано музыкой, потому что те, кто слушает музыку, могут не захотеть танцевать; поэтому, это не закон причины и следствия, это совершенно другой закон. Карл Густав Юнг назвал его законом синхронизации; он дал ему прекрасное имя. Он был известен веками, но он был первым, кто открыл его заново на Западе.

На Востоке мы называем его *сатсангом*: быть в гармонии с мастером, быть настолько сонастроенным, что его существо начинает просачиваться в вас, ваши края нахлестываются. Тогда начинает происходить нечто, чего никогда не происходило раньше. Мастер не делает этого, вы не делаете этого, — этого никто не делает, — это просто происходит. В точности как, слушая музыку, вы хотите танцевать; когда вы сонастроены с мастером, вы чувствуете, что в вас происходит пробуждение.

Крестьянин подводит воду к земле.

Оружейник оперяет стрелу.

Плотник обрабатывает дерево.

Так и мудрый направляет свой ум.

Как только с вами случились проблески мудрости, направьте свой ум к пробужденному. Ученик постоянно направляет свой ум к мастеру — даже после того, как ученик становится пробужденным, он продолжает направлять свой ум.

Сарипутта стал просветленным — он был одним из великих учеников Будды. После того он стал просветленным, он начал очень бояться появляться рядом с Буддой. Почему? — потому что он знал, что теперь Будда скажет, что он должен идти и распространять слово; он очень не хотел покидать мастера.

Говорят, что он много дней прятался от мастера, но в конце концов Будда спросил:

— Где Сарипутта? — потому что он стал просветленным, и скрыть этот свет невозможно. Приведите его, поймайте его, где бы он ни был!

Он прятался в пещере. Его привели силой. Он говорил:

— Я не хочу уходить. Я знаю, что он мне скажет. Он скажет: «Иди, броди по миру, проповедуй. Теперь ты стал пробужденным, разбуди других!» А я не хочу покидать мастера. Как я буду жить без его постоянного присутствия?

Но ему пришлось уйти. Когда он пришел к Будде, Будда сказал:

— Теперь иди на восток и распространяй слово. Ты достиг, теперь поделись.

Когда мастер приказывает, нужно повиноваться.

Со слезами на глазах он коснулся ног мастера и отправился на восток. Но первое, что он делал каждое утро — поворачивался к западу, где жил мастер.

Люди спрашивали его:

— Сарипутта, ты теперь сам полноправный будда — что ты делаешь? Почему ты продолжаешь каждое утро кланяться западу?

— Неважно, просветленный я или нет, — ответил он. — Это не имеет значения, не в этом суть. Мой мастер живет на западе; хотя я и далеко, я все еще насыщен его присутствием. Я могу отбросить свое просветление, но я не могу отбросить своего мастера. Просветление — ничто по сравнению с сонастроенностью с мастером.

...Мудрый человек направляет свой ум — к истине, к высшему закону существования, к пробужденным людям. А когда ты направляешь свой ум к пробужденным людям или к закону существования, постепенно старый ум начинает успокаиваться, прежняя болтовня начинает смолкать. Ты становишься все более и более молчаливым, безмятежным и спокойным. Ты становишься молчаливым озером; все волны исчезли, не осталось и ряби. Лишь тогда истина отражается в тебе.

Ветру не под силу сотрясать горы.

Ни хвала, ни проклятья не трогают мудрого.

И тогда ты подобен горе: никто не может потрясти тебя. И хвала, и проклятья совершенно ничем не отличаются для мудрого человека — они одинаковы. Когда невежественный человек, непробужденный человек хвалит или ругает тебя, какое это имеет значение? И то, и другое исходит из его сна. Как если бы этот человек кричал во сне

— ругал или хвалил тебя. Станешь ли ты обращать на это какое-нибудь внимание? Станешь ли ты разбираться, когда он хвалит, а когда ругает? Человек во сне может осуждать тебя или хвалить — ты знаешь, что ему снится сон, что он спит. Это неважно! Это безразлично. Все, что он говорит, полная чепуха. Когда он проснется, он посмеется над собой, это будет казаться таким забавным.

Поэтому ты можешь хвалить будду или осуждать его — его осуждают миллионы, а хвалят лишь немногие — но для него это не имеет значения. Он остается неподвижной горой, нерушимой горой.

Он — ясность.

Внимая истине,

Он подобен озеру,

Чистому, спокойному и глубокому.

Он не только ясен: Будда говорит, что он — ясность, он сама ясность. Быть ясным очень обычно; время от времени вы также ясны. Лишь время от времени вы можете подняться до определенной ясности. Но ум всегда здесь, чтобы снова сыграть с вами трюк; вы упадете снова. На мгновение вы можете подпрыгнуть, и вы за пределами гравитации — но надолго ли? Самое большее, несколько секунд, и вы снова под властью того же закона гравитации.

Быть ясным — мгновенное явление.

Мудрый человек, пробужденный человек, не только ясен — он есть ясность. Вы не можете отнять ее у него. Он ясен насквозь. Он совершенно ясен. Он лишен всех сорняков — он лишь розы и розы, ряды роз. Он стал чистым светом, чистой способностью видеть. Его видение больше не затуманено, его небо безоблачно.

...Он подобен озеру, чистому, спокойному и глубокому. Его сознание становится озером, и в этом озере отра-

жаются все звезды, солнца и луны, и все небо... и вся истина, и все существование. В молчаливом озере его сознания отражается то, что есть, и это другое имя Бога — то, что есть.

Медитируйте на эти сутры; не только медитируйте — впитайте их дух. Будда делится с вами неоценимыми сокровищами, неоценимыми секретами... *Следуй ему, следуй пути.*

На сегодня достаточно.

Глава 2 Наблюдатель на холмах

Первый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Пожалуйста, скажи что-нибудь о доверии. Когда я доверяю, все, что бы ни случилось, прекрасно; когда возникает сомнение, я в боли. Просто того факта, что я доверяю Тебе, жизни, или кому-то еще, достаточно, чтобы заставить меня почувствовать себя светлой, счастливой. Тогда почему я все же сомневаюсь?

Прем Изабель, это один из самых фундаментальных вопросов жизни. Дело не только в доверии и сомнении: этот вопрос укоренен в двойственности ума. То же самое с ненавистью и любовью, то же самое с телом и душой, то же самое с этим миром и иным миром.

Ум не может видеть одно. Сам процесс ума разделяет реальность на полярные протиположности — а реальность есть одно, реальность это не два, реальность это не множество. Это не мультиверсум, это универсум.

Это органическое единство, существование. Но ум в своей основе действует через разделение, он действует как призма; она немедленно делит свет на семь цветов. Прежде чем пройти через призму, был лишь белый цвет, чисто белый; из призмы выходит целая радуга.

Ум делит реальность на две части. И эти части неизбежно всегда рядом, потому что в самом существовании они неразделимы. Лишь в уме, лишь в мыслях существует разделение.

Прем Изабель, ты говоришь: «Скажи еще что-нибудь о доверии. Когда я доверяю, все, что бы ни случилось, прекрасно...»

Но твое доверие это не что иное, как другой полюс сомнения; оно не может существовать без сомнения. Твое

доверие это просто противоядие от сомнения. Если сомнение исчезнет, где будет твое доверие? Какая будет необходимость в доверии? Если нет сомнения, нет и доверия. А ты боишься утратить доверие, ты цепляешься за доверие. Цепляясь за доверие, ты цепляешься и за сомнение, помни. У тебя могут быть лишь они оба, не может быть что-то одно. Ты должна либо отбросить оба, либо продолжать быть с ними обоими, они неразделимы; это две стороны одной и той же монеты. Как ты можешь избежать другой стороны монеты? Она всегда будет здесь. Ты можешь не смотреть на нее, это не имеет значения. Но рано или поздно тебе придется на нее посмотреть.

Вот другая часть ума: ему все быстро надоедает. Если ты в доверии, оно вскоре надоест ему. Да, это прекрасно, но лишь поначалу. Вскоре ум начинает стремиться к чему-то новому, к чему-то другому, к переменам. Тогда возникает сомнение, и сомнение болезненно; ты снова начинаешь двигаться к доверию, и доверие надоедает, и ты снова проваливаешься в ловушку сомнения... Таким образом человек продолжает существовать как маятник часов: он продолжает двигаться влево-вправо, влево-вправо. Тебе придется понять, что *есть* доверие, совершенно отличающееся от того, что ты называла доверием до сих пор. Я говорю об этом доверии. Различие очень деликатное и тонкое, но оба слова одинаковы. Мне приходится использовать тот язык, который используете вы. Я не могу создать новый язык; он будет бесполезен, потому что вы не будете его понимать. Я не могу продолжать использовать ваш язык в том смысле, в котором его используете вы, потому что это также будет бесполезно: я не смогу выразить свой опыт, который за пределами вашего языка. Поэтому я нашел среднее решение; я должен использовать ваш язык, ваши слова, но с новыми значениями. Здесь нужен компромисс. Это приходится делать всем буддам.

Я использую ваши слова, придавая им свои значения. Поэтому будьте бдительны: когда я говорю «доверие», то, что я имею в виду, совершенно отличается от того, что *вы*

подразумеаете под тем же самым словом. Когда я говорю «доверие», я подразумеваю отсутствие двойственности доверия и сомнения. Когда я говорю «любовь», я подразумеваю отсутствие двойственности любви и ненависти. Когда вы используете слово «доверие», оно означает другую сторону сомнения; когда вы используете слово «любовь», оно означает другую сторону ненависти. Но тогда вы пойманы в двойственности, в двойном узле. Вы будете раздавлены между ними двумя; вся ваша жизнь будет жизнью боли.

Ты знаешь, что доверие прекрасно, но сомнение возникает, потому что твое доверие не за пределами сомнения. Твое доверие *против* сомнения, но не за его пределами. Мое доверие это трансценденция; оно за пределами. Но, чтобы идти за пределы, ты должна запомнить: оба должны быть оставлены позади. Ты не можешь выбрать. Твое доверие это выбор не в пользу сомнения, мое доверие это невыбирающее сознание. Фактически, я не должен был использовать слово «доверие»; это сбивает вас с толку. Но тогда что делать? Какое другое слово можно использовать? Все слова будут сбивать вас с толку.

На самом деле, я не должен говорить, но вы не сможете понять и молчания. Я говорю, чтобы помочь тебе стать молчаливой. Мое послание может быть передано только в молчании. Лишь в молчании, лишь в единении... Но, прежде чем это станет возможным, я должен общаться с вами, убедить вас в этом. Это может быть сделано лишь при помощи ваших слов. Но, если ты запомнишь одну вещь, это будет безмерной помощью: я использую ваши слова, но с своими собственными значениями — не забывай о моих значениях.

Иди за пределы сомнения и доверия, и тогда ты испытываешь новый вкус доверия — которое ничего не знает о сомнении, которое абсолютно невинно. Иди за пределы и того и другого, и тогда останешься просто *ты*, твое сознание без всякого содержания. И в этом заключается вся медитация. Доверие есть медитация.

Не подавляй сомнений! Именно это ты продолжаешь делать. Когда ты слушаешь о красотах истины, о удивительности доверия, о чудесах доверия, в тебе возникает великое стремление, великое желание, великая жадность его достичь. И тогда ты начинаешь подавлять сомнение; ты постоянно выбрасываешь сомнение глубоко в бессознательное, чтобы тебе не приходилось сталкиваться с ним. Но оно там. И, чем оно глубже, тем оно опасней, потому что оно будет манипулировать тобой из-за кулис. Ты будешь не в состоянии увидеть его, и оно будет постоянно влиять на твою жизнь. Твое сомнение будет более могущественно у тебя в бессознательном, чем в сознательном. Поэтому я говорю, что лучше быть сомневающимся, лучше быть скептическим сознательно, зная об этом, чем становиться верующим и, не создавая этого, не зная об этом, оставаться сомневающимся.

Все верующие сомневаются, и поэтому они так боятся утратить свое доверие. Их доверие бедно, их доверие бессильно. Индуисты боятся читать писания буддистов, буддисты боятся читать писания христиан, христиане боятся читать писания других религий. Атеист боится слушать мистика, теист боится слушать атеиста. Откуда берется этот страх? Не от другого: он исходит из вашего бессознательного. Вы прекрасно знаете — как вы можете избежать этого знания? Возможно, вам хотелось бы забыть, но вы не можете — он здесь! Смутно вы всегда чувствуете его, сомнение остается с вами, и любой может вызвать его к жизни. Оно может оставаться в бездействии, оно может снова стать активным; отсюда страх услышать что-то, что противоречит вашим верованиям.

Все верующие живут с закрытыми глазами, закрытыми ушами и закрытыми сердцами — они вынуждены, потому что в то мгновение, когда они открывают глаза, появляется страх. Кто знает, что они увидят? Это может повлиять на их верование. Они не могут слушать, они не могут *позволить себе* слушать, потому что нечто может проникнуть глубоко в бессознательное, и бессознательное

может быть потревожено. А им с таким трудом удавалось его контролировать. Но это управляемое сомнение, это подавленное сомнение возьмет реванш; рано или поздно оно отомстит. Оно будет ждать возможности, чтобы утвердить себя. И оно становится у тебя внутри все сильнее и сильнее. Вскоре оно сбросит систему верований твоего сознательного. Вот почему так легко превратить людей из индуистов в мусульман, из мусульман в христиан, из христиан в индуистов — это так легко.

До Русской Революции, всего шестьдесят лет назад, вся Россия была религиозной — фактически, одной из самых религиозных стран. Что случилось? Всего лишь революция! Коммунисты пришли к власти, и через десять лет вся религиозность испарилась. Люди стали атеистами, потому что теперь их учили в школах, колледжах, университетах, повсюду, что Бога нет, что души нет.

Обычно они верили в Бога, теперь они стали верить в отсутствие Бога! Они привыкли верить раньше, и они *все еще* верят. Раньше было подавлено сомнение, теперь подавлено доверие. Рано или поздно Россия пройдет через еще одну революцию — когда доверие снова окажется наверху, а сомнение будет снова брошено в бессознательное. Но все это одно и то же! Вы движетесь по кругу.

В Индии вы все великие религиозные люди. Все это вздор! Ваша так называемая религия это не что иное, как подавленное сомнение. Как и в других странах.

Это не путь внутренней трансформации — подавление никогда не вело к революции. Понимание, не подавление; постарайтесь понять свое нет, постарайтесь понять свое да, и вы увидите, что они не отдельные, что они неразделимы. Какое значение будет иметь слово «да», если «нет» исчезнет из языков? Какое значение может иметь нет, если вы ничего не знаете о да?

Они связаны, они женаты друг на друге, и они не могут развестись. Но есть трансценденция. Нет необходимости разводить их, нет необходимости их разлучать — не

пытаться сделать невозможное. Иди за пределы. Наблюдай и то и другое.

Вот мое предложение, Изабель: когда возникает сомнение, наблюдай его и не отождествляйся с ним. Не беспокойся, беспокоиться не о чем! Вот сомнение — ты наблюдаешь его, ты не оно. Ты — лишь зеркало, отражающее его. И, когда возникает доверие, наблюдать его будет немного сложнее, потому что ты скажешь: «Доверие делает меня счастливой, доверие делает меня такой красивой». Ты набросишься на него, ты захочешь отождествиться с ним. Тебе хочется, чтобы тебя знали как человека, который доверяет, как человека, у которого есть вера. Но тогда ты никогда не выберешься из порочного круга. Наблюдай и доверие.

И чем глубже становится твое наблюдение... ты будешь удивлена: посмотрев глубоко в свое сомнение, ты найдешь с другой стороны и доверие — как будто монета становится прозрачной, и ты можешь видеть и ту, и другую сторону. Тогда, наблюдая доверие, ты сможешь увидеть позади и скрытое сомнение. Это момент великой реализации: когда ты видишь, что доверие есть сомнение, что сомнение есть доверие, ты становишься свободной от них обоих. Внезапно — трансценденция! Ты больше не привязана ни к одному из них, с твоими оковами покончено. Ты больше не в ловушке двойственности, а когда ты больше не в ловушке двойственности, ты совершенно не часть ума — ум остался далеко позади. Ты просто чистое сознание. А узнать чистое сознание значит узнать настоящую красоту, настоящее блаженство, настоящее благословение.

Если ты захочешь назвать это «доверием», ты поймешь мой язык. Я называю доверием состояние, которое не знает никаких сомнений, ни тени сомнения.

Но, конечно, я использую язык таким образом, с которым не согласится ни один лингвист. Именно так было всегда. У мистика есть, что сказать, но это не может быть сказано. И мистик должен передать вам нечто, что непередаваемо. Вот проблема мистика: что делать? У него есть

нечто, и есть так много, что он хотел бы поделиться — он должен поделиться. Щедрость неизбежна, ее нельзя обойти стороной. Как облако, полное дождевой воды: оно должно излиться дождем. Как цветок, полный аромата: аромат должен быть отдан ветрам. Как светельник темной ночью — свету приходится изгнать тьму.

Когда кто-то становится просветленным, он становится полным дождевым облаком. Будда называл человека просветления тем, кто достиг *мегхасамадхи* — *мегха* значит облако, *самадхи* значит высшее сознание: тот, кто достиг облака высшего сознания. Почему он использует слово «облако»? — из-за внутренней потребности излиться. Человек, который просветлен, становится цветком, который распустился. Мистики Востока называли окончательное раскрытие вашего сердца, вашего существа, вашего сознания *сахасрарой* — тысячелепестковым лотосом. Когда раскрывается этот тысячелепестковый лотос, можете ли вы удержаться от того, чтобы не поделиться своим ароматом? Это естественно, спонтанно; его подхватывает ветер.

Будда это человек, чье сердце полно света; будда это тот, кто стал пламенем, высшим пламенем, которое не может быть погашено. Теперь оно обязательно изгонит темноту. Но вот проблема: как передать послание?

Вы имеете язык, основанный на двойственности, а он имеет опыт, укорененный в не-двойственности. Вы на земле, он на небе. Расстояние бесконечно... Но через него должен быть переброшен мост. И вы не можете перебросить мост, это может лишь будда. Вы ничего не знаете о небе, вы ничего не знаете об этом невыразимом опыте, об этом неопишемом опыте. Но он знает и то и другое! Он знает вашу тьму, потому что он жил в этой тьме сам. Он знает ваше страдание, потому что он прошел через него, и сейчас он знает, что блаженство есть конечное достижение. Сейчас он знает, что такое Бог. Только ему может удастся создать мост, лишь он может создать какие-то связи между вами и собой.

Язык это важнейшее связующее звено между человеком и буддой. Фактически, язык является самой определенной характеристикой человеческих существ; ни одно другое животное не использует язык. Человек стал человеком благодаря языку. Поэтому избежать использования языка нельзя, его нужно использовать — но использовать таким образом, чтобы постоянно напоминать вам о том, что он должен быть отброшен, и чем скорее, тем лучше.

Изабель, отбрось сомнение и доверие, верование и неверие, скептицизм и веру — отбрось и то и другое! И тогда увидь, как в тебе возникает что-то новое, не являющееся доверием в прежнем смысле, — потому что в нем нет сомнения, — которое является доверием в совершенно новом смысле, с совершенно другим качеством. Именно об этом я говорю, вот что я называю доверием — доверие, которое за пределами доверия и сомнения, за пределами и той и другой стороны всего, что бы ты ни знала до сих пор.

Есть свет, который не ваш свет и не ваша темнота, есть сознание, которое не ваше сознательное и не ваше бессознательное. То, что Зигмунд Фрейд и Карл Густав Юнг называют сознательным и бессознательным, является частями вашего ума. Когда Будда говорит о сознании, он не говорит о том же, что и Фрейд или Юнг — его сознание это свидетельствующее сознание, которое свидетельствует сознательное Фрейда и бессознательное Фрейда.

Научись быть более свидетелем, создай больше наблюдения. Пусть каждое действие, каждая мысль будет увиденна. Не отождествляйся с ней; оставайся отстраненной, отдаленной, далекой — наблюдателем на холмах. Тогда однажды на тебя изольется бесконечное блаженство.

Второй вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Во мне все сильнее и сильнее становится чувство того, что существует абсолютная связь между эго и нет, между любовью и да, и что любовь не может говорить нет; только поддельная любовь, исходящая из эго, может говорить нет; а эго не может говорить да — эго может говорить лишь поддельное да, и это лицемерие. И все же мой ум сомневается, возражает против простоты этого понимания.

Вит Читтен, вот первое, что нужно понять: истина всегда проста. В ней нет никаких сложностей. Вот почему знающий человек продолжает упускать ее.

Иисус говорит: Пока вы не станете подобны маленьким детям, вы не войдете в мое Царство Божье.

Истина должна быть очень проста. Если ее понимают лишь дети, она не может быть сложной. Истина просто есть. Эта «естественность» может создать великое удивление в твоём сердце, она может озадачить тебя — но она озадачивает тебя именно своей простотой, своей очевидностью. Она может создать в тебе великое благоговение, но это не благоговение перед сложностью.

Если бы истина была сложной, философы уже давно открыли бы ее, они специалисты в сложностях. Они еще не смогли ее открыть. И они никогда не смогут ее открыть. Сам их поиск идет в неверном направлении. Они с самого начала предположили, что истина сложна, — и они никогда не сомневаются в этом основном предположении, — и они гонятся за своими собственными сложными умами. И, чем больше они идут в ум, думают и спорят, тем более все кажется сложным.

Наука не может найти истину, потому что наука хочет, чтобы все было сложно. Почему наука и философия хотят, чтобы все было сложным? Наука это лишь ветвь философии. Даже сегодня в оксфордском университете отделение физики называется «Отделом Философии При-

роды». Наука это ветвь философии; именно поэтому ученым все еще присваивается степень Ph.D. — Ph.D. химии, Ph.D. физики, Ph.D. математики — но Ph.D. означает «доктор философии».

В древние времена была только философия, и тогда часть философии постепенно стала более экспериментальной, и эта часть стала наукой.

Наука может действовать только в чем-то сложном. Почему? — потому что сложное можно делить, анализировать, анатомировать. Величайшая сложность простых вещей в том, что их нельзя расчленять, у них нет частей, на которые можно расчленять. Если вы зададите ученому сложный вопрос, он ответит на него; но если вы зададите простой вопрос, очень простой вопрос, возникнет затруднение.

Если вы спросите, сколько всего есть звезд, ученый может ответить. Но если вы спросите, почему в арифметике только десять основных цифр, от одной до десяти, а затем они снова повторяются: одиннадцать, двенадцать, тринадцать... Основных цифр лишь десять. Почему? Почему десять? Почему не семь? Почему не пять? Почему не три? Тогда ученый будет в растерянности. Он пожмет плечами. Он не может ответить — потому что ответ так прост, что выглядит абсурдным.

В арифметике десять цифр, потому что у вас десять пальцев! А первобытные люди обычно считали по пальцам, поэтому основой стали десять цифр. В этом нет ничего научного — просто совпадение. Если бы у вас было восемь или двенадцать пальцев, вся математика была бы другой. Это не обязательно!

Великий математик, Лейбниц, использовал только три цифры: один, два, три... четырех нет. Потом идет десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать... четырнадцати уже нет: двадцать. И это работало, работало прекрасно. Альберт Эйнштейн сократил количество цифр даже до двух. Он

сказал: «Десять это слишком много — нужно только два: один, два... хватит! Вы можете сосчитать все звезды!»

Число десять случайно, но столько предположений случайно. Они не зависят ни от какого основного закона. И если вы зададите очень простой вопрос... Например, Дж. Е. Мур спросил: «Что значит желтое?» И ни один ученый, ни один философ не смог ему ответить. Самое большее, вы можете сказать: «Желтое это желтое» — но это тавтология. Вы не говорите ничего нового! Если желтое это желтое, что это за ответ? Мы знаем, что желтое это желтое, — но что такое желтое? Вы можете показать что-нибудь желтое. Вы можете взять человека и показать ему желтые цветы, и он скажет: «Это я знаю! Это желтые цветы. Но вот мой вопрос: что такое желтое?»

Дж. Е. Мур, великий философ и логик этого века, допускает, на этот вопрос нельзя ответить. Почему? — потому что он такой простой! На простой вопрос нельзя ответить. Чем проще вопрос, тем более невозможно на него ответить.

Поэтому, Читтен, первое, что нужно запомнить: истина проста. Именно поэтому никто до сих пор не смог ничего сказать о ней, а все, что о ней сказано, поверхностно.

Лао-цзы всю жизнь подчеркивал, что он не смог бы ничего написать об истине. Но в конце концов он был принужден написать — он был действительно принужден... это единственное великое писание, которое было написано с ножом у горла!

Когда Лао-цзы состарился, он покидал Китай... и вы можете представить, насколько он был стар, потому что история говорит, что когда он родился, ему уже было восемьдесят два — когда он родился! Поэтому вы можете представить, как стар он стал, когда умер. Ему уже было восемьдесят два, когда он родился! Эта красивая история просто говорит, что, когда он родился, он был так зрел, что

он был ребенком, но не был инфантильным. И помните разницу между тем, кто ребенок, и тем, кто инфантилен.

Когда Иисус говорит: «Те, кто подобен детям...», он не говорит о недоразвитых людях, он говорит о невинных людях. Должно быть, Лао-цзы был так невинен, что те, кто написал о нем, не могли написать, что ему было только девять месяцев. Его невинность была такой глубокой; она не могла быть достигнута лишь за девять месяцев, поэтому они подумали, что ему было, по меньшей мере, восемьдесят два. Он родился седым. Посмотрите на Паритоша: должно быть, он родился таким как Паритош — совершенно седые волосы!

Поэтому, когда он состарился, — никто не знает, сколько ему было лет, должно быть, люди сбились со счета, — когда он почувствовал: «Пришло время оставить тело», он отправился в Гималаи, потому что не было другого места, в котором можно умереть так мирно.

Смерть должна быть празднованием! Смерть должна быть естественной, под деревьями, звездами, солнцем и луной. Всю жизнь он прожил с людьми; теперь он захотел вернуться к природе, и, прежде чем войти в окончательное, он хотел умереть среди деревьев, гор и девственных вершин.

Но король страны приказал стражникам границ: «Не дайте Лао-цзы сбежать. Когда вы поймаете его, заставьте его записать свой опыт, потому что у него есть нечто бесценное, и мы не можем позволить этому человеку уйти и унести его с собой».

Его поймали на одном из пограничных постов, и полицейский стал настаивать: «Ты должен это записать; в противном случае я не позволю тебе покинуть страну».

И вот, сидя в хижине полицейского, под угрозой его штыка Лао-цзы написал «Дао-дэ-цзин».

И первым же его предложением было: «Истина не может быть сказана; то что может быть сказано, больше не истина».

Ни одно великое писание не начинается таким красивым предложением. «Если вы поняли это предложение, пожалуйста, не читайте дальше». Он обманул полицейского. Как мог полицейский понять, что он пишет? Но он обманул. Первое предложение просто показывает, что дальше читать нет необходимости: если вы поняли это, значит, вы поняли все.

«Дао, которое может быть высказано, больше не дао». В то мгновение, когда вы высказываете его, вы его искажаете. Истина так проста, что она не может быть произнесена, слова сложны, язык сложен. Истина так проста, что на нее можно указать. Поэтому Будда говорит: «Будды могут только указать путь», а мастера дзен говорят: «Не цепляйтесь за наши слова — наши слова это не что иное, как пальцы, указывающие на луну». И помните, пальцы не луна! Луна не имеет с пальцами ничего общего, но вы можете только указать.

Истина так проста, и именно поэтому возникает проблема.

Читтен, ты говоришь: «И все же мой ум сомневается, возражает против простоты этого понимания».

Да, это происходит: когда вы начинаете понимать простые истины, — а все истины просты, — ум сомневается. Ум говорит: «Все не может быть так просто». Ум это действительно очень странное явление.

У вас есть поговорка, — почти во всех языках есть такие поговорки, — которая говорит: Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Слишком *хорошо*, чтобы быть правдой? Как будто хорошее и истинное это враги! Вы не можете верить в хорошее, вы не можете верить в истинное. Вы должны изменить эту поговорку: Слишком хорошо, чтобы быть неправдой.

Таким же образом ум говорит: «Слишком просто, чтобы быть истиной».

Измените это: «Если это не просто, это *не может* быть истиной».

Истина проста; поэтому нужна невинность, не знание. Поэтому нужно чистое сердце, не ум, полный информации. Поэтому нужна любовь, не логика. Истина *проста*.

Второе, что нужно понять: как общее утверждение твое понимание очень близко к истине.

Ты говоришь: «Во мне все сильнее и сильнее становится чувство того, что есть абсолютная связь между эго и нет».

Никогда не используй слова «абсолютный», избегай его, где это только возможно — потому что слово «абсолютный» создает фанатиков. Никто не обладает абсолютной истиной. Истина так безгранична! Все истины неизбежно относительны. Именно слово «абсолютный» привело все человечество страданию. Мусульманин думает, что абсолютная истина заключена в Коране; он становится слепым. Христианин думает, что абсолютная истина содержится в Библии. Индуист думает, что абсолютная истина записана в Гите, и так далее, и тому подобное. Как может существовать столько абсолютных истин? Отсюда конфликт, ссоры, войны, религиозные жестокости, джихады: «Убивай других, которые говорят, что их истина абсолютна — абсолютна *наша* истина!» Из века в век во имя религии совершалось больше убийств, больше изнасилований, больше грабежей, чем во имя чего-либо другого. В чем причина? Причина в слове «абсолютный».

Всегда помни: что бы мы ни знали и что бы мы когда-либо ни узнали, это обязательно останется относительным. Помни об этом, и это даст тебе сострадание. Помня об этом, ты станешь снисходительным. Помня об этом, ты будешь более человечным. Помни об этом, и это поможет тебе понять другие точки зрения.

Истина безгранична — проста, но безгранична, безгранична как небо. Вся вселенная содержит ее, а вселенная огромна, бесконечна. Как ты можешь воспринять всю истину? Как ты можешь держать в руках абсолютную истину? Но именно так действует эго.

Это очень хитро. В то мгновение, когда ты начинаешь чувствовать, что что-то истинно, это немедленно врывается и говорит: «Да, это абсолютная истина». Это закрывает твой ум; теперь истина больше не будет доступна. И в тот миг, когда ты утверждаешь: «Это абсолютно», ты искажаешь это.

Человек истины всегда относителен.

Если бы ты спросил Махавиру: есть ли Бог, он бы ответил: «Да — вот мое первое утверждение. Второе: нет; это мое второе утверждение». И он сделал бы семь утверждений, каждое из которых начиналось бы с «возможно»: возможно, да; возможно, нет; возможно, и то и другое; возможно, ни то ни другое; и так далее, и тому подобное. Семиричная логика!

То, что сделал Махавира в мире религии, Альберт Эйнштейн создал в мире физики: теорию относительности. Эти два имени очень важны; их вклад велик.

Джайнизм не смог распространиться по той единственной причине, что вы не можете создать религию на основе «возможно». Люди хотят абсолютных истин, люди хотят быть фанатиками, люди хотят быть верующими. Они хотят от кого-то зависеть, они хотят чьего-то авторитета. И в тот миг, когда вы говорите «возможно», они теряют к вам интерес. Их ум говорит: «Этот человек не знает; иначе почему он говорит «возможно»? Если он знает, он знает; если он не знает, он не знает. Здесь нет места никаким «возможно»».

Но Махавира не скажет да или нет, потому что, если он скажет нет, это станет абсолютным, если он скажет да, это станет абсолютным. Он всегда говорит «возможно». Почему? Не потому что он не знает, а *потому что он знает* — вот почему «возможно».

Читтен, никогда не говори слова «абсолютный» — избегай его. В прошлом оно было бедствием; в будущем мы должны его избегать. Используй чаще «возможно».

Твое утверждение было бы ближе к истине, если бы ты сказал: «Возможно, есть связь между эго и нет». Конеч-

но, тогда бы это не звучало так сильно; «возможно» делает его очень разбавленным. «Абсолютный» это медикаментозное лечение; «возможно» — гомеопатическое, очень слабое. Со словом «возможно» это будет привлекательно лишь для людей, которые понимают. Со словом «абсолютный» это будет привлекательно для дураков, тупиц, посредственностей, слабоумных, патологичных... это очень привлекательно!

Доктор Харисингх Гаур, один из величайших в мире специалистов в юриспруденции, обычно говорил своим студентам: «Если закон в вашу пользу, говорите очень тихо, медленно, будьте мягки, вежливы — потому что закон на вашей стороне, не беспокойтесь. Но если закон не на вашей стороне, тогда стучите по столу, говорите громко, сильным голосом. Используйте такие слова, которые создают атмосферу уверенности, абсолютности, потому что закон не на вашей стороне. Вы должны создать такую атмосферу, как будто закон на вашей стороне».

Когда бы ни говорил человек истины, он говорит скромно, он говорит просто.

Избегай слова «абсолютный»; оно было на службе у лжи, оно никогда не служило истине. Оно убивало истину, оно было ядовито для истины. Но научись использовать слово «возможно».

Да, с «возможно» связь между эго и нет существует. Эго насыщается нет, это его питание. Эго избегает говорить да, где это только возможно. Если ему приходится говорить да, оно говорит да очень неохотно, потому что, когда ты говоришь нет, ты утверждаешь свою власть; нет означает, что ты кто-то. Когда ты говоришь да, у тебя больше нет власти, ты сдаешься — сказать да значит сдаться. Поэтому мы продолжаем говорить нет, даже когда это совершенно ненужно.

Ребенок спрашивает у мастера: «Можно мне выйти и погулять на лужайке?», и она говорит: «Нет!» В этом нет никакой необходимости, совершенно никакой! Солнце све-

тит, зеленая лужайка, цветы и бабочки... что плохого в том, что ребенок выйдет на улицу и поиграет на солнце? Почему он должен оставаться в закрытой комнате? Но мать говорит нет — она не говорит нет специально; это бессознательно. Нет приходит легко. Нет кажется очень естественным, привычным, автоматическим. И дети становятся очень, очень бдительными — дети очень восприимчивы, они все замечают. Ребенок начнет надоедать матери, он рассердится. Он может начать плакать и разбрасывать вещи, он может начать кричать и делать что-то, что раздражает мать. И рано или поздно мать обязательно скажет: «Иди и играй!» А это именно то, о чем он просил с самого начала!

И так с каждым: первое, что срывается с языка, это нет. Нет приходит так быстро, что не остается даже времени, чтобы его обдумать. Да ты говоришь лишь тогда, когда тебя заставляют. Оно приходит с трудом, это очень сложно — как будто его вырывают у тебя. В естественном состоянии все было бы наоборот: да приходило бы легко, а нет — с трудом.

Человек, который глубоко идет в медитацию, найдет, что все меняется: да будет становиться все легче и легче, и однажды да будет просто спонтанным откликом. А сказать нет будет становиться все труднее и труднее, тяжелее, и, даже если человек говорит нет, он скажет это таким образом, что это будет звучать как да. Он сформулирует это таким образом, что оно не ранит эго другого — потому что, рана чужое эго, ваше эго чувствует себя хорошо.

Эго действительно насильственно. Чем сильнее ты ранишь эго других, тем лучше ты себя чувствуешь — ты выше, ты чувствуешь свое превосходство. С да все превосходство исчезает. С да ты просто растворяешься.

Таким образом, в этом есть истина, очень простая истина: *есть* связь между эго и нет, между любовью и да. Но помни о «возможно»; если ты сделаешь это абсолютным, ты можешь впасть в заблуждение. С «абсолютным» все становится неправильным... потому что иногда любовь знает, как говорить нет. То, что любовь всегда говорит да, не

абсолютно — нет. Любовь может и сказать нет. Но то нет, которое исходит от любви, совершенно другое, нежели чем то, что исходит от эго. У них разное качество, они существуют на разных уровнях.

Если любовь говорит нет, то не для того, чтобы обидеть тебя, а чтобы помочь тебе. Когда любовь говорит нет, это нет наполнено любовью, окружено поэзией, не насилием. Оно залито любовью. А человек, который всегда говорит да, теряет способность говорить нет, — даже если необходимо нет, его да механично, — и его да теряет смысл. Он как грампластинка. Он просто говорит да как нечто само собой разумеющееся. Ему даже не нужно слушать, что ты ему говоришь, его да неизбежно.

Один человек пришел к Зигмунду Фрейду. Это случилось в те дни, когда Фрейд был слишком одержим идеей секса; все должно было быть низведено до секса. Фрейд был одержим точно так же, как и христианство, которое две тысячи лет подавляло секс и было одержимо сексом. Он был почти святым! Если одержимость сексом делает человека святым, Зигмунд Фрейд — святой.

Все христианские святые были одержимы сексом; они создали очень подавленное общество, уродливое, болезненное, тошнотворное. Зигмунд Фрейд был мстью, мстью бессознательного; он стал глашатаем бессознательного. Теперь он делал то же самое с противоположной стороны: низводил все до секса.

Мимо прошел верблюд. Фрейд и человек, пришедший к нему, выглянули в окно. Зигмунд Фрейд спросил этого человека, как он всегда у всех спрашивал:

— Когда вы видите верблюда, о чем он вам напоминает?

— О сексе, — ответил человек.

Конечно, Фрейд был очень доволен. Все, что говорит в пользу вашей теории, новое свидетельство того, что даже верблюд напоминает человеку о сексе...

Тогда, чтобы окончательно все прояснить, он спросил:

— Видите эти книги на полке? О чем они вам напоминают?

— О сексе, — ответил человек.

Теперь даже Фрейд был немного озадачен, и он спросил:

— А о чем вам напоминаю я?

И человек ответил:

— О сексе.

— Неужели это возможно? Верблюд напоминает вам о сексе, книги напоминают вам о сексе, я напоминаю вам о сексе...

— Все напоминает мне о сексе!

Если секс слишком подавлен, все может напоминать о нем, все становится сексуально окрашенным. Естественно, Зигмунд Фрейд был очень рад встретиться с этим человеком. Он записал всю эту историю. Он имел обыкновение снова и снова рассказывать об этом своим студентам.

Однажды случилось так, что он рассказывал об этом новой группе студентов, и один из студентов, который присутствовал раньше, сказал:

— Но сэр, вы уже рассказывали эту историю год назад.

Фрейд на мгновение задумался и ответил:

— Тогда вам не нужно смеяться, но позвольте смеяться другим. Если вы уже смеялись в прошлом году, вам больше не нужно смеяться. Но я должен рассказать эту историю снова, потому что в ней вся суть.

Есть люди, миллионы людей, которые находятся в этой ситуации. Есть люди, которым все и вся напоминает о еде; они подавляли желание пищи. А любая вещь, если она слишком подавлена, создает патологию.

Например: если у тебя в уме слишком засядет эта идея — что любовь всегда говорит да, а эго всегда говорит нет, что эго означает нет, а любовь означает да. Они станут равнозначными, они станут синонимами. Это опасно: ты начнешь подавлять нет, лишь для того, чтобы быть любящим. И в твоём бессознательном подавлено так много нет, что это не позволит тебе быть действительно любящим. Любовь останется на поверхности, она будет фасадом, ложным лицом; она не будет твоим подлинным лицом.

Поэтому, пожалуйста, Читтен, избегай слова «абсолютный»; оно может создать для тебя трудности. Да, есть связь, но эта связь не абсолютна. Бывают мгновения, когда любовь может сказать нет, и только любовь может сказать нет, а есть мгновение, когда эго может сказать да.

Эго не невинно, оно очень хитро. Когда нужно, оно может использовать и да. Оно может использовать да как трамплин, оно может использовать да как смазочный материал. Ты не можешь продолжать говорить нет всем и вся; иначе твоя жизнь станет невозможной. Иногда тебе приходится говорить да — тебе это может не нравиться, но тебе приходится говорить да. Но ты скажешь да таким образом, что его окончательным результатом будет нет. Ты скажешь да как жест вежливости, но ты не будешь иметь его в виду; возможно, ты имеешь в виду прямо противоположное.

Я слышал:

Однажды суфий оказался среди большой толпы, окружающий королевский дворец. Король приказал созвать всех знаменитых людей своего королевства и прочитать оды в их честь. Придворные поэты много месяцев подготавливали свои гимны, и в этот день должно было произойти большое торжество.

Королевские стражники стали отделять гостей от зрителей, и суфий стал кричать:

— Я не хочу, чтобы меня прославляли, я не хочу, чтобы меня чествовали, я не хочу, чтобы в мою честь читали оды...

Однако это было бесполезно, и стражники втолкнули его в палату. Он так сопротивлялся, — другие сопротивлялись лишь из традиционной скромности, — что король приказал посадить его рядом со своим тронem. И тогда он приказал поэтам причитать восхваления этому самому скромному человеку. Но стихотворение никто не смог найти. Они спросили у этого мудреца, как его зовут, но никто его не вспомнил, никто не знал, кто он такой. В конце концов король попросил его что-нибудь сказать. Он сказал:

— Я не хочу, чтобы меня прославляли!

— Почему бы нет? — потребовал ответа король. — Если ты не хочешь, чтобы тебя прославляли, ты не должен был приходить в приемную!

— Но я и не приходил — твои стражники привели меня с улицы. Я даже не был приглашен. Все, что я делал, это говорил, что я не хочу, чтобы меня прославляли!

Но зачем это говорить? Он кричал, стоя неподалеку от дворца:

— Я не хочу, чтобы меня прославляли! Я не хочу восхвалений!

Он создавал такой шум. Зачем? Пути эго очень хитры. Оно может играть роль скромности. Оно может кричать с крыш:

— Я не хочу, чтобы меня прославляли!

Оно может даже отклонять Нобелевские Премии.

Именно это сделал Бернард Шоу. Он отказался принять Нобелевскую Премию на том основании, что она ниже его: «Она для молодых людей — ни будут счастливы. Я превзошел все почести, для меня это ребячество!» Но это было оскорблением для Шведской Академии и короля. И на него надавил весь мир, все короли, королевы, премьер-министры и президенты. Те, кто никогда не писал ему, стали слать ему письма: «Пожалуйста, примите ее — это оскорбительно для короля и страны».

На два или три дня он поднял большой шум и затем принял ее — на том основании, что так много президентов, премьер-министров, королей и королев просили его об этом, и лишь для того, чтобы они были довольны, он принял ее. Снова он создал великую новость, заняв передовицы газет. Он принял Нобелевскую Премию и тут же пожертвовал ее Фабиановскому Обществу. В последствии обнаружилось, что он был президентом этого общества и единственным его членом! Но он оставался постоянным центром внимания всего мира семь или восемь дней, и, когда его спросили об этом, он сказал:

— Какой смысл — просто чтобы в дальнем уголке газеты написали, что Бернарду Шоу была присуждена Нобелевская Премия? Я использовал возможность, как это только было возможно; я эксплуатировал эту возможность, как это только было возможно.

Это не было скромностью, это было путем эго. И он знал об этом — он был очень хитер в этой игре.

Помни: эго может иногда сказать нет, иногда — да, в зависимости от того, что больше подходит. Оно может использовать и да — оно так коварно. И любовь может

иногда сказать нет, а иногда — да, потому что если да ранит другого... Если ребенок просится пойти и погулять на солнце, это одно, но если этот ребенок просится поиграть с электрической розеткой, это опасно, или, если ребенок хочет выпить яд, тогда ты должен сказать нет — и любовь будет готова сказать нет.

Любовь может сказать нет из любви. Это может сказать да, исходя из собственных проекций. Здесь необязательно есть связь, не делай ее абсолютной, вот и все. Возможно, есть определенная связь — никогда не следует забывать об этом «возможно».

Обычно Махавира казался людям очень странным, потому что он начинал каждое предложение с «возможно». Это выглядело немного странно. Я не говорю, что ты должен начинать каждое предложение с «возможно». Я не говорю, что, когда ты влюбляешься в девушку, ты должен сказать ей: «Возможно, я тебя люблю, возможно, нет... кто знает? Ничто не абсолютно, все относительно». Я не говорю тебе стать выставкой идиотизма. Но пусть «возможно» станет частью твоего существа, пусть оно станет подводным течением.

Фактически, это так. Когда ты влюблен, это лишь возможно, нет необходимости говорить об этом, но это лишь возможно. Если ты не уверен даже в самом себе, как ты можешь быть уверен в своей любви? Ты еще даже не полюбил самого себя, как ты можешь любить кого-то другого? Ты не знаешь, что такое любовь — потому что любовь познается лишь на высочайших вершинах сознания.

То, что ты называешь любовью, является похотью, это не любовь. Это использование другого человека как средства, а использовать другого как средство — самое безнравственное действие в мире; это эксплуатация. Но другой не позволит тебе эксплуатировать себя, если ты не создашь атмосферу, в которой другой легко станет жертвой. Поэтому ты должен говорить о любви, ты должен говорить о любви, которая вечна. А ты не знаешь даже о завтра, ты не знаешь даже о следующем мгновении!

Любовник говорил своей возлюбленной:

— Я готов умереть за тебя! Только скажи!

Я так люблю тебя — лишь один намек, и я готов покончить с собой, я готов пожертвовать своей жизнью. Ты будешь моей — никакие силы в мире не могу мне помешать! Я тебя найду, даже если с небеса загорятся синим пламенем... И так далее, и тому подобное.

И тогда девушка спросила:

— Ты придешь завтра?

— Если не будет дождя, — ответил он.

Все это «возможно»! Человек должен это осознавать — это помогает тебе быть здоровым, это помогает тебе быть здоровым и целостным.

Но в этом есть простая истина: да каким-то образом является частью любви, а не эго, но это не обязательно так. Иногда нет может оказаться рядом с да, с любовью; да может оказаться рядом с нет, с эго.

Твой подход к жизни должен быть подходом да, любви; и если вообще нужно нет, оно должно служить да, оно должно служить твоей любви. Пусть нет будет слугой, а да — хозяином; этого достаточно! Я не говорю, что ты должен полностью разрушить нет. Если ты полностью разрушишь нет, твое да будет бессильно. Пусть да будет хозяином, а нет — слугой. Как слуга нет прекрасно; как хозяин оно уродливо.

И именно это произошло: нет стало хозяином, а да было низведено до состояния слуги. Освободи свое да из рабства и свергни нет с его трона хозяина, и ты найдешь правильный синтез своего существа, синтез положительного и отрицательного. Ты найдешь правильную гармонию между темной и светлой стороной, между ночью и днем, между летом и зимой, между жизнью и смертью.

Третий вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Я только что приехал с Запада, — из Парижа, — где я услышал о Тебе и прочитал несколько Твоих книг. Они очень глубоко тронули меня, и во мне возник вопрос:

Как Твое духовное измерение и работа, которую Ты проводишь на духовном уровне, способны направить и просветлить поведение людей, которые вовлечены в деятельность на материальном уровне — например, урбанизм, борьба с голодом, жадой и другими бедствиями?

Жак Дюмаль, я не разделяю существование на эти старые дихотомии, на материальный и духовный уровни. Есть лишь одна реальность: материя является ее видимой формой, а дух — невидимой. Это как твое тело и душа — тела не может быть без души, а души не может быть без тела.

Фактически, все разделение прошлого легло тяжким бременем на человеческое сердце — разделение между телом и душой. Оно было создано шизофреническим человечеством. Как я это вижу, шизофрения это не болезнь, которой иногда кто-то заболевает. Все человечество до сих пор было шизофреническим. Лишь изредка, время от времени такие люди как Иисус, Будда, Махавира, Сократ, Пифагор, Лао-цзы были способны избежать шизофренического образца нашей жизни.

Делить реальность на противостоящие, враждебные реалии опасно, потому что это делит и человека. Человек это вселенная в миниатюре; если ты делишь вселенную, разделен и человек, если ты делишь человека, разделена и

вселенная. А я верю в неразделенное органическое единство существования.

Для меня нет никакого различия между духовным и материальным. Ты можешь быть духовным и действовать на материальном уровне — и твоя деятельность будет более радостной, твоя деятельность будет более эстетичной, более чувствительной. Твоя деятельность на материальном уровне не будет напряжением, она не будет полна боли и тревоги.

Однажды к Будде пришел человек, и он спросил:

— Мир терпит такие бедствия, люди так страдают — как тебе удастся сидеть в таком молчании и такой радости?

— Если кто-то страдает лихорадкой, — ответил Будда, — должен ли врач лечь рядом и начать страдать? Должен ли врач из сострадания заразиться этой болезнью, лечь рядом с больным и страдать? Поможет ли это пациенту? Фактически, до сих пор был один больной, теперь их стало два — мир болен вдвойне! Чтобы помочь пациенту, врачу не нужно болеть; чтобы помочь пациенту, врач должен быть здоров. Чем он здоровее, тем лучше; чем он здоровее, тем большую помощь он может оказать.

Я не против работы на материальном уровне. Какой бы работой ты ни занимался — урбанизмом, борьбой с голодом, борьбой за экологическое равновесие, борьбой с бедностью, эксплуатацией, угнетением, борьбой за свободу — какой бы ни была твоя работа на материальном плане, она выиграет, очень выиграет от того, что ты станешь духовно более укорененным, центрированным, спокойным, тихим, умиротворенным, потому что изменится все качество твоей работы. Тогда ты сможешь лучше мыслить, ты сможешь действовать более милосердно. Твое понимание своего внутреннего существа будет огромной помощью в том, чтобы помогать другим.

Я не идеалист в старом смысле этого слова, я и не материалист в старом смысле этого слова. Чарваки в Индии, Эпикур в Греции, Карл Маркс и другие — они материалисты. Они говорят, что истинна лишь материя, а сознание

это вторичная патология, побочный продукт; само по себе оно не имеет реальности. И еще есть такие люди как Шанкара, Нагарджуна, которые говорят полностью противоположное. Они говорят, что душа реальна, а тело нереально — *майя*, иллюзия, вторичная патология, побочный продукт; само по себе оно нереально.

Для меня, и те и другие наполовину правы, наполовину неправы. А полуправда гораздо более опасна, чем полная ложь — по крайней мере, она полная. Полная ложь обладает определенной красотой, но полуправда уродлива, — уродлива и к тому же опасна, — уродлива, потому что она половинчатая. Это все равно что разрубить человека на две части.

Только вчера я прочитал историю:

Было очень жарко. Отец и маленькая дочь проходили мимо бассейна межконтинентальной гостиницы. Было так жарко, что девочка сказала:

— Я хочу зайти в бассейн и окунуться.

— Хорошо, — сказал отец, — иди, а я посижу под деревом.

Но ее немедленно остановил охранник:

— Сюда нельзя. В этот бассейн не допускаются евреи... А ты похожа на еврейку.

— Послушайте, — сказал отец. — Я еврей.

Мать моей дочери не еврейка, она христианка, поэтому моя дочь наполовину еврейка, наполовину христианка. Возможно, вы позволите ей окунуться до пояса?

Делить человека опасно, потому что человек это органическое единство. Но именно это делалось веками, и сейчас это стало почти привычным мышлением, обусловленностью.

Дюмаль, ты все еще мыслишь старыми категориями. Я не принадлежу ни к каой школе — ни к школе материалистов, ни к школе так называемых идеалистов. Мой подход — тотальный, холистический. Я верю в то, что человек одновременно и духовен, и материален. Фактически, мне приходится использовать слова «духовный» и «материальный», потому что их использовали всегда. На самом деле человек — психосоматический, не материальный и духовный, потому что «и» создает двойственность. Между материальным и духовным нет и, нет даже дефиса. Человек материальнодуховный — я использую одно слово, материальнодуховный. И с обеих сторон...

Духовное означает центр твоего существа, материальное означает периферию твоего существа. Если нет центра, не может быть периферии, если нет периферии, не может быть центра.

Моя работа здесь заключается в том, чтобы помочь твоему центру стать ясностью, чистотой. Тогда эта ясность отразится и на периферии. Если твой центр красив, обязательно становится красивой и периферия, а если красива твоя периферия, ее красота обязательно воздействует и на твой центр.

Мой саньясин это тотальный человек, новый человек. Усилия направлены на то, чтобы мы были красивы с обеих сторон.

Однажды беседовали два мистика. Один сказал:

— Один раз у меня был ученик, и несмотря на все мои старания, я не смог сделать его просветленным.

— А что ты делал? — спросил второй.

— Я заставлял его повторять мантры, созерцать символы, облачаться в специальное одеяние, прыгать, вдыхать благовония, читать откровения и подолгу стоять без сна.

— Не сказал ли он чего-нибудь, что дало бы тебе ключ к тому, почему все это не дало ему более высокого сознания?

— Ничего. Он просто лег и умер. А то, что он говорил, совершенно не относится к делу: «Когда я смогу что-нибудь *съесть*?»

Конечно, для духовного человека это не относится к делу, разговоры о еде — какое отношение она имеет к духу?

Я не духовный человек этого типа. Я настолько же гедонист, как и Чарвака, настолько же материалист, как и Эпикур, настолько же идеалист, как и Будда, Махавира. Я являюсь началом совершенно нового видения.

В новой коммуне, как и здесь, будет Аудитория Гаутамы Будды, Медитационный Зал Махавиры, Дом Иисуса, Дом Кришны, Дом Лао-цзы, там будут сады, посвященные Эпикуру — потому что эта школа будет называться: «Сад». Там будут озера, посвященные чарвакам. В новой коммуне будут уважаемы и идеалисты, и материалисты. Мы стараемся создать гармонию, новый синтез.

Последний вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Почему все так называемый индийские гуру так рвутся в Америку?

Нирмал, в очень древних индийских писаниях есть одна история. Медитируй на нее.

Вот эта история: когда творение планировалось, архетипическим представителям разных народов и школ был предложен выбор подарков.

Японцы попросили коан дзен, чтобы люди всегда оставались привязанными к энергии

затруднения. Индийский гуру попросил мантру и подтверждение того, что все на свете произошло из его философии.

Тогда выбор был предложен американцу. Так как он подошел одним из последних, большинство наиболее привлекательных вещей уже было роздано. Но он, не долго думая, попросил:

— Дайте мне доллар — тогда они все рано или поздно придут ко мне!

На сегодня достаточно.

Глава 3
Будь Буддой!

Ничего не желай.
Шам, иде желание,
Ничего не говори.

Счастье или отчаяние —
Что бы тебе ни выпало,
Иди,
Незапфронутый, непривязанный.

Не проси семьи, власти или благополучия
Ни для себя, ни для другого.
Может ли мудрый хотеть
несправедливо возвыситься?

Немногие пересекают реку.
Большинство приковано к этой стороне.
Они мечутся по берегу.

Но мудрый, следующий пути,
Пересекает реку, за пределами досягаемости
смерти.

Он оставляет темный путь
Ради пути света.
Он покидает свой дом, ища
Счастья на трудной дороге.

Свободный от желания,
Свободный от собственности,
Свободный от темных улов сердца,
Свободный от привязанностей и желания
насыщения,
Следуя семи огням пробуждения
И безмерно радуясь своей свободе,
В этом мире мудрый
Становится светом самому себе,
Чистым, сияющим, свободным.

Человек живет в страдании — не потому, что ему суждено жить в страдании, но потому, что он не понимает своей собственной природы, потенциала, возможностей роста. И это непонимание себя создает ад. Понять себя означает быть естественно блаженным, потому что блаженство это не нечто, приходящее извне, это ваше сознание, покоящееся в своей собственной природе.

Помните это утверждение: в вашем сознании, покоящемся в своей собственной природе, заключается все блаженство.

Расслабиться в собственном существе значит быть мудрым. Английское слово «мудрый» (*wise*) не отражает той глубины, той тонкости и того смысла, который несет слово «будда». Когда бы вы ни встретили слово «мудрый человек», помните, что это перевод слова «будда».

На Востоке слово «будда» имеет совершенно другое значение. Это не только мудрец, это гораздо большее. Мудрость превосходит знание, состояние будды — наивысшее. Состояние будды означает пробуждение. Знание означает объективное знание — знание того, что вне вас. Оно никогда не может быть большим, чем информация, потому что вы не можете видеть вещи изнутри, вы можете лишь наблюдать их снаружи (*англ. outside*); вы остаетесь чужим (*англ. outsider*). Такого рода знанием является наука. Само слово «наука» (*англ. science*) означает знание — знание извне. То, что вы знаете как объект, от которого вы отделены. Познание отличается от знания.

Вы можете снова и снова обходить вокруг, вы можете наблюдать со всех возможных сторон. Вы можете взвешивать и подсчитывать, вы можете расчленять и анализировать, вы можете приходить к логическим заключениям, которые будут полезными, утилитарными. Они сделают вас более эффективными, но они не сделают вас мудрыми. Мудрость это субъективное знание; не знание объекта, но знание знающего — вот мудрость.

Состояние будды это трансценденция и того, и другого. В состоянии будды нет ни объекта, ни субъекта; вся двойственность исчезла. Нет знающего, нет известного; нет наблюдателя и нет наблюдаемого — есть лишь одно. Вы можете назвать это как угодно: вы можете назвать это Богом, вы можете назвать это нирваной, вы можете назвать это самадхи, сатори... что бы то ни было, но остается лишь одно. Два сплавляются в одно.

В английском языке нет слова, которое выражало бы наивысшую трансценденцию. Фактически, есть многое, что не может быть выражено на западных языках, потому что восточный подход к реальности существенно, фундаментально, осязаемо отличается. Иногда случается так, что некоторые вещи можно рассмотреть и с восточной, и с западной точки зрения, и на поверхности заключения могут выглядеть похожими, но это не может быть так. Если вы пойдете немного глубже, если вы копнете немного глубже, вы найдете огромные различия — не обычные различия, необыкновенные различия.

Вчера вечером я читал знаменитое хайку Басе, мистика и мастера дзен. Оно не покажется великой поэзией западному уму, или уму, который получил западное образование. А сейчас весь мир получает западное образование; насколько это касается образования, Запад и Восток исчезли. Слушайте его очень внимательно, потому что это не то, что вы называете великой поэзией, но это великое прозрение — что гораздо более важно. Оно чрезвычайно поэтично, но, чтобы почувствовать эту поэзию, нужно быть очень тонким. Интеллектуально оно не может быть понято; оно может быть понято лишь интуитивно.

Вот это хайку:

Когда я смотрю внимательно,
Я вижу подорожник,
Цветущий у ограды!

Кажется, в этом нет ничего от великой поэзии. Но давайте подойдем с большей симпатией, потому Басе был переведен на английский; на его собственном языке это хайку имело совершенно другой вкус и аромат.

Подорожник это очень распространенное растение — он растет сам по себе на обочине дороги, простая трава. Он так распространен, что никто даже не смотрит на него. Это не драгоценная роза, это не роскошный лотос. Очень просто увидеть красоту редкостного лотоса, цветущего в озере, голубого лотоса — как вы можете не увидеть ее? На мгновение вас обязательно захватит его красота. Или прекрасная роза, танцующая на ветру, на солнце... на долю секунды она захватывает вас. Она огушительна. Но подорожник это очень обыкновенное, распространенное растение; ему не нужен уход, не нужен садовник, оно растет повсюду само по себе. Чтобы внимательно посмотреть на подорожник, нужен медитирующий, нужно очень деликатное сознание; иначе вы пройдете мимо. В нем нет очевидной красоты; его красота глубока. Его красота это красота очень обычного, но самое обычно содержит в себе необыкновенное, потому что все наполнено Богом — даже цветок подорожника. Если вы не проникнете в него сердцем, полным симпатии, вы упустите его.

Когда вы читаете Басе в первый раз, вы начинаете думать: «Что такого особенно значительного в том, что подорожник цветет у ограды?»

Последний слог в стихотворении Басе — по-японски *кана* — переведен как восклицательный знак, потому что у нас нет никакой другой возможности перевода. Но *кана* означает: «Я потрясен!» Откуда берется эта красота? Неужели из подорожника? — потому что тысячи людей прошли мимо ограды, и никто даже не взглянул на этот маленький цветок. А Басе захвачен его красотой, он перенесен в другой мир. Что случилось? Дело не в подорожнике, иначе он бросился бы в глаза любому другому человеку. Это прозрение Басе, его открытое сердце, его видение, полное сим-

патии, его медитативность. Медитация является алхимией: она может преобразовать простой металл в золото, она может превратить простой цветущий подорожник в лотос.

Когда я смотрю внимательно... Слово «внимательно» означает тщательно, с осознанностью, медитативно, с любовью, с заботой. Человек может посмотреть совершенно равнодушно, и тогда он упустит всю суть. Нужно помнить все значения слова «внимательно», но основное значение — медитативно. Что значит видеть что-либо медитативно? Это значит без ума, смотреть без ума, без облаков мысли в небе вашего сознания, без проходящих мимо воспоминаний, без желаний... без ничего, полная пустота.

Когда вы смотрите в таком состоянии не-ума, даже цветок подорожника переносится в другой мир. Он становится райским лотосом, он больше не часть земли; необыкновенное найдено в обычном. И это путь Будды: находить наобыкновенное в обычном, находить все в сейчас, находить все в этом — Будда называет это *татхата*.

Хайку Басе это хайку татхаты: *Этот подорожник, если на него посмотреть с любовью и заботой в сердце, с безоблачным сознанием, в состоянии не-ума... и ты потрясен, ты в благоговении. Возникает великое удивление: Как это возможно? Это подорожник — и если подорожник возможен, возможно все. Если подорожник может стать таким красивым, Басе может стать буддой. Если в подорожнике может заключаться такая поэзия, каждый камень может стать проповедью.*

Когда я смотрю внимательно, я вижу подорожник, цветущий у ограды! *Кана...* Я потрясен. Я утратил дар речи. Я не могу ничего сказать об этой красоте — я могу лишь на нее намекнуть.

Хайку лишь намекает. Поэзия описывает, хайку лишь указывает — и очень косвенно.

Похожую ситуацию можно найти в знаменитой поэзии Теннисона; если их сравнить, это поможет вам. Басе представляет интуитивное, Теннисон — интеллектуальное.

Басе представляет Восток, Теннисон — Запад. Басе представляет медитацию, Теннисон — ум. Они кажутся похожими, и иногда поэзия Теннисона кажется более поэтичной, чем поэзия Басе, потому что она более прямая, очевидная.

*Цветок в трещине стены,
Я сорвал тебя из трещины,
Я держу тебя здесь с корнем в руке,
Маленький цветок — если бы я лишь мог
понять,
Что ты такое, где твой корень и источник,
Я знал бы, что есть Бог и что есть человек.*

Прекрасный отрывок, но ничто по сравнению с Басе. Давайте посмотрим, в чем Теннисон полностью отличается. Первое: *Цветок в трещине стены, Я сорвал тебя из трещины...*

Басе просто смотрит на цветок, он не срывает его. Басе это пассивная осознанность: Теннисон активен, насильствен. Фактически, если цветок действительно произвел на вас впечатление, вы не можете его сорвать. Если цветок достиг вашего сердца, как вы можете его сорвать? Сорвать значит разрушить его, убить его — это убийство! Никто не думал о стихотворении Теннисона как об убийстве — но это действительно убийство. Как вы можете разрушить что-то такое красивое? Но именно так действует человеческий ум; он разрушителен. Он хочет обладать, а обладание возможно только через разрушение.

Помните, когда бы вы ни обладали чем-то или кем-то, вы разрушаете это что-то или кого-то. Вы обладаете женщиной? — вы разрушаете ее, ее красоту, ее душу. Вы обладаете мужчиной? — он больше не человеческое существо; вы низвели его до вещи, до товара.

Басе смотрит внимательно, просто смотрит, он даже не концентрируется на нем; просто взгляд, мягкий, женственный, как будто боящийся причинить подорожнику вред.

Теннисон срывает его из трещины и говорит: *...Я держу тебя здесь, с корнем, в руке...* Он остается отделенным. Наблюдатель и наблюдаемое нигде не сливаются, не сплавляются, не встречаются. Это не любовный роман. Теннисон нападает на цветок, срывает его с корнем, держит его в руке. Ум всегда хорошо себя чувствует, когда он может обладать, контролировать, держать. Медитативное состояние сознания не заинтересовано в том, чтобы обладать, чтобы держать; все это принадлежности насильственного ума.

И он говорит: *Маленький цветок...* Цветок остается маленьким, он остается на высоком пьедестале. Он человек, великий интеллект, великий поэт. Он остается в эго: *маленький цветок...*

Для Басе это не вопрос сравнения. Он ничего не говорит о себе, как будто его нет. Нет наблюдателя. Красота так велика, что она приносит трансценденцию. Здесь цветет подорожник у ограды — *кана* — и Басе просто поражен, потрясен до самых оснований своего существа. Красота ошеломляет. Вместо того, чтобы обладать цветком, он отдается цветку, он полностью сдается красоте цветка, красоте мгновения, благословию здесь-и-сейчас.

Маленький цветок, — говорит Теннисон, — *если бы я лишь мог понять...* Эта одержимость пониманием! Недостаточно восхищения, недостаточно любви; должно быть понимание, знание. Пока он не получит знания, Теннисон не успокоится. Цветок становится вопросительным знаком. Для Теннисона это вопросительный знак, для Басе это восклицательный знак. И между ними огромная разница: вопросительный знак и восклицательный знак.

Для Басе достаточно любви — любовь есть понимание. Может ли быть большее понимание? Но, кажется,

Теннисон ничего не знает о любви. Его ум жаждет узнать... *если бы я лишь мог понять, что ты такое, где твой корень и источник...* Ум поневоле стремится к совершенству. Ничто не может быть оставлено непознанным, ничему нельзя позволить остаться неизвестным и таинственным. ...*Твой корень и источник...* это нужно понять. Пока ум не знает всего, он остается испуганным — потому что знание дает власть. Если что-то таинственно, вы обязательно останетесь испуганным, потому что таинственное нельзя контролировать. Кто знает, что срывается в таинственном? Возможно, враг, возможно, опасность, угроза? И кто знает, что оно собирается с вами сделать? Прежде чем оно успеет что-либо сделать, оно должно быть понято, оно должно быть познано. Ничто нельзя оставлять таинственным. Вот одна из проблем, с которыми сегодня сталкивается мир.

Наука настаивает на том, что мы не можем ничего оставить непознанным, мы не можем принять, что нечто может быть непознаваемым. Наука делит существование на известное и неизвестное. Известное это то, что однажды было неизвестным, а неизвестное это то, что станет известным завтра. Между известным и неизвестным нет большой разницы; лишь еще одно усилие, еще одно исследование, и все неизвестное будет низведено до известного.

Наука может быть спокойной, лишь если все низведено до известного. Но тогда исчезает вся поэзия, исчезает вся тайна, исчезает все удивление. Исчезает душа, исчезает Бог, исчезает песня, исчезает празднование. Все известно... тогда нет ничего ценного. Все известно... в жизни больше нет смысла, нет значения. Увидьте этот парадокс: сначала ум говорит: «Познай все!» — а когда вы познали все, ум говорит: «В жизни нет смысла».

Вы разрушили смысл, и теперь вы жаждете смысла. Наука очень разрушительна по отношению к смыслу. И поскольку она настаивает, что все может быть познано, она не может допустить третьей категории, непознаваемого — которое может остаться непознанным вечно. И в непознаваемом заключается весь смысл жизни.

Все великие ценности, красота, любовь, Бог, молитва, все, что действительно важно, все, что делает жизнь достойной того, чтобы жить, является частью третьей категории: непознаваемого. Непознаваемое это другое имя Бога, другое имя таинственного и чудесного. Без него в вашем сердце не может быть никакого удивления — а без удивления сердце это совсем не сердце, без благоговения вам недостает чего-то чрезвычайно драгоценного. Тогда ваши глаза полны пыли, в них нет ясности. Тогда птица продолжает петь, но вас это не волнует, на вас это не действует, ваше сердце не тронуто — потому что вы знаете объяснение.

Деревья зеленеют, но эта зелень не превращает вас в танцора, в певца. В вашем существе не пробуждается поэзия, потому что вы знаете объяснение: хлорофил делает листья зелеными... и от поэзии ничего не остается. Там, где появляется объяснение, поэзия исчезает. Все объяснения утилитарны; они не высшее.

Если вы не доверяете непознаваемому, как вы можете сказать, что роза красива? Где красота? Это не одно из химических составляющих розы. Вы можете проанализировать розу, и вы не найдете в ней никакой красоты. Если вы не верите в непознаваемое, вы можете сделать вскрытие человека — и вы не найдете никакой души. И вы будете продолжать искать Бога, и вы нигде его не найдете, потому что он везде. Ум упустит его, потому что уму хочется, чтобы он был объектом, а он не объект.

Бог это вибрация. Если вы сонастроены с беззвучным звуком существования, если вы сонастроены со звуком хлопка одной ладонью, если вы сонастроены с тем, что индийские мистики называют *анахат* — высшая музыка существования — если вы сонастроены с таинственным, вы знаете, что есть лишь Бог, и больше ничего. Тогда Бог становится синонимом существования.

Но эти вещи не могут быть поняты, эти вещи не могут быть низведены до знания — вот где Теннисон упускает, упускает всю суть. Он говорит: *Маленький цветок — если бы я мог лишь понять, что ты такое, где твой корень и*

источник, я знал бы, что такое Бог и что такое человек. Но все это «лишь» и «если».

Басе знает, что такое Бог и что такое человек в этом восклицании, кане: «Я потрясен, я удивлен... *подорожник, цветущий у ограды!*» Возможно, это ночь полнолуния, возможно, это раннее утро — я так и вижу Басе, стоящего у обочины дороги, неподвижного, затаившего дыхание. Подорожник... и так красиво. Все прошлое ушло, все будущее исчезло. В уме больше нет вопросов, лишь чистое восхищение.

Басе стал ребенком: снова эти невинные глаза ребенка смотрят на подорожник, внимательно, любовно. И в этой любви, в этой заботе заключается понимание совершенно другого рода — не интеллектуальное, не аналитическое.

Теннисон делает все это явление интеллектуальным и разрушает его красоту. Теннисон представляет Запад, Басе представляет Восток. Теннисон представляет мужественный ум, Басе представляет женственный ум. Теннисон представляет ум, Басе представляет не-ум.

Пусть это станет вашим главным пониманием, и тогда мы можем перейти к сутрам Гаутамы Будды.

Ничего не желай.

Там, где желание,

Ничего не говори.

Простое утверждение, но его важность огромна: *Ничего не желай...* потому что именно так все пробужденные пришли к знанию — что страдание порождается желанием. Страдание это не реальность, это побочный продукт желания. Никто не хочет быть несчастным; каждый хочет разрушить страдание, но все продолжают желать, а, желая, человек продолжает создавать большее и большее страдание.

Вы не можете непосредственно разрушить страдание, вы должны обрубить самый его корень. Вы должны увидеть, откуда оно берется, откуда исходит этот дым. Вы должны проникнуть глубоко в почву, к корням. Будда назвал это *танхой* — желанием.

Ум постоянно желает. Ум не прекращает желать ни на мгновение; он желает целый день, он желает всю ночь, он желает в мыслях, он желает в снах. Ум это постоянный процесс желания... еще и еще.

Ум всегда остается неудовлетворенным. Его не удовлетворяет ничто, совершенно ничто. Вы можете достичь того, чего вы хотели достичь, но, в то мгновение, когда вы достигаете, с этим покончено. В самый момент достижения... ваш ум больше в этом не заинтересован. Наблюдайте, и вы увидите коварство ума. Многие годы он думал о том, чтобы купить определенный дом, прекрасный дом; многие годы он тяжело работал. Теперь дом ваш — и внезапно вы остаетесь с пустыми руками. Все ваши мечты, все ваши фантазии об этом доме разбиты вдребезги, и через несколько часов, самое большее, через несколько дней вы начнете желать новый дом снова. Это та же самая ловушка, та же западня, и вы продолжаете снова и снова ходить по кругу.

Вы хотели эту женщину, теперь она ваша; вы хотели этого мужчину, теперь он ваш — и чего вы достигли? Все эти фантазии разбиты в дребезги. Напротив, вы разочарованы! Ум лишь желает. Он знает только, как желать, поэтому он никогда не допустит никакого удовлетворения. Удовлетворение это смерть ума, желание это его жизнь.

Будда говорит: *Ничего не желай.* Это означает: будьте удовлетворены. Это означает: что бы то ни было, у вас есть больше, чем вам нужно; что бы то ни было, это так глубоко, так красиво... *подорожник, цветущий у ограды!* Вы живете в таком безмерно красивом мире, со всеми его звездами, планетами, солнцем и луной... с цветами, горами, реками, скалами и животными, с птицами и людьми. Это самый совершенный мир из всех возможных, он не может быть улучшен. Наслаждайтесь его красотой. Наслаждайтесь праз-

днованием, которое продолжается вокруг вас. Это постоянное празднование.

Звезды продолжают танцевать, деревья продолжают раскачиваться на ветру — в восторге. Птицы продолжают петь. Танцуют павлины, кричит кукушка... и все это продолжается, а вы остаетесь несчастными — как будто вы решили быть несчастными. Вы приняли решение, вы поставили на карту все, ради того, чтобы быть несчастными; иначе для этого нет причины. Эта *естьность* существования так прекрасна, эта *сейчасность* существования так невероятно прекрасна, что все, что вам нужно, это расслабиться, отдохнуть, быть... позволить исчезнуть разделению между вами и целым.

Разделение порождается желанием. Желать значит жаловаться. Желание означает, что все не так, как должно быть. Желание означает, что вы считаете себя мудрее Бога. Желание означает, что вы могли бы создать лучший мир. Желание глупо. Не-желание есть мудрость. Не желать значит быть в состоянии удовлетворенности, проживать вадное мгновение тотально и удовлетворенно.

Ничего не желай. Там, где желание, ничего не говори. Будда не говорит, что, если вы просто ничего не хотите, желание тут же прекратится. Вы привыкли к нему, это древняя привычка — многие и многие жизни вы желали. Желание стало независимым. Даже без вашего участия оно продолжается само собой, у него есть собственная инерция. Поэтому, лишь потому что вы поняли, что желание создает страдание, что нет необходимости желать, что человек может просто наслаждаться солнцем, ветром и дождем, желание не прекратится так легко.

Поэтому Будда говорит: *Там, где желание, ничего не говори.* Если в вас возникает желание, просто наблюдайте его, ничего не говорите. Не выражайте его, не подавляйте его. Не осуждайте его, не боритесь с ним. Не оценивайте его, не судите его. Просто наблюдайте — внимательно. Подорожник у ограды... просто смотрите на него без каких бы то ни было предрассудков — за или против.

Если, слушая будд, вы становитесь противником желаний, тогда вы их не поняли, потому что анти-желание это также желание. Если вы начинаете желать состояния без желаний, это значит войти в ту же самую западню с черного хода. Нельзя желать не-желания; это противоречие в терминах. Все, что можно сделать, это *наблюдать* желание, внимательно наблюдать. И в самом этом наблюдении постепенно желание умирает само по себе.

Это экзистенциальный опыт всех тех, кто стал пробужденным. Я свидетельствую это — я говорю вам это не потому, что это говорит Будда: я говорю исходя из собственного опыта. Когда вы наблюдаете желание, постепенно желание умирает само по себе. Вы не убиваете его, вы не боретесь с ним, вы не осуждаете его, потому что, если вы осуждаете, оно ускользает, оно глубоко впитывается в ваше бессознательное; оно поселяется там и управляет вами от туда.

Если вы подавляете желание, вам придется подавлять его постоянно и постоянно быть на страже. В дневное время, возможно, вам удастся его подавить, но тогда в снах оно снова окажется на поверхности. Именно поэтому психоанализ должен изучать ваши сны. Он не может верить вам, когда вы бодрствуете, он не может вам доверять, когда вы бодрствуете — он должен заглянуть в ваши сны. Почему? — потому что сны скажут, что вы подавляли. И, что бы вы ни подавляли, оно приобретает большую власть, потому что оно проникает в ваши бессознательные истоки, где оно продолжает дергать вас за ниточки. А когда враг невидим, он более силен — естественно, очевидно.

Будда не говорит, что вы должны бороться с желанием, Будда ничего не говорит против желания. Он просто констатирует факт: что желание это глупость, что желание создает страдание, что желание никогда не позволит вам быть блаженным. Наблюдайте желание. Ничего не говорите о нем! Простое, очень простое наблюдение. Не сидите как судья.

Счастье или отчаяние —

Что бы тебе ни выпало,

Иди,

Незатронутый, непривязанный.

И счастье придет, и отчаяние придет, потому что это семена, которые вы сеяли веками, и, что бы вы ни сеяли, вам придется это пожать. Поэтому не беспокойтесь. Если приходит счастье, не будьте слишком взволнованы; если приходит отчаяние, не будьте слишком подавлены. Принимайте это легко.

Счастье и отчаяние отдельны от вас; оставайтесь неотожествленным. Вот что он имеет в виду: *Иди, незатронутый, непривязанный...* как будто это происходит не с вами, а с кем-то другим. Просто испытайте это небольшое средство, это очень ценный рецепт: как будто это происходит с кем-то другим, может быть, с персонажем романа или фильма, а вы просто зритель. Да, там счастье, там несчастье, но оно там! — а вы здесь.

Не отождествляйтесь, не говорите: «Я несчастен», просто скажите: «Я наблюдатель. Приходит несчастье, приходит счастье — а я просто наблюдатель».

Если однажды мы начнем менять образцы наших языков, это будет очень важно, потому что наши языки глубоко укоренены в невежестве. Когда вы чувствуете голод, вы тут же говорите: «Я голоден». Это создает отождествление и дает вам чувство того, что *вы* голодны. Это не так. Язык должен быть таким, чтобы он не давал вам этого ложного представления: «Я голоден». Вот что происходит в действительности: вы наблюдаете, что ваше тело голодно; вы наблюдаете, что ваш желудок пустой, что он хочет пищи — но это не вы. Вы наблюдатель. Вы всегда наблюдатель! Вы никогда не делающий. Вы всегда стоите в отдалении как наблюдатель.

Пусть ваши корни глубже и глубже проникнут в наблюдение — именно это Будда называет *випассаной*, прозрением. Просто видьте внутренними глазами все, что бы ни происходило, и оставайтесь нетронутым, непривязанным.

Когда крепкий старый индийский воин прорвался обратно в свой лагерь, из его ног и груди торчало семь стрел.

Врач осмотрел его и сказал:

— Поразительная выносливость. Не болит?

— Только когда я смеюсь, — сказал он ворчливо.

Фактически, болеть не должно даже тогда — и стрелы не ранят будду. Дело не в том, что, когда вы пронзаете будду стрелой, ему не больно; боль есть. Он может чувствовать ее даже сильнее, чем вы, потому что чувствительность будды оптимальна — вы нечувствительные, притупленные, полумертвые. Ученые говорят, что вы позволяете лишь двум процентам информации достичь вас; девяносто восемь процентов информации остается снаружи. Ваши органы чувств не впускают вовнутрь. Вас достигает лишь два процента мира; девяносто восемь процентов исключено.

Для будды доступны все сто процентов мира, и когда его пронзает стрела, ему больно на сто процентов; вам больно лишь на два процента. Но есть огромная разница: будда наблюдатель. Это больно, но больно не ему. Он наблюдает, как если бы это происходило с кем-то другим. Он чувствует сострадание к телу, — он чувствует сострадание, свое сострадание к своему телу, — но он знает, что он не тело.

Поэтому, с одной стороны, ему больнее, чем вам, с другой стороны, ему совсем не больно. Он остается отстраненным, незабоченным. Это очень парадоксальное состояние. Он *заботится* о теле, но в то же время остается незабоченным — незабоченным последствиями. Он за-

ботится о теле, как это только возможно, потому что он уважает тело. Это такой прекрасный слуга, такой хороший дом, в котором можно жить — он заботится, но остается отстраненным.

Даже когда тело умирает, будда продолжает наблюдать, как умирает тело. Его наблюдение сохраняется до последнего. Тело умирает, а будда продолжает наблюдать, как умирает тело. Если человек может быть до такой степени наблюдательным, он выходит за пределы смерти.

Не проси семьи, власти или благополучия

Ни для себя, ни для другого.

*Может ли мудрый желать несправедливо
возвыситься?*

Мирские вещи не имеют значения — благополучие, власть, престиж — это не имеет значения. Будда не может просить их ни для себя, ни для другого. Это различие следует помнить. Обычно считается, что будда не станет просить для себя, но он может просить для других. Нет, он не будет просить и для других. Вот в чем христианство и буддизм имеют диаметрально противоположное видение.

Вот история:

К Будде пришла плачущая и рыдающая женщина, неся тело своего умершего единственного сына. Люди сказали ей, что, если она пойдет к Будде, он такой сострадательный человек, что, возможно, он совершит чудо. Будда попросил эту женщину:

— Сделай одну вещь: иди в город и принеси немного горчичных зерен. Но должно быть выполнено одно условие: ты должна принести их из дома, в котором никто никогда не умирал.

Женщина была очень счастлива; это было нетрудно, потому что весь городок выращивал горчицу. Каждый дом был полон горчичных зерен. Она спешила из одного дома в другой, но, взволнованная тем, что ее сын снова будет воскрешен, она совершенно забыла о том, что выполнить это условие невозможно, оно не может быть выполнено.

К вечеру она постучалась во все двери, и каждый говорил:

— Мы можем дать тебе сколько угодно горчичных зерен, но они тебе не помогут, потому что мы не можем выполнить это условие: кто-то умер в нашей семье — и не один, в действительности, многие. Умер мой отец, умер отец моего отца... и до него тысячи других.

Умерла чья-то жена, чья-то мать, чей-то брат, сестра, чей-то сын... Она не смогла найти ни единой семьи, в которой никто никогда не умирал.

Когда она снова пришла вечером, она была совершенно другой женщиной — она пришла, смеясь. Утром она плакала и рыдала; она почти обезумела от того, что умер ее единственный сын. Будда спросил ее:

— Почему ты улыбаешься?

— Теперь я знаю, — ответила она, — ты провел меня, ты одурачил меня, но тогда я не могла этого понять. Каждый должен умереть, поэтому теперь дело не в том, что умер мой сын. Ему пришлось бы умереть рано или поздно. И в каком-то смысле хорошо, что он умер раньше меня: если бы раньше умерла я, ему пришлось бы страдать. Лучше буду страдать я. Так что это хорошо, очень хорошо.

Теперь я прошу посвящения. Посвяти меня в саньясу, потому что я хочу знать: есть ли что-нибудь за пределами смерти? Смерть это

все, или что-то продолжает жить? Я больше не заинтересована в сыне.

— Я посылал тебя именно для того, чтобы ты могла стать пробужденной, — ответил Будда.

Вы можете представить себе такую же историю о Иисусе Христе. То, что говорят христиане... потому что никто не знает, каким человеком был Иисус, ничего кроме того, что говорят христиане, а то, что они о нем говорят, неправильно. Если он действительно был буддой, — а он был буддой, — он не мог быть заинтересован в том, чтобы воскрешать людей из мертвых. Он не воскресил бы из мертвых Лазаря — какой смысл? Лазарь больше не жив. Должно быть, он умер через несколько лет; даже если он воскрешен, он должен умереть через несколько лет. Смерть случится; самое большее, вы можете отсрочить ее.

Будда не заинтересован в отсрочке! Все усилие будды в том, чтобы сделать вас бдительными, осознающими то, что приходит смерть. Он не должен защищать вас от смерти, он должен вывести вас за пределы смерти. А Иисус — будда. Мое понимание Иисуса полностью отличается от христианской интерпретации. Для меня это притча: возвращение Лазаря к жизни просто означает, что он возродился духовно.

Будда много раз говорил — как говорил и Иисус — Пока вы не родитесь вновь, вы не войдете в Царство Бога. Но «рождение вновь» не означает, что вы должны воскреснуть. «Рождение вновь» означает духовный процесс пробуждения. Должно быть, Иисус пробудил Лазаря от его сна, от его метафизической смерти.

Когда вы приходите ко мне, вы метафизически мертвы — вы Лазарь. История говорит, что Иисус позвал Лазаря из могилы: «Лазарь, восстань!» Именно это веками делал каждый будда: звал Лазарей из их могил. Когда я посвящаю вас в саньясу, что я делаю? — зову: «Лазарь, восстань из могилы! Возродись!»

Саньяса это процесс возрождения. Должно быть, Лазарь был посвящен в глубочайшие таинства жизни, которая идет за пределы смерти. Но делать эту красивую метафору историческим событием значит упустить всю ее поэзию, все ее значение.

Будда не будет просить — ни для себя, ни для своей семьи, ни для кого-либо еще — ни власти, ни престижа, ни собственности, потому что они совершенно бесполезны.

Может ли мудрый желать несправедливо возвыситься? Это невозможно. Помните, «мудрый» это перевод слова «будда». Пробужденный человек не может делать ничего несправедливого — это невозможно, этого не может случиться по самой природе вещей. Пробужденный может делать только правильное, справедливое. А просить власти, престижа, денег, собственности, славы глупо. Мудрый человек не может этого просить, ни для себя, ни для других.

И будда знает, что то, что справедливо, уже происходит; об этом не нужно просить, этого не нужно желать. Существование очень честно и справедливо. *Аэс дхаммо санантано* — неисчерпаемый, вечный закон таков, что существование очень честно и справедливо. Просто оставайтесь естественными, и существование будет продолжать изливать на вас тысячу и одно благословение, о которых вы не просили.

Вот известное изречение Иисуса: Просите, и вам будет дано. Если вы спросите Будду, он скажет: Не просите, и вам будет дано. Иисус говорит: Стучите, и двери откроются перед вами. Если вы спросите Будду, он скажет: Не стучите, потому что двери уже открыты. Просто взгляните... цветок подорожника, и Басе внимательно смотрит на него.

Немногие пересекают реку.

Большинство приковано к этой стороне.

Они мечутся по берегу.

Будда снова и снова говорит, что люди в такой спешке, не зная, куда идут, они куда-то очень спешат. И они просто идут туда-сюда, на этом берегу, и надеются, что, бегая, суетясь и оставаясь занятыми, они смогут достичь другого берега.

Я слышал, в Ватикане раздался телефонный звонок, международный звонок. Звонил епископ Нью-Йорка; он был в очень нервозном, взволнованном, лихорадочном состоянии:

— Сэр, мне срочно нужны инструкции: в церковь вошел человек, который выглядит в точности как Иисус, и он утверждает, что он Иисус Христос. Что мне делать?

Папа на мгновение задумался и ответил:

— Выглядите занятым.

Что вам еще делать? Если приходит Иисус, просто выглядите занятым, делайте что-то! Пусть он увидит, что люди очень заняты — будьте заняты. Даже если у вас нет дел, не беспокойтесь.

Именно это делают люди — деловые без дела, выглядящие очень занятыми. А все, что они делают, это мечутся туда-сюда по одному и тому же берегу. Это не способ достичь другого берега.

Немногие пресекают реку. Большинство приковано к этому берегу. Что он подразумевает под «этим берегом»? Этот берег означает смерть, время, это мгновенное существование. Тот берег означает бессмертие, безвременность, вечность, Бога, нирвану. Человеку требуется смелость, чтобы пересечь реку, потому что другой берег невидим. Этот берег груб, тот берег тонок. Этот берег материален; тот берег духовен — вы не можете его увидеть, и его нельзя показать другим.

Даже те, кто достиг другого берега, могут лишь позвать вас, пригласить вас, но они не могут представить ника-

ких доказательств. Я не могу дать вам никаких доказательств Бога; их не давал Будда, не давал Иисус — никто из тех, кто знает, не может дать никаких доказательств Бога. Бог не может быть доказан. Вас можно лишь убедить добраться до другого берега и тогда вы увидите сами.

Будда говорит снова и снова: *Ихи пассико!* Приди и увидь!

Но мудрый, следующий пути,

Пересекает реку за пределами досягаемости смерти.

Первое и главное усилие каждого разумного человека должно быть направлено на то, чтобы узнать нечто, что не может быть разрушено смертью — потому что смерть может случиться в любое мгновение, в следующее мгновение, завтра. Поскольку смерть может случиться в любое мгновение, первое усилие разумного человека будет направлено на то, чтобы узнать нечто, что не может быть разрушено смертью, и быть центрированным в том, что бессмертно, быть укорененным в этом, чтобы вы не были разрушены смертью.

Но мудрый, следующий пути, пересекает реку за пределами смерти.

Смерть это наиважнейшее явление — гораздо более важное, чем рождение, потому что рождение уже произошло; теперь вы не можете ничего с этим сделать. Но смерти предстоит случиться — с этим можно что-то сделать, возможны некоторые приготовления. Вы можете быть готовы ее принять, вы можете сознательно ее приветствовать.

Вы упустили возможность рождения, не упустите возможность смерти. И, если вы принимаете смерть в медитативном состоянии, возможно, вы сможете принять и следующее рождение — за которым последует смерть — сознательно. Если вы можете умереть сознательно, вы и родитесь сознательно. У вашей следующей жизни будет совершенно

другой аромат. А после того, как человек рождается сознательно, он может родиться лишь однажды — лишь еще одна жизнь.

Христиане, иудеи, мусульмане верят только в одну жизнь. Я толкую это так, что, если вы умерли сознательно — и родились снова сознательно — лишь *эта* жизнь реальна; только эта жизнь достойна пойти в счет. Вы спали, вы видели сны, вы были бессознательны. Это не было *жизнью*; вы тащились во сне.

Будда обычно говорил своим ученикам: Считайте годы своей жизни лишь после того, как вы приняли саньсу.

Это случилось однажды:

Великий король, Бимбисара, пришел к Будде. Когда они сидели рядом и разговаривали, подошел старик и коснулся ног Будды — старый саньясин. И, по своему обыкновению, Будда спросил:

— Сколько тебе сейчас лет?

— Только четыре года, господин, — ответил старик.

Бимбисара не мог поверить своим глазам, не мог поверить своим ушам:

— Этот старик выглядит на все восемьдесят, если не больше, и говорит, что ему только четыре? Извини меня, господин, — сказал он, — но скажи мне снова, сколько тебе лет?

И старик снова сказал:

— Четыре года.

Будда рассмеялся:

— Ты не знаешь, как мы считаем годы жизни: исполнилось четыре года тому, как он стал саньясином, как он был посвящен в вечное, как он был приглашен в безвременное. Лишь четыре года назад он покинул этот берег и достиг другого. Он прожил восемьдесят лет,

но эти годы не в счет; они были пустой расстройкой.

Никто не истолковывал христианство, иудаизм, ислам так, как истолковываю я. Они верят лишь в одну жизнь, и христиане, иудеи и мусульмане думают, что есть лишь одна жизнь. Это не так; вы жили много раз, но эти жизни недостойны считаться жизнями. Лишь одна жизнь будет достойна считать жизнью: когда вы родитесь сознательно — но вы можете сознательно родиться, лишь если вы сознательно умрете.

Поэтому первое и самое важное в жизни — это подготовиться к смерти. А как подготовиться к смерти? — Будда называет это «следовать пути». Медитируйте над этим небольшим рассказом.

К Нан-ину, великому мастеру дзен, пришел Тенно, который, пройдя свое ученичество, стал учителем. Случилось так, что в этот день шел дождь, и Тенно пришел в деревянных сандалиях и с зонтом в руке.

Приветствовав его, Нан-ин заметил:

— Я полагаю, ты оставил свои сандалии в прихожей. Я хотел бы знать, положил ли ты зонт слева или справа от них.

Тенно смутился; он не смог тут же ответить. Он осознал, что он был не в состоянии соблюдать дзен ежеминутно. Он стал учеником Нан-ина и учился еще шесть лет, чтобы постоянно пребывать в дзен.

Таков путь. Человек должен быть бдительным и озонавать все, что он делает. Тенно не сделал ничего очень серьезного — он просто забыл, где зонт, справа или слева. Вы

подумаете, что Нан-ин слишком строг; это не так. Он задал этот вопрос из сострадания.

Мастер самого Нан-ина, когда тот пришел к нему в первый раз, задал ему похожий вопрос.

Чтобы добраться до мастера, Нан-ину пришлось совершить путешествие в две тысячи миль по горам, и знаете, каким был первый вопрос мастера? Не очень философский, не очень метафизический... В то мгновение, когда Нан-ин поклонился, мастер спросил:

— Сколько стоит рис в твоём городе?

Сколько стоит рис!.. Но Нан-ин тотчас же ответил:

— Я больше не там, я здесь. Я никогда не оглядываюсь назад, я сжигаю все мосты, по которым я прошёл. Поэтому забудь о рисе и его цене!

Мастер был чрезвычайно счастлив. Он обнял Нан-ина и сказал:

— Если бы ты сказал мне, сколько стоит рис в твоём городе, я вышвырнул бы тебя из монастыря. Я не пустил бы тебя сюда, потому что мы не заинтересованы в торговцах рисом.

У каждого мастера свой способ заглянуть во внутреннее существо своего ученика. Вот этот простой вопрос: Нан-ин сказал:

— Где твой зонт — справа или слева?

Никто не может себе представить, чтобы Иммануил Кант задал подобный вопрос кому-нибудь из своих учеников; невозможно себе представить, чтобы Гегель, Хайдеггер или Сартр задали такой вопрос своим студентам — невозможно!

Лишь такой человек как Нан-ин, такой человек как будда, может задать подобный вопрос — такой обычный, и все же с таким необыкновенным прозрением. Он говорит:

— Когда ты клал свой зонт, осознавал ли ты? — или ты просто сделал это механически?

Однажды к Нан-ину пришел другой человек, профессор университета. Он швырнул свои туфли — должно быть, он был зол, или что-то в этом роде — хлопнул дверью и вошел вовнутрь. Там сидело, по крайней мере, тридцать других учеников. Нан-ин взглянул на профессора; это был очень известный профессор... должно быть, он ожидал, что Нан-ин встанет, чтобы приветствовать его. Но вместо этого Нан-ин закричал на профессора, он велел ему вернуться и просить прощения.

— Ты провинился перед дверью, ты провинился перед туфлями! Пока они не простят тебя, пока я не увижу, что ты прощен, я не впущу тебя — убирайся!

Шокированный, потрясенный — но профессор смог увидеть суть. Все же он попытался возразить; он сказал:

— Но какой смысл просить прощения у туфель и двери? В любом случае, они мертвы, как они могут простить?

— Если они мертвы, и тем не менее ты можешь разозлиться на них, — ответил Нан-ин, — тогда ты можешь и просить прощения — извинись!

Профессор пошел; впервые в жизни он поклонился своим туфлям. И он вспоминает в мемуарах: «Это мгновение было одним из самых драгоценных в моей жизни — когда я поклонился своим туфлям. На меня снизошло такое молчание! Впервые я почувствовал себя сво-

бодным от эго, совершенно открытым. Мастер сыграл трюк. Когда я вернулся, он принял меня с такой радостью. Он сказал:

— Теперь ты готов меня слушать. Теперь с тобой покончено; иначе, все было бы незавершено. Никогда не оставляй ничего незавершенным, иначе оно продолжает висеть на тебе. Ты превратишься в вешалку. Если ты провинился перед дверью и не завершил процесс, в чем-то ты останешься злым».

Осознанность от-мгновения-к-мгновению является путем будды. Если вы можете оставаться осознанным от мгновения к мгновению, вам станет совершенно ясно, что в вас есть нечто, что выходит за пределы смерти, что не может быть сожжено, что не может быть разрушено, что нерушимо. И познать эту нерушимую твердыню у себя внутри — это начало новой жизни.

Он покидает темный путь

Ради пути света.

Бессознательный образ жизни Будда называет темным путем. А способ жить сознательно, внимательно, от мгновения к мгновению, привнося свое сознание в каждое действие, в каждое небольшое действие, в каждую деталь, есть путь света.

Он покидает свой дом, ища

Счастья на трудной дороге.

Под «домом» он подразумевает цепляние за безопасность, спокойствие, знакомое, известное. Под словами «покидает свой дом» он не подразумевает, что вы должны поки-

нуть свою семью, своих детей, свою жену, своего мужа — именно так буддисты веками толковали эту строку. Мое толкование другое. Это не настоящий дом. Настоящий дом это нечто внутри вашего ума: расчетливость, интеллект, логика, броня, которую вы отгородили себя от всего мира — вот «дом». «Покинуть свой дом» — это значит покинуть все надежное, идти в опасность, отбросить известное, двигаться в неизвестное, забыть удобства этого берега и плыть в беспокойные воды, в моря, не обозначенные на картах. Это трудный путь — но другого берега можно достичь лишь этим трудным путем.

Те, кто ленив, те, кто всегда старается срезать угол, те, кто хочет, чтобы Бог был дешев, те, кто не готов на все ради высшей истины, дурачат себя и впустую тратят свое время. Мы должны заплатить своей жизнью, мы должны заплатить всем тем, что у нас есть, мы должны совершенно сдаться, мы должны посвятить себя интенсивно и полностью. Это трудный путь, и лишь трудным путем человек может пересечь поток существования и достичь другого берега, бессмертного, вечного.

Свободный от желания,

Свободный от собственности,

Свободный от темных углов своего сердца...

Если вы готовы отбросить всю броню безопасности и удобства, если вы готовы отбросить расчетливый ум, хитрый ум, коварный ум, если вы готовы отбросить сам ум, все темные углы вашего сердца исчезнут. Ваше сердце наполнится светом, желание исчезнет — желание означает будущее. И вы больше не будете цепляться за собственность — собственность означает прошлое.

Когда больше нет желаний, когда больше нет цепляния за собственность, вы свободны от прошлого и будущего. Быть свободным от прошлого и будущего значит быть

свободным в настоящем. Это приносит истину, Бога, свободу. Это, и только это, приносит мудрость, состояние будды, пробуждение.

Овободный от привязанностей и желания насыщения,

Следуя семи огням пробуждения

И безмерно радуясь своей свободе,

В этом мире мудрый

Становится светом самому себе,

Чистым, сияющим, свободным.

И по мере того, как вы все больше и больше движетесь в настоящее, внутри себя вы будете сталкиваться с семью огнями пробуждения — с тем, что индуистская йога называет *чакрами*, а буддистская йога называет семью огнями, семью светильниками. По мере того, как вы станете менее и менее привязанным к телу, менее привязанным к собственности, менее заинтересованным в желаниях, ваша энергия начинает двигаться вверх. Та же самая энергия, которая содержалась в нижних центрах, в сексуальном центре... Лишь в сексуальном центре вы переживали опыт света, который вы называете оргазмом, но даже там это редкость. Лишь изредка очень немногие люди пришли к знанию того, что во время любви наступает мгновение, когда любовники наполняются светом. Тогда переживание оргазма не только физическое, в нем есть и нечто духовное.

Тантра пытается создать пространство и контекст, в котором сексуальные центры начинают излучать свет. И, когда любовники не только эксплуатируют тела друг друга, но начинают действительно поклоняться телам друг друга, когда другой это бог или богиня, а секс подобен молитве и медитации — человек движется в любовь с великий благоговением — случается так, что встречаются два центра, муж-

ская и женская энергии, и великий свет начинает течь внутри вашего существа.

То же самое происходит и в шести других, высших точках; чем выше точка, тем величественнее и ярче свет. Седьмая точка — *сахасрара*, тысячелепестковый лотос. В нем свет так велик, что Кабир говорит, что «будто бы внезапно вошла тысяча солнц» — не одно, но тысяча солнц.

Свободный от привязанностей и желания насыщения, следуя семи огням пробуждения, в этом мире мудрый становится светом самому себе, чистым, сияющим, свободным.

Он становится светом для самого себя и светом для других. Будь буддой! Без этого жизнь бессмысленна. Будь буддой! Лишь тогда ты состоялся. Будь буддой! Лишь тогда ты расцвел. Будь буддой, и ты узнаешь, что в тебе живет Бог.

На сегодня достаточно.

Глава 4
Я ~ пьяница

Первый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Если ревность, собственничество, привязанность, потребность, ожидания и желания будут отброшены, останется ли что-нибудь от моей любви? Была ли ложью вся моя поэзия и любовь? Была ли моя любовная боль скорее болью, чем любовью? Научусь ли я когда-нибудь любить? Или это не учение, а подарок, результат чего-то другого? Нисходящей милости?

Сатья, любви нельзя научиться, ее нельзя привить. Привитая любовь вообще не будет любовью. Она не будет настоящей розой, она будет искусственным цветком. Когда ты чему-то учишься, это значит, что что-то приходит извне; это не внутренний рост. А чтобы любовь была подлинной и реальной, она должна быть твоим внутренним ростом.

Любовь это не учение, а рост. Все, что нужно с твоей стороны, это не учиться путям любви, а разучиться путям нелюби. Должны быть удалены преграды, должны быть разрушены препятствия — тогда любовь это твое естественное, спонтанное существо. Как только преграды удалены, как только камни отброшены прочь, поток начинает течь. Он уже здесь — скрытый за камнями, ключ уже здесь. Это само твое существо.

Это подарок, но это не нечто, что случится в будущем: это подарок, который уже был сделан тебе в твоём рождении. Быть значит быть любовью. Быть способным дышать значит быть способным любить. Любовь подобна дыханию. Любовь является для духовного существа тем же, чем дыхание для физического тела. Без дыхания тело умирает; душа умирает без любви.

Поэтому вот первое, что нужно запомнить: это не то, чему ты можешь научиться. И, если ты учишься, ты упус-

тишь всю суть; под именем любви ты научишься чему-то другому. Это будет ложным, фальшивым. Фальшивая монета может казаться настоящей; и если ты не знаешь настоящего, фальшивое может продолжать обманывать тебя. Лишь только узнав настоящее, ты сможешь увидеть различие между фальшивым и настоящим.

И вот эти преграды: ревность, собственничество, привязанность, ожидания, желания... И, Сатья, твой страх правлен: «Если все это исчезнет, останется ли что-нибудь от моей любви?»

От твоей любви ничего не останется. Останется любовь... но эта любовь не имеет ничего общего с «я» или «ты». Фактически, когда исчезают ревность, собственничество, ожидание, любовь не исчезает — исчезаешь ты, исчезает эго. Это тени эго.

То, что ревниво, не любовь. Наблюдай, смотри, исследуй снова. Когда ты чувствуешь ревность, это не *любовь* чувствует ревность; любовь никогда ничего не знала о ревности. В точности как солнце никогда ничего не знало о темноте, любовь никогда ничего не знала о ревности.

Именно эго чувствует себя задетым, именно эго стремится соревноваться, оно находится в постоянной борьбе. Именно эго честолюбиво и хочет быть выше, чем другие, хочет быть кем-то особенным. Именно эго начинает чувствовать ревность, собственничество — потому что эго может существовать лишь с обладанием. Чем большим ты обладаешь, тем более усиливается эго; без обладания эго не может существовать. Оно склонно к обладанию, оно зависит от обладания. Поэтому, если у тебя много денег, много власти, много престижа, красивая женщина, красивый мужчина, прекрасные дети, это чрезвычайно питает эго. Когда обладание исчезает, когда ты совершенно ничем не владеешь, ты не найдешь эго у себя внутри. Там не будет никого, кто мог бы сказать «я».

И если ты думаешь, что это твоя любовь, тогда, несомненно, твоя любовь исчезнет. Твоя любовь это не настоящая любовь. Это ревность, собственничество, ненависть,

гнев, насилие; это тысяча и одна вещь — все, кроме любви. Оно маскируется под любовь. Поскольку все эти вещи так уродливы, они не могут существовать без маски.

Древняя притча:

Когда был создан мир, Бог каждый день посылал в мир что-то новое. Однажды он послал в мир Красоту и Уродство. Путь от рая до земли был долгим. В то мгновение, когда они прибыли на землю, было раннее утро, солнце только вставало. Они приземлились неподалеку от озера и решили искупаться, потому что их тела и одежда были покрыты пылью. Не зная, как действует мир — они только что прибыли — они сбросили с себя всю одежду; совершенно обнаженные, они нырнули в холодную воду озера. Солнце поднималось, и начали собираться люди.

Уродство сыграло трюк: когда Красота заплывала далеко от берега, оно выбралось на берег, надело одежду Красоты и скрылось. Когда Красота поняла: «Пришли люди, а я голая», она оглянулась... ее одежда исчезла. Уродство скрылось, и она стоит на солнце обнаженная, а толпа приближается. Ни найдя ничего другого, она надела одежду Уродства и отправилась на поиски Уродства, чтобы снова обменяться одеждой.

История говорит, что она все еще пытается его найти... но Уродство хитро, и оно продолжает скрываться. Уродство по-прежнему в переодето Красотой, замаскировано под Красоту, а Красота носит одежду Уродства.

Это необыкновенно красивая притча.

Все эти вещи так уродливы, что, если ты увидишь их реальность, ты не станешь их терпеть ни единого мгно-

вения. И они не позволяют тебе увидеть реальность. Ревность притворяется любовью, жажда обладания создает маску любви... и тогда ты чувствуешь себя хорошо.

Сатья, ты никого не дурачишь, кроме самой себя.

Мулла Насреддин проходил мимо кладбища. Он увидел могилу; на надгробии было написано: «Я не умер — я только крепко заснул».

Мулла расхохотался. Он сказал:

— Ты никого не дурачишь, кроме самого себя.

Сатья, такие вещи это не любовь. Поэтому, то, что ты знаешь как любовь, то, что ты знала как любовь до сих пор, исчезнет. В этом нет ничего от поэзии. Да, есть страсть, но страсть это лихорадочное состояние, страсть это бессознательное состояние. Страсть это не поэзия. Поэзия известна лишь буддам — поэзия жизни, поэзия существования.

Волнение, лихорадочность это не экстаз. Проблема в том, что они кажутся похожими. Многие вещи в жизни кажутся похожими, и различия между ними очень деликатные, тонкие, едва-уловимые. Волнение может быть похоже на экстаз — но это не экстаз, потому что в своей основе экстаз прохладен. Страсть горяча; любовь прохладна; не холодна, но прохладна. Ненависть холодна; страсть, похоть горяча. Любовь находится точно посередине. Она прохладна — ни холодна, ни горяча. И это состояние поразительного спокойствия, тишины, безмятежности, молчания. И в этом молчании рождается поэзия, в этом молчании рождается песня, в этом молчании возникает танец твоего существа.

То, что ты называешь поэзией и страстью, это не более чем ложь — под красивыми вывесками. Из ста ваших поэтов девяносто девять в действительности не поэты, а лишь находятся в состоянии беспорядка, эмоций, страсти, горячности, похоти, сексуальности, чувственности. Лишь один из ста ваших поэтов настоящий поэт.

Настоящий поэт может никогда не сочинять никаких стихов, потому что поэзией является само его существо. То, как он ходит, то, как он сидит, то, как он ест, то, как он спит — все это поэзия. Он существует в поэзии. Он может создавать стихи, он может не создавать стихов, это неважно.

Но то, что ты называешь поэзией, это не что иное, как выражение твоей лихорадочности, твоего горячего состояния сознания. Это ненормальное состояние. Страсть ненормальна, слепа, бессознательна, и она является ложью. Она является ложью, потому что она дает тебе ощущение, что это любовь.

Любовь возможна лишь тогда, когда случилась медитация. Если ты не знаешь, как быть центрированным в своем существе, если ты не знаешь, как отдыхать и расслабляться в своем существе, если ты не знаешь, как быть с полным одиночеством и блаженстве, ты никогда не узнаешь, что такое любовь.

Любовь выглядит как отношения, но она начинается в глубоком одиночестве. Любовь выражается в отношениях, но источник любви не в отношениях: источник любви в медитации. Когда ты абсолютно счастлив в своем одиночестве, когда тебе совершенно не нужен другой, когда другой не является потребностью, тогда ты способен к любви. Если другой является твоей потребностью, ты можешь лишь использовать, манипулировать, подавлять, но ты не можешь любить.

Поскольку ты зависишь от другого, возникает обладание — из страха. «Кто знает? — сегодня другой может быть со мной, завтра его может не быть. Кто знает, что произойдет в следующее мгновение?» Твоя женщина может тебя оставить, твои дети могут вырасти и уйти, твой муж может тебя бросить. Кто знает, что случится в следующее мгновение? Из-за этого страха перед будущим ты начинаешь стремиться к обладанию. Ты можешь заковать в цепи человека, которого, как ты думаешь, ты любишь.

Но любовь не может быть тюрьмой — и, если любовь создает тюрьму, тогда ничего не остается для ненависти.

Любовь приносит свободу, любовь дает свободу. Это не-обладание. Но это возможно, лишь когда ты познал совершенно другое качество любви: не из потребности, но из желания поделиться.

Любовь это желание поделиться переполняющей тебя радостью. Ты слишком полон радости; ты не можешь сдерживать ее, ты должен поделиться. Тогда в этом есть поэзия, тогда в этом есть нечто необычайно прекрасное, не от этого мира, нечто, что приходит из запредельного. Этой любви нельзя научиться, но можно удалить препятствия.

Много раз я говорю: научись искусству любви, но вот что я в действительности имею в виду: научись искусству удаления всего того, что препятствует любви. Это отрицательный процесс. Это похоже на рытье колодца: ты продолжаешь удалять слои земли, камней, песка, и тогда внезапно появляется вода. Вода была там всегда; это был подземный источник. Теперь, когда ты удалил все препятствия, вода доступна. Такова и любовь: любовь это подземный источник твоего существа. Он уже течет, но нужно удалить столько камней, столько слоев земли.

Вот что я имею в виду, когда говорю: научись искусству любви. В действительности, это не учение любви, а разучение не-любви.

В то мгновение, когда ты центрирован в своем существе, укоренен в своем существе, ты становишься полным грации, как будто в тебя проник Бог. Ты пуст, и Бог начинает нисходить на тебя. Он может низойти, лишь когда тебя нет: твое отсутствие становится его присутствием.

Бог это не личность, но присутствие. Два меча не могут сосуществовать в одних ножнах: либо существуешь ты, либо Бог. Ты должен исчезнуть, испариться. Твое отсутствие — вот в чем заключается вся саньяса.

В процессе саньясы ты становишься все более и более отсутствующим, чтобы однажды внутри осталось лишь пустое пространство и больше ничего. В этой пустоте, когда она тотальна, тотчас же ты чувствуешь Бога. Ты чувствуешь Бога как присутствие — и Бог это другое имя любви. Поз-

нать Бога значит познать поэзию, познать Бога значит познать празднование, познать Бога значит познать блаженство — сат-чит-ананд.

Именно так мистики Востока определяли Бога: сат означает исцеление, чит означает сознание, ананд означает блаженство. Если ты совершенно пуст, ты придешь к знанию этих трех вещей. В первый раз ты испытаешь некоторый вкус истины, некоторый опыт сознания, некоторый аромат блаженства.

Но Сатья, прямо сейчас, хотя это и ранит тебя, потому что это будет очень разрушительным... то, что я скажу, шокирует тебя. Ты верил в свою поэзию, в свою страсть, ты верил в свои иллюзии и сны и поэтому ты прекрасно себя чувствовал. А я говорю: это просто чепуха. Хотя большинство человечества живет в этих иллюзиях, все это миражи. Если ты действительно хочешь встретить жизнь, ты должен быть готов ко многим потрясениям, ты должен быть готов быть разбитым вдребезги.

Функция мастера в том, чтобы разрушить вас, потому что, лишь когда вы разрушены, создается контекст, в котором можно почувствовать Бога. Твоя смерть это начало божественного существования.

Умри! Умри как эго, умри для прошлого, и ты будешь воскрешен. Это воскрешение уведет тебя за пределы смерти, за пределы времени, за пределы страдания, за пределы мира — то, что Будда называет «за пределы этого берега».

Второй вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Почему Иисус говорит своим ученикам:

Будьте хитры, как змея и невинны, как голубь?

Ананд Джайеш, змея символизирует мудрость. Во всех древних культурах мира — иудейской, индуистской, китайской — есть лишь один общий символ, змея.

Под «хитростью» Иисус подразумевает не ту хитрость, как ее понимаешь ты. В древнеарамейском, в языке, на котором говорил Иисус, есть лишь одно слово, означающее «мудрость» и «хитрость», отсюда неверный перевод.

Но почему христиане предпочли перевести это как «хитрость» а не как «мудрость»? — из-за библейской истории о том, что змей соблазнил, развратил ум Евы, убедив ее преступить заповедь Бога и съесть плод с дерева знания. Из-за этой библейской истории змея стала изначальным источником греха. Именно змея убедила Еву, а Ева убедила Адама, и человечество лишилось благосклонности Бога. Адам и Ева были изгнаны из эдемского сада; поэтому змея стала осуждаемым явлением.

Но в действительности эта притча имеет совершенно другое значение. Христиане не согласятся с этим значением. Какое значение я придаю этой безмерно значительной притче? У нее много значений. В этом красота древних притч: их богатство многомерно. Они не одномерны, они многомерны. Они могут быть истолкованы тысящей и одним образом; в этом их богатство. У них много граней; они подобны бриллианту — чем больше у бриллианта граней, тем более он ценный.

Когда нашли Кохинор, это был очень большой камень, самый большой бриллиант, который когда-либо знал мир. Теперь от его веса осталась лишь одна треть, потому что из века в век ювелиры гранили и шлифовали, гранили и шлифовали; они придавали бриллианту новые грани. Теперь от его веса осталась лишь треть, но он стал в миллионы раз более ценным. Так же и с древними притчами: это Кохиноры. Но проблема с так называемыми религиями в том, что они привыкают к одному значению. Они боятся других значений, других возможностей.

В этой притче змей не хитер, змей мудр. Именно благодаря его мудрости родилось человечество. Если бы не

змей, тебя бы не было — не было бы даже Иисуса, не было бы Будды. В мире не хватало бы человечества. Именно змей и его мудрость создает великое путешествие человечества — и оно имело огромную ценность; иначе были бы деревья, животные и птицы, но не было бы ни Лао-цзы, ни Заратустры, ни Кришны, ни Будды, ни Мухаммеда, ни Христа, ни Кабира, ни Нанак. Да, были бы деревья, птицы и животные, но в существовании не хватало бы чего-то безмерно важного; в нем не хватало бы человечества, в нем не хватало бы человеческого сознания, которое до сих пор являлось высшей точкой роста. Это змей и его мудрость! Змей был гораздо более мудр, чем Адам и Ева, потому что он научил их бунту.

Мудрость всегда бунтует. Фактически, если вы спросите меня, Бог давал Адаму и Еве возможность восстать; отсюда заповедь о том, чтобы не есть плод с дерева знания. Это простой психологический факт. Сад был таким большим, что, предоставленные самим себе, Адам и Ева никогда бы не нашли дерево знания; это было всего одно дерево, а вокруг были миллионы и миллионы деревьев.

Но Бог показал им дерево и сказал: «Не ешьте плоды с этого дерева».

Говоря это, он их провоцировал. Фактически, первым соблазнителем был Бог; змей был вторым соблазнителем. Змей был просто агентом Бога, посланником Бога. Должно быть, после этого запрета Бог долго ждал... Теперь Адам и Ева обязательно съедят плод с дерева знания.

Вы можете попробовать. Запретите детям: «Не ешьте мороженое. Не подходите к холодильнику!» — и они обязательно подойдут. Возможно, они бы и не подошли, если бы вы не сказали им не подходить. Запрет становится приглашением. Вы бросаете им вызов; вы бросаете им вызов утвердить себя.

Бог бросил вызов Адаму и Еве, и затем, должно быть, он долго ждал. Вызов не сработал; должно быть, Адам и Ева были очень послушными. Они были первыми людьми на земле; поэтому, возможно, они не испытали никакого вкуса

бунта, не испытали радостей, которые дает бунт, не испытали роста, который приносит бунт. Агония и экстаз бунта были им неизвестны. Поэтому змей был использован в качестве посланника; змей был избран из всего животного царства, чтобы быть посланником Бога. Змей символизирует мудрость — и именно благодаря змею ты здесь. Змей это настоящий отец — отец человечества.

Изначально высказывание Иисуса означало: Будьте мудры, как змея, и невинны, как голубь. Но слово «хитрость» тоже красиво. Гурджиев обычно говорил, что пока вы не будете хитры, вы не можете ускользнуть из оков мира — потому что они так сложны, что вы должны быть очень изощренными. Гурджиев говорил, что если вы хотите учиться у мастера, вы должны быть очень изощренными, хитрыми. Именно так учился он. По меньшей мере, двадцать лет он двигался от одного мастера к другому — но у мастеров все в свое время, они не спешат. Они не живут во времени, они живут в вечном, поэтому нет никакой спешки. Но Гурджиев торопился, поэтому, вместо того, чтобы ждать, пока мастер почувствует, что пришел правильный момент и передаст свое знание, передаст свою мудрость, он начал красть у мастеров их мудрость.

Гурджиев говорил, что он научился благодаря воровству, благодаря хитрости. Кажется странным употреблять такие слова как «хитрость» и «воровство» по отношению к духовности, но Гурджиев редкий человек. Если ты правильно понимаешь его, вот что он имеет в виду: просто будь умным, будь разумным, будь очень бдительным, будь мудрым.

На Востоке змея стала символом энергии, которая бездействует в вас. В йоге она называется *кундалини* — энергия-змея. Она дремлет в вашем сексуальном центре, как змея, свернувшаяся кольцами, глубоко спит, храпит. Энергия спит в самом нижнем из ваших центров; ее нужно разбудить. И, когда змея начнет подниматься в вас, вы будете удивлены тем, что вы не такие маленькие, как это кажется снаружи. Изнутри вы безграничны как небо; даже небо не предел.

Змея это красивый символ. У нее нет ног, и все же она так быстро передвигается; это чудо. Люди дзен говорят: Бог не может быть объяснен, истина не может быть определена.

Определять истину это все равно что приделывать змее ноги. Змея движется без ног, ей не нужно никаких ног. Если вы приделаете змее ноги, это может вообще прекратить движение; возможно, она вообще не сможет двигаться.

Так же и с мудростью: она движется без ног. Она движется без информации, без знания. Она движется без интеллектуальности; она движется интуитивно.

Змея танцует, слушая музыку. Вначале ученые были очень озадачены, потому что у змеи вообще нет ушей, она не может слышать. Но можно ли это отрицать? — каждый знает, что музыка совершенно гипнотизирует змею — она раскачивается, танцует. Как это возможно? — потому что у нее нет ушей. После больших исследований было установлено, что у нее нет ушей, но она слышит каждой клеткой своего тела. Вся ее кожа функционирует как уши; она вся в ушах.

Именно таким должен быть ученик: все внимание; слушать не только ушами, но и всем телом с ног до головы, слушать всеми фибрами своего существа, чтобы каждая клетка начала пульсировать, начала отвечать на ритмы мастера.

Змея имеет огромное значение. Иисус прав. Ты озадачен, Джайеш, из-за слова «хитрость». Это просто означает мудрость.

Для путешествия в пустыню шейху Мустафе понадобился еще один конь. Ему привели двух лошадей из ближайшей деревни, но каждый из владельцев, не желая терять свою лошадь, настаивал, что его лошадь плохая, со сбитыми ногами, старая и покалеченная.

— Это очень просто проверить, — сказал шейх. — Мы устроим скачки и возьмем победившую лошадь.

Советник выступил вперед и прошептал:

— Ничего не получится, Ваше Высочество. Эти люди не позволят своим лошадям быстро бежать.

— Позволят, — сказал Мустафа. — Пусть каждый из них едет на лошади другого.

Ты можешь назвать это хитростью, ты можешь назвать это мудростью. Шейх мудр, хитер, изощрен. Он говорит:

— Пусть каждый из них едет на лошади другого.

Тогда будет совсем не трудно установить, кто придет первым, потому что каждый будет стараться изо всех сил, чтобы его лошадь пришла к финишу первой — это лошадь другого.

Иисус говорит: Будь мудрым, будь изощренным — потому что жизнь сложна, очень сложна, а твои оковы очень стары. Ты привык к своему рабству. Если ты не ведешь себя очень разумно, у тебя нет возможности выбраться из этого тюремного заключения. Ты должен сфокусировать всю энергию в одной точке: как достичь свободы.

Представь себе узника: если он хочет выбраться из тюрьмы, он должен быть очень хитрым, мудрым, коварным. Он должен наблюдать, откуда можно убежать, он должен постоянно наблюдать, с какой стороны тюрьма хуже охраняется. Он должен очень внимательно наблюдать, кого из охранников можно подкупить. Он должен как-то связаться с теми, кто снаружи; только если ему удастся получить помощь снаружи — веревку, лестницу, определенные сведения: в какое время ночью он может убежать, когда сменяется стража, когда стража засыпает, как раздобыть веревку, как раздобыть лестницу... Если он ведет себя глупо, его поймают, и он окажется в гораздо большей опасности,

чем раньше. Если ты недостаточно разумен, лучше не пытаться убежать.

Поэтому каждый мастер обостряет вашу разумность. Когда бы ты ни нашел, что твоя разумность притупляется, беги из этого места как можно скорее.

А именно это делается в так называемых духовных местах. Так называемые ашрамы, храмы, мечети и церкви — они они отупляют вас, они утешают вас. Они говорят вам, что вы уже свободны, что не нужно никуда идти. Они говорят, что тюрьмы не существует — это ваш дом. Они говорят вам, что надзиратель вам не враг, он вам друг. Он не охраняет вас, чтобы вы не могли убежать, нет; он охраняет вас, чтобы никто не мог войти и причинить вам вреда. Они говорят вам украшать свою тюрьму. Они дают вам всевозможные советы и рекомендации, как ее украсить, как сделать ее более красивой. Они утешают вас. И, чем более вы утешены, чем более вы убаюканы, тем меньше у вас становится возможностей для того, чтобы стать буддой, чтобы когда-нибудь проснуться, чтобы когда-нибудь стать понастоящему свободными.

Ваши так называемые святые продолжают петь колыбельные; они помогают вам лучше спать. И вы будете удивлены тем, что так называемые мантры это не что иное, как способ глубоко заснуть. Именно такова Трансцендентальная Медитация Махариши Махеш Йоги. Если вы повторяете *любое* слово... неважно, что вы повторяете — Рама-Рама, или Кришна-Кришна, или Христос-Христос, или Кока-Кола-Кока-Кола — подходит все. Если вы продолжаете непрерывно повторять определенное слово, это поможет вам крепко заснуть, потому что уму становится скучно. Когда уму скучно, он чувствует себя притупленным, сонным. Когда уму скучно, есть лишь один способ избежать этой скуки — крепко заснуть.

Матери знали это веками. Трансцендентальная медитация использовалась всеми матерями во всем мире. Когда ребенок не хочет спать, они начинают повторять одну и ту же фразу, колыбельную. Подойдет все что угодно; просто

продолжайте повторять одно и то же снова и снова, и ребенок начнет засыпать.

Именно так действует гипноз: любое повторение — не обязательно нужна мантра — *что угодно*. Вы можете нарисовать черное пятно на стене и продолжать на него смотреть, непрерывно смотреть, и через несколько минут вы будете крепко спать, потому что сознанию нужен поток, сознанию нужно что-нибудь новое, чтобы оставаться бдительным, сознанию нужно движение. Сознание это течение.

Фактически, именно поэтому эта Трансцендентальная Медитация Махариши Махеш Йоги — которая не трансцендентальная и не медитация — приобрела такую важность в Америке. Америка это страна, которая страдает от бессонницы, единственная страна, которая не может спать без снотворного, транквилизаторов — и даже они больше не помогают — единственная страна, которая стала так беспокойна, что спать стало почти невозможно. Нужны новые методы, более тонкие методы.

Но сон это не медитация, это утешение. Он даст вам некоторый отдых, и завтра вы почувствуете себя немного более свежим. Это хорошо — я не против этого. Это немедикаментозный транквилизатор. Если вы пользуетесь транквилизаторами, вы можете пользоваться трансцендентальной медитацией — она гораздо лучше. По крайней мере, вы не набиваете себя химическими веществами, у которых могут быть побочные эффекты. Она не причинит вам вреда, но это совершенно не медитация — потому что медитация означает обострение разумности. Медитация означает, что вы становитесь более бдительными, более яркими, более блестящими, более сияющими, более мудрыми.

Иисус прав, когда он говорит: Станьте мудры, как змея. Ты когда-нибудь наблюдал за змеей — как она бдительна, как она внимательна? Малейшее беспокойство — лишь только сухой лист на ветру, и она срылась. Ты идешь, и твоих шагов достаточно... Малейший звук — и змея исчезла, как ветер. Она так бдительна, так внимательна.

Научитесь этой внимательности, научитесь этой бдительности. Научитесь этой прекрасной подвижности, этой гибкости, этой пластичности змеи. И будьте невинны, как голуби.

Иисус привносит обе полярные противоположности: будьте мудрыми, разумными, но не знающими, невинными. Вы можете неверно понять мудрость как знание; поэтому он добавляет: будьте невинны, как голуби. Если вы невинны и мудры, вы не можете быть знающими; если вы разумны, вы не будете знающими. Вы не будете накапливать знание, вы не станете ходячей Британской Энциклопедией. Люди такого рода почти всегда глупы.

Я сталкивался с человеком, который действительно был ходячей Британской Энциклопедией; кроме нее он ничего не читал. Британская Энциклопедия это не то, что читают; к ней можно обращаться время от времени. Этот человек постоянно читал ее. Ему можно было задать любой вопрос; если ответ был в Британской Энциклопедии, этот человек мог в точности воспроизвести его. Он был со мной несколько дней; я никогда не видел такого глупца — очень знающего и очень глупого.

Это происходит потому, что знания не дают ему большего сознания, его знания дают ему только сведения. Сведения накапливаются в той части вашего мозга, которая отвечает за память — а память это не сознание; сознание это совершенно другое явление. Сознание это свидетель у вас внутри; он может свидетельствовать память.

Иногда вы кого-то видите, и вы помните, что вы помните его, но все же не можете вспомнить имя. Вы говорите, что оно вертится на кончике языка, вы знаете, что оно вертится на кончике языка, но все же оно не приходит. Что происходит? Ваше сознание говорит, что оно есть в памяти, но каким-то образом память заблокирована, память не в состоянии предоставить вам то, что нужно. Возможно, есть какое-нибудь препятствие, возможно, вы так спешите, что память становится напряженной. Вы стараетесь изо всех сил; чем больше вы стараетесь, тем более это становится

трудным. Тогда, в полном разочаровании, вы бросаете весь этот проект. Вы выходите в сад, вы садитесь под деревом, закуриваете сигарету... и внезапно оно всплывает, оно поднимается на поверхность.

Ваше сознание это совершенно другое явление. Ваше сознание говорило: «Оно есть в памяти...», но почему-то вы не смогли его найти. И, когда вы сидите под деревом, отдыхая и куря сигарету, оно оказывается на поверхности. Теперь ваше сознание свидетельствует, как оно поднимается; теперь вы знаете, что стоит прямо перед вами. Вы видите, как оно поднимается; вы всегда видящий, вы никогда не видимое. Вы никогда не являетесь содержанием своего сознания, вы есть сознание.

Знающий человек собирает содержание, медитативный человек обостряет сознание. Медитативный человек становится мудрым; знающий человек остается только знающим. Но если возникнет ситуация, в которой его знание будет неприменимо он будет вести себя очень глупо. Он не будет знать, что делать, он будет в полной растерянности. Если ответ есть в энциклопедии, он будет повторять его как грампластинка, но если ответа в энциклопедии нет, он просто лишится дара речи; он будет не в состоянии откликнуться спонтанно.

Мудрость это спонтанный отклик; знание зависит от прошлого. Знание механично; на него способен компьютер. И рано или поздно им будут заниматься компьютеры, потому что запоминание это трата времени, пустая трата времени. Небольшой портативный компьютер может делать все: вы можете носить его в кармане и помнить всю Британскую Энциклопедию; сведения становятся доступны одним нажатием кнопки.

В наступающем столетии вся систем образования совершенно преобразится из-за компьютеризации. Глупо будет обучать детей истории, географии — это не нужно, в этом нет необходимости. Все это может делать компьютер; ребенок может носить с собой компьютер.

И вот мое собственное наблюдение: чем меньше вы зависимы от памяти, тем более разумными вы становитесь. Именно поэтому получается так, что в университетах вы не найдете разумных людей. Профессора, ректоры, проректоры — я видел многих, но очень трудно найти среди них сколько-нибудь разумного человека. Вы можете найти более разумных людей среди крестьян, среди садовников, среди деревенских жителей. И причина ясна: поскольку они не знающие, они не могут зависеть от своей памяти. Они должны откликаться на реальность, они должны откликаться на вызовы, они должны приносить в этот отклик все свое сознание — их сознание остается более острым. Земледелец, крестьянин гораздо более разумен, чем профессор в университете. Профессор может полагаться на память, земледелец не может полагаться на память.

Я слышал:

Женщина купила банку консервированных фруктов, и, поскольку эта банка была нового типа, она не знала, как ее открыть. Она сказала кухарке:

— Подожди. Я должна посмотреть инструкцию — к банке прилагалась инструкция. Давай я посмотрю: там должно быть объяснено, как она открывается.

И она пошла читать инструкцию. Когда она вернулась через полчаса, она обнаружила, что кухарка уже открыла банку. Она спросила:

— Как это тебе удалось? Даже мне было трудно сообразить по инструкции, как открывается эта банка! Как это удалось тебе?

— Поскольку я не умею читать, — ответила кухарка, — мне приходится полагаться на свой здравый смысл. Ты можешь читать; тебе не нужно использовать свой здравый смысл.

Будь мудрым — а это значит будь более сознательным. И будь невинным — это значит будь более подобным ребенку, полному удивления и благоговения. Если у тебя есть эти два качества, удивление и благоговение, здравый смысл и мудрость, ты не можешь упустить Бога; невозможно упустить Бога.

Тогда ты не будешь спрашивать, где находится Бог; ты будешь спрашивать, где его нет. Он повсюду, снаружи и внутри.

Третий вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Почему мужчины имеют волосы на груди?

Видишь ли, Сахаджанад, они не могут иметь все!

Четвертый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Работа Л. Рона Хаббарда фокусируется на очистке ума, тогда как Ты часто говоришь о том, чтобы отбросить ум. В чем разница? Пожалуйста, прокомментируй.

Ананд Салам, работа Л. Рона Хаббарда психологическая, она не духовная. Очистка ума это психологическая работа: отбрасывание ума это духовная революция. Очищая ум, ты остаешься привязанным к уму, и, как бы ты его ни очищал, он сохраняется. Даже если стекло совершенно прозрачно, и ты можешь ясно видеть все, что снаружи, ты все же не снаружи. Очень ясное, абсолютно прозрачное стекло все же будет удерживать тебя в заключении. Ты можешь видеть бабочек на солнце, ты можешь видеть цветы,

ты можешь видеть, как птицы летают в небе, ты можешь видеть облака, луну и звезды...

И, если ты не пытаешься выбраться, ты останешься в заблуждении, что ты на открытом воздухе. Но если ты попытаешься выбраться, ты столкнешься с большой неожиданностью: с прозрачной стеной, которая препятствует тебе — ты все еще заключенный.

Ум можно сделать очень ясным, но ум сохраняется. Фактически, чем более он ясен, тем более ты будешь им обманут — потому что он будет становиться все более и более прозрачным. Ты не будешь чувствовать себя завернутым в него, ты начнешь отождествляться с ним. И ясный ум даст тебе великие прозрения, великое видение — света, любви, запредельного — и ты можешь начать думать, что ты испытываешь духовные переживания.

Ни одно переживание не духовно; все переживания психологические. Выйти за пределы психологии — вот что я имею в виду, когда я говорю отбросить ум.

Работа Хаббарда очень обычна; она должна быть частью психологической литературы. Но на Западе люди совершенно забыли, что такое духовность; поэтому их очень легко обмануть. И я не говорю, что Хаббард обманывает других — возможно, он обманут сам. Он обладает ясным умом, и его процессы хороши, насколько это касается очищения, но это не духовная работа. Она не может привести тебя к вечному, она не может заставить тебя осознать свой глубочайший центр. Она удерживает тебя отождествленным с умом, и, чем более ум становится ясным и красивым, тем более ты привязан к нему, потому что тем драгоценнее он кажется. И когда он начинает давать тебе видение и духовные переживания, становится абсолютно невозможно его отбросить. Легче отбросить неясный, смятенный ум; трудно отбросить ясный ум.

Поэтому я не заинтересован в том, чтобы сделать твой ум ясным. Все мое усилие в том, чтобы заставить тебя осознать замешательство твоего ума, заставить тебя осознать нездоровье твоего ума, осознать ненормальность, осознать

шизофрению, осознать всю твою патологичность, чтобы ты был вынужден отбросить его, чтобы ты больше не мог за него цепляться.

И в то мгновение, когда ум отброшен, в то мгновение, когда ты узнаешь, что ты не ум, происходит мутация. Ты перенесен в другой мир; ты вошел в мир сознания.

Есть тело. Физиологи работают над ним, и они думают, что тело это все — они не верят в ум. Ум это вторичная патология, просто побочный продукт; это не что иное, как функция тела. Есть психологи, которые считают, что человек это большее чем тело: он психология, он ум, он не только тело. Но и их ум умрет вместе с телом; возможно, он отделен, но он не может существовать сам по себе.

Психолог недалеко ушел от физиолога. И, фактически, психология и физиология это две стороны одной монеты. Человек это не тело и не ум, но они оба вместе: человек это телоум, человек психосоматичен. Тело воздействует на ум, ум воздействует на тело; поэтому они не отделены. Ты пьешь алкоголь; алкоголь попадает в тело и воздействует на ум. Ты можешь принимать ЛСД или марихуану; они попадают в тело, они изменяют химию тела, но тотчас же твой ум полностью меняется.

Даже такой человек как Олдос Хаксли был обманут ЛСД. Он подумал, что под воздействием ЛСД он испытал в точности то же, что испытывал Кабир в своих мистических переживаниях, в своем мистическом мире. Такой человек как Хаксли, человек гораздо более ясного ума, чем Хаббард, был обманут. Он подумал: «Мы нашли короткий путь к духовным переживаниям: ЛСД достаточно. Не нужно годами поститься, не нужно годами стоять на голове, не нужно мучить свое тело, не нужно соблюдать старые, древние аскезы. Это методы воловьих упряжек, а мы живем в веке реактивных самолетов, и мы нашли короткий путь к духовному — ЛСД». Он был обманут, потому что он также считал, что ум это все. А ЛСД дает умственные переживания, потому что ЛСД меняет ум.

Измени тело, и изменится ум. Измени ум, и изменится тело.

Именно так действует гипноз. Если ты под гипнозом, и тебе говорят, что завтра у тебя поднимется температура, если на этом настаивают снова и снова, если ты обусловлен, что завтра рано утром ты проснешься и обнаружишь, что у тебя очень высокая температура... Ничего не было сделано с телом, был обусловлен только твой ум: завтра утром у тебя поднимется температура. Человек может даже умереть.

В 1952 году несколько стран мира приняли законы против гипноза. Они заявили, что только уполномоченным гипнотизерам разрешается гипнотизировать людей, потому что в одном из университетов Америки произошел несчастный случай. Четыре студента, психологи, изучая гипноз и историю гипноза, заинтересовались и захотели попробовать. Они стали гипнотизировать одного из своих друзей; должно быть, он был очень уязвимым.

Тридцать три процента людей очень уязвимы; один человек из трех готов быть загипнотизированным. И проблема мира в этих тридцати трех процентах; до сих пор они были проблемой, их мог бы загипнотизировать каждый. Адольф Гитлер зависел от этих тридцати трех процентов, Мао-цзе-Дун зависел от этих тридцати трех процентов. Все войны, все фанатичные жестокости зависели от этих тридцати трех процентов. Одна треть людей в мире очень склонна, очень готова к тому, чтобы ее загипнотизировали.

Так совпало, что этот мальчик, должно быть, был из таких людей, и эти трое из всех сил старались его загипнотизировать. Они гипнотизировали его, и они чувствовали себя прекрасно, потому что он делал все, что бы они ему ни говорили. Они говорили ему танцевать, и он танцевал. Они говорили ему: «Эта вода очень горячая», давая ему холодную воду, и он не мог ее пить. Он говорил: «Она слишком горячая, я одожду рот». И они были удивлены, когда они положили маленький камешек ему на палец и сказали ему, что это огонь. Он уже обжегся, тут же обжегся,

в самом деле обжегся — холодным камешком. Они были все более и более заинтригованы всем этим явлением.

И они испробовали последнее. Они сказали этому человеку лечь, они сказали ему: «Ты умер!» — и он умер. И они из всех сил старались его разбудить, но было слишком поздно. Из-за этого несчастного случая многие страны приняли закон против гипноза. Только уполномоченным профессионалам должно разрешаться использовать его, потому что он может быть опасным. Он может воздействовать на ум, а через ум и на тело.

Ум и тело не отдельные, но ты это третья сущность. Ты в теле, ты в уме, но ты не отождествлен с ними. Ты — свидетельствующее сознание.

Моя работа совершенно отличается от работы Хаббарда: его работа психологическая, моя работа духовная. Мое усилие здесь не в том, чтобы дать тебе ясный ум; мое усилие здесь в том, чтобы дать тебе состояние не-ума, потому что только через не-ум ты сможешь познать реальность — реальность внутри и реальность снаружи. Но не-ум является дверью, единственной дверью.

Пятый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Кажется, журналисты никогда не понимают Тебя. Почему это так?

Кавьо, я здесь не причем. Они никогда не понимали Иисуса, Сократа, Будду, Кабира. Они не могут понять; это противоречит их вложениям.

Журналисты живут созданием сенсаций. Каждая новость является новостью, лишь если это сенсация. Они живут слухами, и они делают слухи очень перченными. Они никак не заинтересованы в истине, потому что истина никогда не нова. Истина такая древняя, истина всегда одна и

та же. Я говорю ту же прежнюю истину. Ее говорил Будда, ее говорил Христос, ее говорили все, кто знал. В ней нет ничего нового — как она может быть новостями?

А они пришли сюда в поисках новостей. Им приходится изобретать — и это действительно забавно, какими изобретательными могут быть люди.

Лишь несколько дней назад я читал в пенджабском журнале репортаж об этой коммуне, об этом ашраме. Этот человек говорит, журналист говорит, что он пробыл здесь пятнадцать дней, находился в коммуне, и все, что он пишет, основано на его собственном опыте. Поскольку он представил статью таким образом, я заинтересовался: что же он увидел? И я просмотрел ее. Обычно я не читаю то, что пишут журналисты, это не возможно. Для этого у нас есть большой пресс-центр, по меньшей мере, тридцать человек постоянно читают и собирают информацию, потому что это происходит по всему миру, на всех языках. Так много всего публикуется, что для меня невозможно за всем следить. Но, так как этот человек сказал: «Я был в ашраме пятнадцать дней», я заглянул в статью. Я был поражен!

Он говорит, что ашрам простирается на пятнадцать квадратных миль. Я думаю, даже вся Пуна не простирается на пятнадцать квадратных миль! Он говорит, что в то мгновение, когда вы входите в ворота, первое, что вы видите, это статуя обнаженной женщины! Так как я очень редко бываю у ворот, я спросил Лакшми: «Что случилось? Где эта статуя?»

Он говорит, что здесь есть искусственные озера, искусственные водопады, и тысячи саньясинов плавают в озерах обнаженными. Еще здесь есть подземные залы с кондиционерами, где десять тысяч человек могут сидеть вместе. Каждое утро я провожу беседу в подземном зале. Вы сидите в подземном зале с охлажденным воздухом, и не только это — все ученики должны сидеть абсолютно голыми! Проверьте свою одежду — если вы думаете, что на вас есть одежда, вы ошибаетесь. Вы все голые.

Эти люди очень многое вложили в создание слухов. Именно так продаются все газеты, все журналы. Они не имеют ничего общего с истиной. Этот человек никогда не был здесь.

Они не могут меня понять по двум причинам. Первая: если они поймут, они не смогут ничего написать. Это случилось с несколькими журналистами. Те, кто понял, стали саньясинами; они забыли о том, чтобы что-то писать. Они пришли, чтобы писать; теперь они решили не возвращаться обратно, они решили быть здесь.

И не только журналисты... здесь есть детективы из разных стран. Несколько детективов даже стало саньясинами! И они признались мне, что они приехали как шпионы, но теперь они поняли, что здесь происходит, и они хотели бы стать частью коммуны.

Если журналист пойдет и напишет в точности то, что он видел, никто не поверит ему. Именно это случилось с Сатьянандой. Он приехал от знаменитого немецкого журнала, «Штерн», чтобы написать репортаж; затем он стал саньясином. И то, что он стал саньясином, создало проблемы. Те самые люди, с которыми он работал многие годы — главный редактор, корректоры и другие — они подумали, что он попал под гипноз. Несколько месяцев он изо всех сил старался убедить их в том, что он не под гипнозом, но они не слушали. Они даже не были готовы опубликовать то, что он написал. Они говорили: «Ты слишком попал под влияние, ты не вернулся в чувство». И даже когда через несколько месяцев споров они согласились это напечатать, они разбили всю статью на две части таким образом, что она утратила весь контекст, всю свою целостность, она стала разрозненными кусками.

Прежде всего, журналист живет слухами. Он здесь не для того, чтобы понять меня, он здесь для того, чтобы понять меня *неправильно*; это его вложения. Во-вторых: люди, которые становятся журналистами — не все, но девяносто девять и девять десятых процента людей, которые становятся журналистами — это очень нетворческие люди. Фак-

тически, те, кто может творить, творят; те, кто не может творить, критикуют. Нетворческие люди становятся великими критиками.

Очень легко писать критику поэзии, но трудно писать поэзию. Очень легко писать критику живописи — вы можете критиковать Пикассо, но вы не можете писать, как Пикассо. Очень легко что-нибудь критиковать.

Тургенев написал рассказ, «Дурак». В определенном городе жил человек, который был известен как величайший идиот во всей округе. Он был очень обеспокоен, потому что, куда бы он ни пошел, люди смеялись над ним, что бы он ни сказал, люди высмеивали его. Даже если он говорил что-нибудь правильное, люди смеялись над ним, потому что никто не мог поверить, что идиот может сказать что-нибудь правильное. Он был признан полным идиотом.

Через эту деревню проходил суфийский мистик. Идиот подошел к нему и сказал:

— Вся моя жизнь потрачена напрасно — все думаю, что я идиот. Не можешь ли ты мне помочь?

— Это так просто! — ответил тот. — Ты просто начни делать одно: начни критиковать, и через семь дней снова приди ко мне. Я останусь здесь на семь дней специально для тебя; за семь дней все изменится. Но критикуй! Если кто-то цитирует Шекспира, тут же говори: «Что здесь такого? Все это чепуха, вздор!» Если кто-то говорит: «Посмотри, какая красивая луна» — просто скажи: «Что здесь такого? Я не вижу никакой красоты. Докажите мне, что в этом есть красота!» Никто не может этого доказать, потому что красота не может быть доказана. Если кто-нибудь скажет: «Какое прекрасное утро!» — немедленно набрасывайся и начинай критиковать. В течение семи дней делать лишь

одно: ходи по городу и критикуй каждого, кого ты встретишь.

Через семь дней этот человек вернулся обратно — и не один, за ним шли сотни людей, и все они говорили: «Ты совершил чудо! Величайший идиот стал величайшим мудрецом. Никто не может с ним спорить».

Критиковать легко, очень легко. Гораздо труднее создавать.

А то, что создаю я, это нечто невидимое. Если твои глаза не полны сопереживания, ты не можешь этого увидеть. Пока ты не попадешь со мной в резонанс, ты не сможешь этого понять.

Отец Мерфи был пастором в очень бедном приходе. Когда он раздумывал о том, как улучшить свое материальное положение, ему сказали, что у владельцев скаковых лошадей всегда есть деньги.

Придя на распродажу лошадей, вместо лошади он купил осла. Как бы то ни было, он решил выставить своего осла на скачках, и его осел пришел третьим. На следующий день на передовицах газет появились заголовки: «Осел Отца Мерфи заявляет о себе» (*игра слов, основанная на разных значениях англ. ass; вариант: «Виднеется задница Отца Мерфи»*). Архиепископ увидел заголовки и был очень недоволен.

На следующий день осел пришел первым, и на передовицах появилось: «Осел Отца Мерфи вырывается вперед» (*вариант: «У отца Мерфи задница спереди»*). Архиепископ стал кусать локти и лихорадочно соображать, что здесь можно сделать. Тем временем Отец Мерфи выставил осла на скачках снова, и его осел пришел вторым.

В газетах появились заголовки: «Осел Отца Мерфи сдает одну позицию» (вариант: «Задница Отца Мерфи снова на месте»). Архиепископ решил, что это уже слишком, и запретил пастору выставлять осла на следующий заезд.

На следующий день архиепископ прочитал в газетах: «Архиепископ снимает со старта осла Отца Мерфи» (вариант: «Архиепископ чешет задницу Отцу Мерфи»).

Архиепископ приказал Отцу Мерфи избавиться от осла. Тот не смог его продать, поэтому он просто отдал его Сестре Агате в качестве питомца. Когда архиепископ узнал об этом, он приказал Сестре Агате немедленно выгнать животное. Так как она не смогла этого сделать, она продала его за десять долларов.

На следующий день заголовки гласили: «Сестра Агата продает осла за десять долларов» (вариант: «Сестра Агата продает свою задницу за десять долларов»).

Через три дня архиепископа похоронили.

Журналисты живут такими глупостями. Все их вложения ошибочны, все их предпочтения ошибочны. И они прекрасно знают, как писать репортажи о политиках, потому что это их работа. Политик понимает их, они понимают политика; они говорят на одном языке. Но когда они сталкиваются с таким человеком как я, дистанция так огромна. Они говорят на одном языке, я — совершенно на другом. Они не могут понять того, что я говорю: они продолжают неправильно понимать, они продолжают все одевать в свои толкования.

Журналисты считают себя очень умными, они считают себя очень знающими, они считают себя очень интеллектуальными. Преобладает это огромное непонимание; они считаются частью интеллигенции — это не так!

Интеллигентность всегда созидательна; критична только глупость. Критика не имеет большой ценности; поэтому я не обращаю слишком большого внимания на то, что они продолжают говорить. И тебе не нужно о них беспокоиться — предоставь их самим себе.

Последний вопрос:

Возлюбленный Мастер,
Как Тебе это удастся: Ты говоришь год за годом, и все же это всегда остается свежим, как утренние лучи солнца?

Сурьянанда, я — пьяница! Я не знаю, что я сказал вчера. Фактически, я даже не знаю, что я сказал сегодня. И постепенно со мной ты тоже становишься пьяницей, ты тоже постоянно все забываешь. Поэтому это каждый день кажется свежим и новым — ни я никогда не помню, ни ты никогда не помнишь! Помнить и не нужно.

Новый священник пришел на свою первую проповедь, но он едва мог говорить от волнения. Перед второй проповедью он пришел к своему более опытному коллеге, чтобы попросить совета, как ему чувствовать себя свободнее.

— В следующее воскресенье перед проповедью ты должен добавить мартини в стакан с водой. Пара глотков, и все пойдет гладко.

Через неделю молодой священник последовал этому совету и действительно напился в хлам.

По окончании проповеди старший священник пришел к нему со списком допущенных ошибок:

1) Я предлагал тебе сделать пару глотков, не выпить все залпом.

2) Апостолов было двенадцать, а не десять.

3) Заповедей десять, а не двенадцать.

4) Давид сразил Голиафа, а не вышиб из него дерьмо.

5) Мы не называем Спасителя Иисуса Христа и его учеников Джей Си и ребята. (англ. *JS & Boys*)

6) На следующей неделе будет конкурс по вытягиванию конфет в Церкви Святого Петра (англ. *Taffy-pulling contest at St. Peter's*), а не конкурс по вытягиванию членов у Таффи (англ. *Peter-pyllum contest at Taffy's*).

7) Мы не называем крест большим Т.

8) Мы не называем Отца, Сына и Святого Духа Большим Папашей, Малышом и Привидением.

9) И последнее: мы говорим Дева Мария, а не Мария с вишенкой! *

На сегодня достаточно.

* В русской версии анекдота старший батюшка советует молодому «остограмиться» перед проповедью; после проповеди он говорит:

«Во-первых, я сказал тебе остограмиться, а не ополитриться. Во-вторых, рясу в трусы не заправляют. В-третьих, никакая мать, помимо Божьей, в проповеди не поминается. И последнее: завершая проповедь, вместо «П...дец!» мы говорим «Аминь!»».

В конце пути
Мастер находит свободу
От желания и отпавления —
Свободу без грания.

Те, кто пробужден,
Никогда не отдыхают на одном месте.
Подобно лебедям, они взлетают
И покидают озеро.

Они поднимаются в воздух
И летят невидимым курсом,
Ничего не собирая, ничего не храня.
Их пища — Знание.
Они живут пустотой.
Они поняли, как вырваться на свободу.

Кто может следовать за ними?
Лишь мастер
Мастер в своей истоте.

Подобно птице,
Он поднимается в беспредельное небо
И летит невидимым курсом.
Он ничего не желает.
Его пища — Знание.

Он живет пустотой.
Он вырвался на свободу.

Гаутама Будда не ищет Бога; он не может его искать. Если Бог еще не известен, как вы можете его искать? Если поиск зависит от веры в Бога, этот поиск искажен с самого начала.

Истинный поиск не должен быть ни поиском верования, ни поиском неверия. Если вы верите, вы будете проецировать; вы будете гипнотизировать себя в соответствии со своим верованием. И есть большая опасность того, что вы найдете все, во что бы вы ни верили — вы создадите иллюзию.

Глубокая вера создает пространство, в котором становятся возможными галлюцинации. Поэтому христианин может увидеть Христа, а индуист может увидеть Кришну. Индуист никогда не столкнется с Христом, христианин никогда не столкнется с Кришной. Почему так происходит? — потому что вы находите то, во что вы верите. Не то, что является реальностью, но то, что вы прецируете на реальность. Реальность действует как экран, и вы продолжаете проецировать на него свои предрассудки. Если вы верите, тогда, конечно, нет никакой возможности, что вы найдете; ваш ум закрыт.

Поэтому Будда не ищет Бога. Мы не знаем, есть ли Бог, или его нет; нам нечего взять в качестве отправной точки. И, не принимая никакой отправной точки относительно Бога, мы можем исследовать его реальность.

В этом основное различие между подходом Будды и подходами других религий. Будда далеко их превосходит. Другие религии очень антропоцентричны — спроецированный, увеличенный, украшенный, как это только возможно, но это человек, спроецированный на небо.

Именно поэтому негритянский Бог будет соответствовать негритянским представлениям о том, что такое человеческое существо: у него будут толстые губы, курчавые волосы. У китайца будет собственная проекция, у индийца будет собственное представление. На земле существует триста религий; трехсот Богов нет. Зачем эти триста религий?

И эти триста религий создают, по меньшей мере, три тысячи сект, и все они отличаются друг от друга в концепции Бога.

Бог один, потому что реальность одна. Если Бог равен реальности, синонимичен реальности, тогда нет такого количества существований, есть лишь одно существование — у него может быть так много образов. Фактически, никакой образ не может его представлять; любой образ будет лишь частью. А провозглашать часть всей истиной это грех — грех против самого себя, против человечества и против истины.

В тот момент, когда вы начинаете думать о Боге в терминах антропоцентризма, вы создаете образ. Этот образ это не более чем игрушка, с которой можно играть. Вы можете поклоняться ей, вы можете ей молиться, вы можете кланяться ей, но вы просто будете вести себя глупо. Вы склоняетесь перед своей собственной игрушкой, вы поклоняетесь своему собственному созданию! И именно таковы ваши храмы, ваши церкви, ваши мечети — они рукотворны, произведены человеческим умом.

Бог не может быть произведен. Бог не может быть частью творения человека. Напротив, человек является творением Бога. Библия говорит: Бог создал человека по своему образу и подобию. Но то, что случилось на земле, прямо противоположно: человек создал Бога по своему образу и подобию. И, конечно, есть много типов людей, поэтому есть и много типов Бога, и продолжают ссоры о том, какой из них правилен. Вопрос не в том, какая концепция правильна, а в том, чья концепция правильна.

Бог стал путешествием эго: христиане борются с мусульманами, мусульмане борются с индуистами, индуисты борются с джайнами. И это противостояние продолжается и продолжается... Вся история человечества стала уродливой из-за так называемых религиозных людей. Они оказались самыми нерелигиозными. Они оказались величайшими фанатиками, совершенно слепыми, глубоко предубежденными, полностью закрытыми, не готовыми слушать ничего, что противоречит им и что хоть сколько-нибудь отличается

от их собственных идей. Религии сделали людей слепыми, глухими. Религии сделали людей глупыми, неразумными.

Будда это совершенно другой мир, он приносит совершенно другое видение. Первое, что следует запомнить: он не заинтересован в Боге... и чудо в том, что он находит Бога. Его поиск не поиск Бога, но он оканчивается, он завершается в Боге. Его поиск начинается под совершенно другим углом, и это правильный угол для начала поиска. Если вы начинаете так, как начинает Будда, вы обязательно найдете Бога.

Х.Г.Уэллс прав, когда он говорит, что Гаутама Будда самый божественный человек и в то же время самый безбожный. Да, он парадоксален. Он отрицает Бога, он говорит, что Бога нет. Он говорит, что нет необходимости поклоняться, он говорит, что нет необходимости верить. Исследуйте, не верьте! Ищите и исследуйте, но без каких-либо предрассудков за или против. Начиная с совершенно чистым и открытым умом. Начиная как маленький ребенок, который даже не слышал о Боге, в полной невинности. И он не говорит, что, если вы начнете таким образом, вы найдете Бога, потому что он знает хитрость человеческого ума. Если он скажет: «Если вы начнете таким образом, вы найдете Бога», тогда ваш ум скажет вам: «Таким образом можно найти Бога — начинай таким образом», но глубоко внутри сохраняется желание найти Бога. Желание Бога возникает в вашей психологии; это не духовный поиск.

Зигмунд Фрейд прав в том, что Бог это не что иное, как поиск образа отца или матери. Будда согласился бы с ним, Будда благословил бы Зигмунда Фрейда. Прозрение Зигмунда Фрейда в этом очень точно. Он не идет очень далеко, но он начинает правильно, хотя и застревает посредине, потому что он не знает о Будде, он не знает о Лао-цзы. Он остается в своей основе частью иудейско-христианской традиции — которая не очень развита, которая еще не стала метафизикой в истинном значении этого слова.

Христианство и иудаизм это очень приземленные религии, более укорененные в психологии человека, чем в

духовном понимании человека. И, поскольку психология человека является хаосом, все, что укоренено в его психологии, неизбежно останется хаосом.

Человеку нужен образ отца, кто-то, от кого можно зависеть. Во имя Бога люди ищут не Бога, они ищут лишь оправдания для своей зависимости — прекрасные оправдания, чтобы зависимость не была так похожа на рабство, чтобы зависимость также приобрела аромат религиозности, духовности. Но то, что вы называете Бога «отцом», говорит о том, чего вы искали.

Есть религии, которые называют Бога «матерью»; это то же самое, прежняя игра — мать или отец. Если общество ориентированно на мать, матриархально, тогда Бог становится «матерью»; если общество ориентированно на отца, патриархально, Бог становится «отцом».

Германия называет себя «отчизной», Индия называет себя «родиной-матерью»; разница лишь в именах. Называете ли вы страну отчизной или родиной-матерью, это не имеет большого значения, потому что вы создаете одну и ту же проблему. Это одна и та же политика под разными этикетками; этикетки разнятся, но это тот же самый детский подход к реальности.

Почему вы ищете Бога? Из страха? Да, страх есть, потому что есть смерть. Если вы ищете Бога из страха, вы никогда не найдете его. Бог может быть найден лишь из любви, не из страха.

Во всех языках существуют такие выражения как «богобоязненный»; религиозные люди называются богобоязненными. Это полная чепуха! Религиозный человек никогда не богобоязнен: религиозный человек боголюбивый. Его молитвы возникают не в страхе, но в безмерной любви и благодарности. Его молитва это благодарность, не требование. Он не просит безопасности, потому что он уже знает, что он в безопасности. Он не просит поддержки, он не просит защиты, потому что он знает, что его защищает существование, что существование это наш дом, что мы

принадлежим ему, а оно принадлежит нам. Зачем нам просить того, что уже доступно, что уже дано, что встроено в нас, в само наше существо?

Но так называемый религиозный человек продолжает требовать. Возможно, он потерял своего отца, свою мать... каждый в тот или другой день теряет их. Вы теряете отца не тогда, когда он умирает; но в то мгновение, когда вы становитесь зрелым, когда вы начинаете двигаться сами по себе, вы теряете отца, вы теряете мать — вы теряете иллюзии детства. И тогда возникает великий страх: до сих пор вас защищал отец, о вас заботилась мать. Кто теперь будет защищать вас и заботиться о вас? Небо кажется совершенно нейтральным; ему безразлично, ему все равно, живы вы или мертвы. В существе человека возникает великий страх, великая дрожь. Серен Кьеркегор называет это именно дрожью; он думает, что в этой дрожи рождается религия. Да, в этой дрожи рождается религия, но эта религия ложна, эта религия не истинна.

Религия рождается, когда вы центрированы, укоренены, когда вы не дрожите. Религия рождается из великого понимания, не из страха. Религия рождается, когда вы начинаете чувствовать, что существование откликается с любовью, что оно не безразлично, не холодно; что оно очень тепло, приветливо. Это сама наша жизнь — как она может быть к нам равнодушной?

Но так называемые религии продолжают просить у Бога защиты; поэтому они называют Бога «Великим Защитником». Религиозные люди продолжают просить у Бога вечной жизни, потому что они дрожат от страха перед смертью... а смерть подходит все ближе и ближе с каждым днем. Вскоре она оплетет вас, утащит вас в темноту. Прежде чем это произойдет, вам следует найти надежную почву, дом. И это становится вашим поиском Бога.

Будда не заинтересован в таком поиске. Он говорит, что, вместо того, чтобы слушаться больного, патологического ума и по его требованию отправляться на поиски Бога, лучше отбросить этот патологический ум. Лучше отбросить

всю эту патологию, освободиться от нее — потому что в этой свободе видение, в этой свободе знание.

Свободный от ума, вы становитесь знающим. Вы абсолютно определено знаете о вечной жизни, безвременности, бессмертии, и нет необходимости в том, чтобы вас защищал какой-либо Бог — вы уже защищены. И в этой защищенности вы склоняетесь перед существованием в благодарности. В этой защищенности, в этой заботе, в этой любви, которая невидимо продолжает изливаться на вас из вселенной... Она питает вас в каждое мгновение. Именно вселенную вы вдыхаете и выдыхаете, именно вселенная течет у вас в жилах, именно вселенная становится вашей плотью, мозгом костей. В то мгновение, когда это становится вашим собственным опытом, вы становитесь религиозным.

И теперь вы знаете, что Бог есть, но это совершенно иной Бог. Это не образ отца — это вообще не образ. Это не личность, но присутствие, любящее присутствие, до краев наполняющее весь космос. Теперь это не контролирующая личность, диктатор. Это не ветхозаветный Бог, который говорит: «Я очень ревнив».

Будда говорит: Бог — и ревнивый? Кто тогда может выйти за пределы ревности? Будда говорит, что даже человек должен стать не ревнивым, и лишь тогда он будет способен узнать Бога. Но может ли это быть условием: вы становитесь не ревнивым, чтобы узнать ревнивого Бога? Может ли это быть условием, что, чтобы узнать ревнивого Бога, вы должны отбросить ревность? Это было бы очень нелогично! Ветхозаветный Бог говорит: «Я ревнивый Бог, я злой. Те, кто не слушает меня, будут навечно прокляты!»

Бертран Рассел написал книгу «Почему я не христианин». В этой книге он приводит много доводов; один из этих доводов стоит рассмотрения. Он говорит, что христианский и еврейский Бог очень несправедлив, немилосерден, потому что христиане и евреи верят только в одну жизнь. Бертран Рассел говорит: «Что касается меня, за все преступления, которые я совершил, даже самый строгий

судья не мог бы приговорить меня к большему сроку, чем четыре года. И, если включить преступления, которые я не совершил, но о которых размышлял, и тогда это было бы, самое большее, восемь лет, десять лет».

Сколько грехов вы можете совершить за семьдесят лет жизни? Из семидесяти лет жизни одна треть проводится во сне, еще одна треть тратится на зарабатывание хлеба с маслом. Сколько у вас времени на то, чтобы совершать грехи, и сколько грехов вы можете совершить? И, говорит Рассел, христианский и еврейский Бог обещает, что наказание будет вечным! Это немилосердно! Если вы наказываете человека семьдесят лет, это нормально; по крайней мере, семьдесят лет он прожил. Если сама жизнь это грех, если дышать это грех, тогда можно послать его в ад на семьдесят лет — но посылать его в ад навсегда, навечно... Рассел говорит, что это несправедливо. Если таково ваше представление о Боге, что вы думаете о Дьяволе? Может ли Бог быть более дьявольским? Это очень злая концепция.

Но, поскольку так называемые религии основаны на страхе, такие идея создают в людях больше страха. И священники эксплуатируют ваш страх; они говорят, что вы будете осуждены, наказаны. И они создают полотна, картины ада, адского огня и всевозможных мучений, изобретенных в аду.

Эти люди не могут быть святыми. Чтобы даже размышлять о том, что другим предстоят вечные мучения, нужен очень жестокий ум — чтобы даже писать об этом, чтобы даже думать об этом.

Будда говорит, что поиск, подлинный поиск, не может быть поиском Бога — потому что Бог это потребность патологического ума. Пусть это глубоко просочится в вас; в противном случае вы не сможете понять это высшее видение религии.

Во-вторых, Будда говорит, что религия это и не поиск истины, потому что в то мгновение, когда вы начинаете искать истину, вы становитесь интеллектуалами. Все иссле-

дование становится философским, интеллектуальным, рациональным — истина это рациональная концепция. Тогда вы начинаете думать, что вам предстоит пройти через многие логические процессы, что вы должны аргументировать, спорить, обсуждать, и тогда однажды вы придете к заключению — как будто истина будет заключением логического процесса, как будто истина это побочное следствие ваших логических построений.

Истина не только интеллектуальна. Что может интеллект думать об истине? Все это воображение, предположение. Самое большее, он может прийти к определенной гипотезе, рабочей гипотезе, утилитарной; но он никогда не сможет прийти ни к какой истине.

Именно поэтому философия никогда не достигает цели; она просто продолжает и продолжает ходить кругами — она движется в порочном круге. Наука также никогда не приходит к истине. Самое большее, она может прийти к гипотезе, которая может быть принята сегодня и отвергнута завтра, потому что завтра вы найдете лучшую гипотезу, которая будет действовать более эффективно; поэтому вчерашняя гипотеза должна быть отброшена.

Ньютон был отброшен Альбертом Эйнштейном; рано или поздно Альберт Эйнштейн будет отброшен кем-то другим. Наука никогда не достигает истины, окончательной истины. Все утилитарно: если что-то работает, оно достойно использования. Но вопрос не в истине, вопрос в пользе.

Будда говорит, что истина может быть только экзистенциальной, не интеллектуальной. Интеллект будет ее частью, эмоции также будут ее частью, тело также будет ее частью — но ее центром будет ваше свидетельствующее сознание. Она будет тотальным явлением, не только интеллектуальным, не только эмоциональным.

Есть два вида религий: интеллектуальные религии и эмоциональные религии. Интеллектуальные религии философствуют, эмоциональные религии поклоняются, молятся

— но и те, и другие частичны. А истина это не просто полная сумма ее частей: это большее, чем полная сумма частей.

Поэтому Будда говорит, что необходим экзистенциальный подход — не только интеллектуальный, не только эмоциональный. Ее не откроет ни философ, ни преданный.

В-третьих, говорит Будда: «Мой поиск это и не поиск блаженства...», потому что вы не можете представить, что такое блаженство. Все, что бы вы ни представили, будет так или иначе окрашено вашим представлением о счастье. А ваше представление о счастье не очень блаженно, оно не очень близко к блаженству. Ваше представление о счастье гораздо ближе к несчастью. Ваше представление о счастье это не что иное, как противоположность несчастью — и они всегда вместе, это две стороны одной и той же энергии. Они слиты воедино, как день и ночь; за ночью следует день, за днем следует ночь, и это продолжится и продолжится. Мгновение счастья, мгновение несчастья, снова счастье, снова несчастье... и таким образом вся ваша жизнь тратится впустую.

Когда вы слышите слово «блаженство», какое понятие возникает у вас в уме? — что-то от счастья, что-то от вечного счастья, нечто такое, с чем вы никогда не будете снова несчастны. Но если исчезнет несчастье, не сможет сохраниться и счастье. Если темнота полностью исчезает, не будет и света. Они зависят друг от друга; они кажутся противоречивыми, но в действительности они взаимодополняющие. Поэтому все, что бы вы ни представили о блаженстве, будет неверно с самого начала. Вы будете искать новый вид гедонизма — может быть, духовного, метафизического. Может быть, вы не ищете счастья здесь, но вы ищете счастья на другом берегу.

И именно об этом говорят все религии под именем небес, рая: то, чего им не хватает, они проецируют на рай. Если вы посмотрите на представления разных людей о рае, вы сможете тотчас же узнать одно: чего не хватает в жизни этим людям. Вы ничего не узнаете о рае, но, без сомнения,

вы узнаете, чего не хватает в жизни людям, которым принадлежат эти концепции рая.

Например, мусульманский рай поощряет гомосексуализм. Странно! Но гомосексуализм был очень распространен, когда ислам только зародился. Мусульманские страны до сих пор остаются очень гомосексуальными; это единственный рай. Так что, если здесь есть гомосексуалисты, им следует это запомнить. Когда после смерти вас спросят: «Куда вы хотите попасть?», тут же скажите: «В мусульманский рай». Там вы найдете голубые клубы. Но не идите в индуистский рай — там не будет никаких голубых клубов! Этой идеи в Индии не было; это было грехом.

Если вы пойдете в греческий рай, вы найдете, что гомосексуализм очень восхваляется. Фактически, в греческой культуре мужское тело считалось гораздо более красивым, чем женское; поэтому центром всей греческой скульптуры является мужской образ. Даже в школах Платона и Аристотеля гомосексуализм был скорее правилом, чем исключением. Греческое представление о рае неизбежно связано с греческим умом.

В индуистском раю вы найдете молодых женщин, которые на многие века застряли в возрасте шестнадцати лет, потому что индуистским представлением о красоте является шестнадцатилетняя девушка — которой даже не восемнадцать, не говоря о двадцати одном годе! В индуистском представлении, в шестнадцать лет женщина достигает совершенства; после этого начинается даградация. И, поскольку индуисты, так называемые святые, лишали себя женского общества, женской энергии, их умы стали слишком одержимы женщинами. Конечно, они должны были найти какое-нибудь утешение; их рай это утешение.

В их раю тела женщин из золота, а глаза из бриллиантов. Что это за женщины! Совершенно мертвые! Я не думаю, что индуистские святые позволят крови течь по их жилам — коровье молоко будет гораздо лучше и чище, и к тому же святее! И эти девушки продолжают постоянно танцевать, петь песни, повсюду вокруг этих мудрецов — муд-

рецов, которые отвергли семейную жизнь здесь на земле. Это же настоящий пикник! Их рай содержит то, чего им не хватает в этой жизни.

Проанализируйте рай любой нации, любой страны, любой религии, и вы найдете, чего им действительно не хватает здесь. Индуистский рай очень богат — индуисты бедны. В индуистском раю в реках течет молоко — не вода. В реальном индуистском мире вы не сможете найти в реках даже чистой воды.

Я не пробовал натуральной воды, по меньшей мере, пятнадцать лет — я вынужден зависеть от минеральной воды фабричного производства! Всевозможные нечистоты содержатся в индийских реках, в индийской воде, потому что вся канализационная система сливается в реки, а буйволы, коровы и люди купаются в этих реках. Индийские реки, кажется, самые грязные — и это единственная питьевая вода. Но в раю они прекрасно все устроили; они совершенно отбросили воду. Реки из молока и простокваши!

Еще там есть деревья, исполняющие желания; вы просто садитесь под деревом, совершенно не нужно работать. Индийцы устали работать, страшно устали. Просто сядьте под исполняющим желания деревом, и все, чего бы вы ни пожелали, немедленно исполняется, в мгновение ока — как растворимый кофе. Хотя и кофе требует некоторого времени; когда же вы сидите под таким деревом, возникает желание: «Женщина!» — и женщина тут же появляется. «Еда!» — и вот еда. «Кока-кола!» — и вот Кока-кола. Индийцы веками голодали; исполняющие желания деревья просто говорят о голодающей стране, о бедной стране.

Когда писались эти писания, многих вещей в мире еще не было, поэтому их нет и там; иначе в раю были бы Роллс-Ройсы, специально сделанные целиком из золота для великих мудрецов, махатм, святых. У них есть золотые троны, так почему бы не золотые Роллс-Ройсы? Здесь вы ездите в плохих машинах; и даже их трудно найти. Индия выпускает самые плохие машины в мире!

Я слышал, что когда умер производитель индийских машин марки Амбассадор — я знал его, он был моим другом, и я верю, что эта история правдива — он внезапно оказался в раю. Он был очень озадачен, потому что он на это и не надеялся. Он думал, что если он попадет в приличный район ада, и то будет хорошо. Это было слишком! Он был немного озадачен. Когда открылась дверь, он спросил у привратника:

— Что-то не так? Потому что я думал, что меня бросят в ад, я никогда не делал ничего хорошего. Почему ты впускаешь меня сюда?

Ты сделал Амбассадор, — ответил привратник, — и благодаря Амбассадору люди стали чаще вспоминать Бога, чем когда-либо раньше. Все, кто ездит в Амбассадоре, постоянно вспоминают: «Боже мой!» Ты сделал людей такими религиозными. Даже атеисты, когда они едут в твоей машине, вспоминают Бога — они вынуждены! Поэтому мы сделали для тебя исключение: для тебя в раю забронировано специальное место.

Если бы писания писались сейчас, в них были бы Роллс-Ройсы, сделанные целиком из золота, и все то, чего не хватает здесь.

Будда говорит: Мой поиск это не поиск блаженства... потому что, в то мгновение, когда вы говорите о блаженстве, люди начинают думать об удовольствиях. О блаженстве лучше не говорить, это опасно. Люди просто неправильно понимают.

Тогда зачем нужно это блаженство? Он выбрал слово, никогда не выбираемое раньше — он говорит: Мой поиск это поиск свободы. Это слово безмерно важно: свобода от эго, свобода от ума, свобода от желаний, свобода от всех ограничений. В определенном смысле он очень научен в

своем внутреннем путешествии. Он говорит, что если вы создадите определенное пространство, в котором ваше существо совершенно свободно, тогда все достигнуто: достигнут Бог, достигнута истина, достигнута красота, достигнуто блаженство. Но лишь в свободе все становится возможным.

Отсюда эти сутры:

В конце пути

Мастер находит свободу

От желания и отчаяния —

Свободу без границ.

Не Бог, не истина, не блаженство, но свобода. Свобода это слово Будды, которое содержит все: Бога, истину, красоту. Свобода избегает всех ловушек. Свобода требует храбрости; вы не можете достичь свободы, если вы боитесь. Свобода требует, чтобы вы отбросили все отождествление с умом и телом; в противном случае вы останетесь ограниченными, вы не можете быть свободными.

Свобода означает, что вы выходите из этого постоянно желающего ума. Именно желающий ум создает рай. Если вы отбрасываете желание, как вы можете говорить о рае? Если вы отбрасываете желание, отчаяние автоматически исчезает, потому что отчаяние это тень желания. Чем больше вы желаете, тем большее вы чувствуете разочарование, потому что ни одно желание никогда не исполняется. Желание невыполнимо; такова сама его природа. Дело не в том, что *вы* не способны его исполнить; сама природа желания такова, что оно не может быть исполнено — оно продолжает становиться больше и больше. Сначала вы просите десять тысяч рупий; к тому времени, когда вы получаете десять тысяч, ваше желание переместилось вперед — оно просит сто тысяч рупий.

Это подобно горизонту, который окружает Землю: кажется, что он близко. Начните двигаться, и он будет двигаться вместе с вами. Расстояние между вами и горизонтом останется в точности таким же. Фактически, нет такого места, в котором земля встречалась бы с небом — горизонта нет. Горизонт является миражом: он только кажется, он не реален.

Так же и с исполнением: исполнение это лишь мираж. Оно только кажется реальным, очень близкое, манящее, зачаровывающее, приглашающее. Вы продолжаете двигаться, и вы тратите всю свою жизнь; и к тому моменту, когда вы умираете, вы не приблизились к исполнению ни на йоту. Люди умирают в том же месте, в котором они родились. Люди умирают в том же глупом состоянии, в котором они родились.

Я слышал:

Пресытившись английской сельской жизнью, сэр Генри навестил французский бордель. В ответ на просьбу чего-то необычного мадам предложила:

— Я могу дать вам Хотт Танг, китайскую красотку.

— Нет, — ответил Его Светлость. — У меня уже была одна из них.

— Возможно, — спросила мадам, — вы захотите выбрать из нашей черной африканской коллекции.

— У меня уже была одна из них, — зевнул сэр Генри. — На самом деле, единственное, чего я никогда не пробовал, это маленькая девочка, около восьми лет.

— Это чудовищно! — вскричала мадам. — Сама эта мысль преступна! Я пойду и позову полицейского.

— Нет, не делайте этого, — ответил англичанин. — У меня уже был один из них!

У вас может быть все и в то же время не быть ничего. Вы можете владеть всеми богатствами мира, и все же вы будете бедны. Вы можете владеть всем, что доступно в мире, и все же вы будете более неудовлетворены, чем когда-либо раньше — потому что раньше были надежды, теперь и надежды исчезли.

В конце пути мастер находит свободу. Цель в том, чтобы найти свободу, но человек должен начать становиться мастером, хозяином самого себя, хозяином собственного сознания. Это начало, это первый шаг. Вы не хозяева своего собственного сознания. Вы рабы тысячи и одного желания, мысли, воображения. Вас тянут то в одном, то в другом направлении. Вы не знаете, кто вы и куда вы идете. Вы не знаете, зачем вы вообще существуете. Вы не знаете цели своей жизни, у вас нет никакого чувства направления. Как вы можете быть хозяином самого себя?

Первое, что нужно сделать, чтобы стать мастером себя, это стать более сознательным в своих мыслях и действиях. Бессознательность это рабство, сознательность это мастерство.

Я называю своих саньясинов свами; слово «свами» означает «мастер». Это просто означает «человек, который старается быть центрированным в своем существе, укорененным в своем сознании, который старается не позволять желаниям тянуть себя против своей воли». Но желания очень коварны, и эго играет в такие игры, что, если вы постоянно не начеку, вы останетесь рабом.

Рабинович, прячась от нацистов в берлинском антикварном магазине, решил выйти подышать свежим воздухом. Выйдя на улицу, он столкнулся лицом к лицу с Адольфом Гитлером.

Немецкий вождь вытащил пистолет и направил его на кучу навоза посреди улицы:

— А, еврей! — закричал он. — Ешь это, или я тебя убью!

Дрожа, Рабинович повиновался приказу.

Гитлеру стало так смешно, что он выронил пистолет. Рабинович подхватил его и сказал:

— А теперь ты ешь навоз, иначе я стреляю!

Фюрер встал на четвереньки и начал есть.

Пока он был этим занят, Рабинович ускользнул прочь, оббежал вокруг квартала, перелез через забор и поднялся по лестнице антикварного магазина. Он захлопнул дверь, запер ее и для верности задвинул засов.

— Бесси! Бесси! — закричал он жене. — Угадай, с кем я сегодня завтракал!

Эго очень тонко. Оно может найти возможности там, где их совершенно нет; оно может сделать возможным невозможное. И вы должны быть очень бдительными, потому что ум всегда все обосновывает. Ум может продолжать обосновывать, и он обосновывает так красиво, что даже вы будете увлечены — а вас обманывает ваш собственный ум!

Если человек действительно не посвятил себя тому, чтобы быть свободным, быть свободным невозможно. Очень редко человек становится свободным, очень редко: Иисус, Моисей, Мухаммед — очень немногие и изредка. Но у каждого есть возможность, в каждом есть семя, потенциал. Вы можете стать Иисусом, вы можете стать Буддой, вы можете стать Конфуцием, вы можете стать Сократом.

Все, что нужно, все, что для этого требуется, уже есть. Не хватает лишь одного: вы еще не решились, вы в нерешительности; вы не решились быть мастером своего собственного существа. И тогда глупости продолжают обманывать вас, но вы всегда находите оправдания.

Немногие знают, что у Шерлока Холмса был тайный порок, не отраженный в рассказах. Когда однажды днем доктор Ватсон пришел на Бейкер Стрит 221б, владелица дома сказала ему, что у Холмса посетитель — школьница.

Ватсон сел и стал ждать, но тогда он услышал приглушенные звуки, доносящиеся из кабинета. Опасаясь, что школьница может оказаться замаскированным бандитом, он взломал дверь, но все что он увидел, это великого детектива и школьницу — очень маленькую девочку — в несколько шокирующем виде.

— Боже мой, Холмс! — закричал доктор.
— Что же это за школьница?

Холмс криво усмехнулся:

— Элементарно, дорогой Ватсон! (*игра слов, основанная на значениях англ. elementary; вариант: «Первоклассница, дорогой Ватсон!»*)

Вы всегда можете найти способы себя защитить, обмануть других и обмануть себя — если не принято преднамеренное, сознательное решение. Я называю это решение саньсой.

Саньса это не что иное, как решение, тотальное решение, посвященность, вовлеченность: «Теперь моя энергия будет двигаться в другом направлении — в направлении свободы; я решил быть свободным, свободным от всех желаний и от всего отчаяния. Моя цель — свобода без всяких границ».

И она может быть достигнута. Как только решение принято, и вы вливаете в него всю свою энергию и питаете его, никто не может вам помешать ее достичь. Это ваше право от рождения.

Те, кто пробужден,

Никогда не отдыхают на одном месте.

Подобно лебедям, они взлетают

И покидают озеро.

Будда говорит: Если вы начали просыпаться, вы будете удивлены тем, что всю свою жизнь вы провели на одном месте, вы на самом деле не двигались. Ваше движение было пустым, бессильным. Вы не двигались, потому что вы никуда не добирались. Вы двигались взад и вперед по одному и тому же берегу, думая, что бегая взад и вперед, вы доберетесь до другого берега. Но другой берег так же далек, как и всегда, и вы напрасно тратите дыхание.

Те, кто пробужден... Те, кто посвятил себя свободе, кто принял решение: «Теперь я буду свободным от всего, что есть во мне темного, от всего, что создает во мне будущее, от всего, что есть во мне от прошлого — я буду свободным от всего этого. Я буду чистой свободой, чтобы у меня были крылья и я мог парить высоко, к предельным высотам бытия и существования...» Пока вы не решили это... а для этого решения требуется храбрость. Многие люди приходят сюда, и они месяцами колеблются, совершить ли прыжок — и ни на мгновение не задумываются о том, что они теряют, ни на мгновение не задумываются о том, что время выскальзывает у них из рук... завтра может никогда не наступить. Если что-то должно быть сделано, это нужно делать прямо сейчас.

Люди и их действия такие странные! Он готов немедленно сделать то, что бесполезно, но то, что имеет огромную ценность, он откладывает на потом. Он продолжает говорить: «завтра», и завтра никогда не приходит. Вместо завтра приходит смерть.

И это происходило много раз. Это не первая ваша жизнь на земле; вы жили миллионы раз, и каждый раз откладывание было коренной причиной вашего страдания.

Теперь больше не откладывайте. Используйте эту возможность. Используйте тот контекст, который я здесь создаю. Это поле будды! Если вы готовы совершить прыжок в

него, вы никогда больше не будете прежним. Но прыжок должен быть тотальным. Вы не должны цепляться за берег, вы должны абсолютно покинуть берег. В самом этом покидании берега, в этом отречении от берега случается трансформация — вы начинаете чувствовать себя освобожденным.

Не цепи удерживают вас в рабстве; именно вы держитесь за цепи, именно вы цепляетесь за цепи. Это очень абсурдная ситуация! Тюрьма не удерживает вас; это вы боитесь выйти наружу. И вы продолжаете верить, что нет пути наружу: «Что можно найти снаружи? Те, кто ушел, не возвращались. Кто знает? — там дикие животные и опасности. Здесь я живу в безопасности и комфорте».

Не мыслите терминами комфорта, мыслите терминами свободы. Не мыслите терминами безопасности, мыслите терминами того, чтобы быть более живым. А единственный способ быть более живым это жить опасно, рисковать, продолжать приключение. Величайшее приключение не в том, чтобы отправиться на Луну — величайшее приключение в том, чтобы прийти к глубочайшему ядру своего существа.

Те, кто пробужден, никогда не отдыхают на одном месте. Не будьте застойным, не оставайтесь на одном внутреннем месте. Двигайтесь! Движение есть жизнь. Станьте рекой. Не оставайтесь стоячим водоемом, иначе вы будете вонять.

Именно поэтому воняют тысячи людей. Их жизнь не кажется благословением, блаженством. У их жизни нет ауры красоты, их жизнь не сияет. Они кажутся совершенно темными и мрачными, совершенно подавленными, прячущимися в своих пещерах, не способными выйти к солнцу, к луне, к дождю, к ветру; они недостаточно храбры для того, чтобы раскрыться как цветы, не способны рискнуть и подняться на крыло.

Те, кто пробужден, никогда не отдыхают на одном месте. Это рост. Продолжайте расти. Бог это не что-то, с

чем вы столкнетесь на дороге; Бог это ваш высший рост. Бог нигде не будет найден; вы должны стать Богом. Фактически, вы уже Бог; вы должны лишь открыть свою реальность.

Настоящее человеческое существо это тот, кто продолжает расти. Каждый вечер солнце находит его не в том месте, в котором оно оставило его прошлым вечером. Он — движение, он — революция. Он идет дальше и дальше, он никогда не оглядывается. Он никогда не ходит старыми протоптанными тропами; он находит собственный путь.

Как лебеди, они поднимаются и покидают озеро. Видели ли вы лебедей, которые оставляют озеро? Это напомнило мне о Рамакришне. Его первое самадхи, его первый проблеск Бога, проблеск истины или блаженства случился, когда ему было тринадцать лет. Он возвращался домой с поля — он был сыном крестьянина — он шел домой. Дорога шла мимо озера. Это было как раз перед сезоном дождей, приближался муссон. Небо затягивалось облаками, темные облака, гром, молния, и Рамакришна почти бежал, потому что, казалось, сейчас хлынет ливень. Он проходил мимо деревенского озера; и, так как он бежал, он потревожил лебедей на озере, и они все поднялись в воздух.

Лебеди это одни из самых красивых птиц, самых белых — символ чистоты, невинности. Длинный клин лебедей внезапно поднялся высоко на фоне темных облаков. Рамакришна был перенесен в другой мир. Видение было так прекрасно, в нем было такое послание, что он упал на берегу в полном экстазе. Радость была так велика, что он не мог ее вместить; он почти потерял сознание, насколько это касалось внешнего мира.

Другие крестьяне возвращались домой, и они торопились; собирались тучи, скоро должен был начаться дождь, и они торопились оказаться дома. Они нашли Рамакришну, лежащего на берегу абсолютно без сознания, но с такой радостью на лице, с таким сияющим существом, что они упали на колени. Этот опыт был так великолепен; это было нечто не от этого мира.

Они отнесли Рамакришну домой; они поклонялись ему. Когда он пришел в себя, его спросили: «Что случилось?» И он ответил: «Послание из запредельного: Рамакришна, будь лебедем! Раскрой крылья, все небо твоё. Не оставайся в ловушке озера и его удобства, надежности и безопасности». Я больше не прежний человек. Меня позвали. Бог позвал меня!»

И с этого дня он больше никогда не был прежним человеком: что-то включилось в нем, когда лебеди поднялись в небо.

Будда говорит: *Как лебеди, они поднимаются и покидают озеро* — как будто он предсказывает нечто о Рамакришне. Расстояние безгранично, двадцать пять веков, но предсказание истинно. И не только о Рамакришне, обо всех, кто когда-либо проснется; оно обо всех буддах.

На Востоке лебедь стал символом пробужденного, поэтому пробужденный называется *парамахансой*. Парамаханса означает великий лебедь.

Они поднимаются в воздух

И летят невидимым курсом

Ничего не собирая, ничего не храня.

Их пища — знание.

Они живут пустотой.

Они поняли, как вырваться на свободу.

Это сутра безмерной важности. Пейте ее медленно, позвольте ей просочиться в ваше сердце. *Они поднимаются в воздух...* Мир духовного это тонкий мир; он скорее небо, чем земля. Вы можете его почувствовать, но не можете увидеть. Вы можете дышать им и жить им, но вы не можете держать его в кулаке. Он невидим.

Они поднимаются в воздух и летят невидимым курсом. Курс будды, курс пробужденного невидим; поэтому

никто не может следовать будде. Он не оставляет следов. Он подобен лебедю, летящему в небе; он не оставляет следов. Он не похож на человека, идущего по песку.

Будда говорит снова и снова: «Я подобен лебедю, птице в небе. Я не оставляю следов. Поэтому вы не можете мне подражать, поэтому не нужно беспокоиться о том, чтобы подражать. Понять — вот что подойдет». Слушайте, почувствуйте, впитывайте дух будды — вот и все. Насытитесь его присутствием, будьте в трепете от его существа, но не пытайтесь подражать. Не пытайтесь стать копией под копию, потому что Бог любит только оригиналы; он отвергает копии.

Они поднимаются в воздух и летят невидимым курсом, ничего не собирая, ничего не храня. Человек, который пробужден, ничего не собирает, ничего не хранит. Он остается совершенно пустым изнутри. *Ничего не собирая, ничего не храня* означает, что он постоянно продолжает умирать для прошлого. Вы собираете именно прошлое, вы храните именно прошлое. Вы думаете, что оно очень ценно — это просто мусор! Даже величайшие опыты прошлого это мусор. Они были великими, когда они были настоящим; как только они стали прошлым, они бесполезны. Выбросьте их прочь. Забудьте все о прошлом, чтобы вы могли оставаться ясным, чистым и доступным для нового. Если вы позволяете прошлому слишком громко шуметь в себе, кто будет доступен для нового? А новое постоянно ударяется о вас! Оставайтесь просторным, постоянно создавайте внутри себя новое пространство. И это единственный способ ничего не хранить.

Сохраненное прошлое становится вашим эго; прошлое создает эго. И эго так наполняет вас, что оно не оставляет пространства, в которое мог бы войти Бог, в котором могло бы течь блаженство, в котором в вас могла бы проникнуть красота.

Солнце приходит и стучится к вам в двери, но ваши двери закрыты. Приходит луна и ждет у дверей, но вы не открываете их — потому что вы слишком наполнены собой.

Вы являетесь единственным барьером между вами и Богом. Вы должны исчезнуть.

И помните, что эго всегда найдет новые способы в вас войти. Если вы вытолкаете его из передней двери, оно войдет с черного хода. Оно будет одевать новые маски. Оно может стать знанием, ученостью, аскезой. Оно может притвориться чем угодно. Но помните: прошлое, накапливаемое любым способом, обязательно выливается в эго. А эго всегда сравнивает, эго всегда мыслит в терминах высшего и низшего. И из-за этих сравнений, из-за этих идей о высшем и низшем, вы продолжаете страдать, вы живете в отчаянии.

Никто не выше и никто не ниже, потому что сравнение ложно, само сравнение недействительно. Нельзя сравнивать двух людей, потому что каждый из них уникален, они не похожи друг на друга. Вы можете сравнить две машины Форда, это нормально, но вы не можете сравнивать два индивидуальных человеческих существа. Что говорить о человеческих существах? — потому что вы не можете сравнить два розовых куста, вы не можете сравнить две скалы, вы не можете сравнить два камешка на берегу моря, подому что каждый камешек уникален. Нет другого камня, похожего на него, не только на этой земле, но и на любой другой, на любой другой планете.

Ученые говорят, что существует, по меньшей мере, пятьдесят тысяч таких планет как Земля, на которых существует жизнь, и многие миллионы планет, которые мертвы. И на каждой из планет должны быть многие миллионы камешков, но вы не найдете другого камня, который был бы в точности похож на этот камень. Как вы можете сравнивать такие разные вещи?

Сравнение это путь эго. Избегайте сравнения, иначе вы всегда будете страдать. Вы будете страдать в двух отношениях. Иногда ваше эго будет чувствовать себя выше кого-либо; это сделает вас важным, это приведет вас в ум, это сделает вас напряженным. Вы не будете ходить по земле; вы будете как пьяный, как под воздействием наркотиков. Или иногда это даст вам чувство униженности; и тогда вы

будете подавлены, удручены. Снова большое страдание и боль...

И это будет происходить постоянно, потому что в одном вы можете казаться выше кого-то, в другом вы можете казаться ниже. Кто-то выше вас ростом, кто-то ниже. Кто-то красивее вас, хотя вы и больше знаете. Но кто-то сильнее, у него более мускулистое тело, он более атлетичен — вы выглядите рядом с ним очень бледно. Кто-то так уродлив, что рядом с ним вы чувствуете себя прекрасно, а кто-то так красив, что вы начинаете чувствовать себя уродливым. И вас будет тащить и нянчить в разные стороны; эти две скалы раздавят вас.

Хармелит Хакли вел свой большой голубой кадиллак по Миссисипи. Он притормозил у заправочной станции и стал сигналить.

— Что тебе нужно, парень? — спросил служащий.

— Десять галлонов бензина, — сказал Хакли. — Проверь масло и протри ветровое стекло. И поживей, приятель, а то я тороплюсь.

Тотчас же служащий вытащил из кармана кольт тридцать восьмого калибра, схватил пустой бак и сказал:

— Должно быть, ты один из этих выскочек с Севера. Я покажу тебе, как мы здесь обращаемся с такими как ты!

Он подбросил бак в воздух и разрядил в него свой револьвер. Когда он коснулся земли, в нем было пять пулевых отверстий. Служащий швырнул его Хакли и сказал:

— Посмотри и поразмысли над этим.

Хакли посмотрел на бак, вылез из кадиллака, и взял в руку яблоко, лежавшее рядом с ним на сиденье. Он подбросил яблоко в воздух, извлек из-под одежды нож и, когда яблоко стало падать, проделал над ним несколько пас-

сов. Яблоко приземлилось у ног служащего разбитое, раскрошенное и разрубленное на четыре части.

Служащий сказал:

— Сколько бензина вы хотели, сэр?

Это будет происходить каждый день, это будет происходить в каждое мгновение. Людей миллионы, и каждый из них уникален. Отбросьте всю эту чепуху о сравнении. Но вы не можете ее отбросить, пока вы не отбросите прошлое — прошлое *живет* сравнением, эго *питается* сравнением.

Будда говорит: ...*Ничего не собирая, ничего не храня. Их пища — знание.*

«Знание» неправильно отражает то, что имел в виду Будда. Было бы правильнее перевести это как «познавание», а не как «знание». Возможно, разница между этими двумя словами кажется незначительной, но она огромна, она безгранична. Очень важно понять разницу между знанием и познаванием.

Знание всегда относится к прошлому; это законченное явление, оно достигло предела. Познавание это всегда процесс в настоящем. Познавание живо, знание мертво. Будда это не человек знания, но человек познавания. Ученый это человек знания, пандит это человек знания, но не человек познавания. Познавание подобно реке, потоку.

И очень важно запомнить, насколько это касается Будды, что он не верит в существительные, он верит в глаголы. Он говорит, что существительные нужны только для удобства. Фактически, в реальности существительных нет; есть лишь глаголы. Когда вы говорите: «Это дерево», ваше утверждение приемлемо лингвистически, но неприемлемо экзистенциально, потому что к тому мгновению, когда вы сказали: «Это дерево», это больше не то же прежнее дерево — сухой лист упал, новый лист начал расти, раскрылась почка. Птица, которая пела на дереве, больше не поет. Солнце, которое сияло в его листве, скрылось за облаком.

Это больше не то же самое дерево, оно растет, постоянно растет.

Чтобы быть ближе к истине, дерево нужно называть не деревом, а *деревованием*. Река должна называться *рекованием*, а не рекой. Все растет, движется, все находится в потоке. Глаголы правдивы, существительные ложны. Если однажды вы создадите экзистенциальный язык, в нем не будет существительных, в нем будут только глаголы. Ты не тот человек, который пришел утром слушать беседу. Когда ты уйдешь, ты будешь совершенно другим человеком — столько воды утекло в Ганге, столь многое изменилось. Возможно, ты пришел очень печальным, а уйдешь смеясь. Возможно, ты пришел очень серьезным, а уйдешь очень игривым. Эти перемены имеют огромную важность.

Поэтому я переведу это так: *Их пища* — пища пробужденных — *познавание*. «Знание» это неправильный перевод. Они постоянно в состоянии осознанности, сознания; они постоянно учатся, познают. Они никогда не говорят: «Я познал». Они говорят: «Я доступен, открыт для познания, я более доступен, более открыт для познания». Этому никогда не приходит конец, процесс продолжается.

Жизнь это процесс, не вещь, не товар. Это бесконечная река, без начала, без конца. Она неисчерпаема: *аэс дхаммо санантано*. Это сам закон жизни: все постоянно меняется. Будда сказал: Все меняется, кроме перемен. Гераклит согласился бы с Буддой, Будда согласился бы с Гераклитом; они обняли бы друг друга. Они были современниками, почти современниками.

В мире всегда было так, что, когда в одной части мира происходило какое-либо прозрение, оно отражалось эхом во всем остальном мире, в разных местах, на разных языках, с разными людьми — как будто нечто, происшедшее в одном месте, оказывало невидимое влияние на души других чувствительных людей повсюду вокруг.

Когда Будда жил в Индии, Греция была богата Гераклитом, Сократом, Пифагором. Китай был богат Лао-цзы,

Конфуцием, Чжуан-цзы, Ли-цзы. И у всех этих людей было нечто общее, хотя они и говорили на разных языках.

Гераклит говорит: Вы не можете дважды войти в одну и ту же реку. Будда полностью согласится; фактически, вы не можете войти в одну и ту же реку даже однажды, потому что река постоянно течет. И не только река течет, течете также и вы.

Один человек пришел к Будде и сильно оскорбил его. Будда выслушал его молча. На следующий день он почувствовал раскаяние и пришел, чтобы попросить прощения. Будда сказал:

— Забудь об этом, потому что я больше не тот человек, которого ты оскорбил, и ты больше не тот человек, который оскорбил меня. Кто и у кого будет просить прощения? И что я теперь могу сделать? — этого человека больше нет, это прошло навсегда! Ты больше никогда не увидишь этого человека, поэтому не волнуйся. И ты тоже больше не прежний! Как ты можешь быть прежним?

Ананда, ученик Будды, который сидел рядом с ним, сказал:

— Господин, это уже слишком! Это тот же самый человек — я никогда не смогу его простить! Он так оскорбил тебя, он сказал такие уродливые слова, он так ужасно обругал тебя. Эта обида все еще в моем сердце. Я ничего не мог сказать, потому что ты не позволил бы мне. Мне пришлось молча проглотить это, иначе я показал бы ему!

— Ананда, разве ты не видишь, что это совершенно другой человек? — ответил Будда. — Тот человек вчера пришел с оскорблениями, этот просит прощения. Как он может быть одним и тем же? Думаешь ли ты, что оскорбление

и извинение это одно и то же? Это кто-то другой! Просто посмотри ему в глаза — они полны слез. Помнишь ли ты того человека? У него в глазах был огонь! Он хотел убить меня, а этот человек касается моих ног! И ты говоришь, Ананда, что это один и тот же человек?

Никто никогда не остается прежним. Знать это есть познание, постоянно осознавать это есть познание. Их пища — познание...

Они живут пустотой. И поскольку они продолжают отбрасывать прошлое, они остаются пустыми. В их пустоте есть особенная чистота. Они просторны, как безоблачное небо. *Они живут пустотой...*

Они увидели, как вырваться на свободу. И это путь: *Они увидели, как вырваться на свободу.* Отбросьте знание, станьте познающим осознанием, бдительностью, наблюдением, свидетельствованием — и помните, что все это глаголы. Забудьте прошлое, оставайтесь доступны для настоящего и не прецируйте будущее, и вы будете оставаться пустым. А оставаться пустым — это путь свободного человека.

Свобода это полная пустота, но в этой пустоте из запредельного нисходит нечто, что Будда оставляет без описания, выражения, потому что это невыразимо. Он не называет это истиной, он не называет это Богом, он не называет это блаженством. Он не дает ему никакого имени; он просто молчит об этом. Он говорит: *приди и увидь.*

Кто может следовать за ними?

Лишь мастер,

Мастер в своей чистоте.

Пока ты не станешь мастером — мастером собственного внутреннего существа, собственного сознания — пока ты не станешь пустым, ты не можешь идти с буддами, ты не можешь лететь с лебедями.

Как птица

Он поднимается в беспредельное небо

И летит невидимым курсом.

Он ничего не желает.

Его пища — знание.

Он живет пустотой.

Он вырвался на свободу.

И если ты остаешься рядом с буддой, ты также станешь свободным. Ты также поднимаешься на крыльях ветра. Ты также начнешь полет от одиночества к одиночеству. Ты также начнешь двигаться к высочайшему.

Будда называет высочайшее свободой, нирваной — прекращением эго, прекращением твоей личности. Свобода означает свободу от личности. Тогда все, что осталось, — Бог, истина, блаженство.

На сегодня достаточно.

Глава 6

Эволюции не существует

Первый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Может ли быть конечная цель у процесса физической эволюции? Если да, то какая?

Дигвиджав, в жизни нет цели. Жизнь сама по себе является целью. Она не движется к определенной точке. Она здесь и сейчас, у нее нет будущего. Жизнь всегда в настоящем. Но ум не может жить в настоящем; ум умирает в настоящем. Поэтому мистики всех веков изобретали средства к тому, чтобы привести ум в настоящее. В то мгновение, когда ум приходит в настоящее, он тает как снег на жарком солнце; он исчезает, растворяется.

Исчезновение ума это величайший опыт, возможный для человеческих существ, потому что это исчезновение — возникновение Бога.

Ум живет в будущем; будущее это его территория, его царство. Будущее возможно только благодаря стремлению к цели. Поэтому ум делает цель из всего; у жизни должна быть цель — не только цель, но и конечная цель. Тогда ум очень доволен, тогда он может себя защитить: как осуществить эту цель, как достичь этой конечной цели?

В тот момент, когда ты спрашиваешь «как», ум чувствует себя прекрасно. Он очень умен, хитер и искусен в изобретении способов и средств достижения чего-либо, что бы то ни было — но это должно быть в будущем. Ум живет благодаря созданию целей: политических, социальных, эволюционных, духовных и так далее, и тому подобное; но уму необходима какая-то цель, он питается целью.

В действительности, все есть, и ничего не произойдет. Завтра никогда не наступает. Всегда здесь и сейчас.

Подход мистика полностью отличается от целеполагающего ума. Мистик говорит: «Проживи это мгновение во всей его полноте, люби это мгновение во всей его полноте,

уми в этом ошеломляющем существовании, и ты будешь подходить ближе и ближе к Богу». Под «Богом» я не подразумеваю определенную личность; под «Богом» я просто подразумеваю само ядро существования, центр циклона.

Вселенная является периферией, а Бог — центром. Если ты глубоко нырнешь в сейчас, в здесь, ты обязательно столкнешься с центром. И чудо в том, что этот центр всего является и твоим центром. Осознать его, пережить этот центр, жить из этого центра в полной осознанности значит быть буддой, быть просветленным.

Но помни, стать буддой это не конечная цель. Это не то, что может быть где-то достигнуто. Это доступно прямо сейчас — немедленно, не в конце. Помни эти два слова: конечное и немедленное. Конечное привносит ум; немедленное помогает уму исчезнуть.

Для меня немедленное является конечным. Цели не существует — ни физической, ни психологической, ни духовной. Все так, как должно быть... уже так. Отбрось свои напряжения, тревоги о будущем, которому предстоит случиться. Все уже случилось! Живи этим! Не будь амбициозным. Цели делают тебя амбициозным, они сводят тебя с ума. Чем более человек устремлен к цели, тем безумнее он становится — потому что амбиции это не что иное, как эго. Ты можешь продолжать изобретать новые цели; горизонт всегда будет оставаться за их пределами. И с этими новыми целями твое эго будет совершать новые и новые путешествия.

Мистик и мир мистика это совершенно другое измерение. То, о чем я здесь говорю, не имеет ничего общего с целеполаганием — это путь ума. Я учу пути не-ума.

Дигвиджав, я знаю твой огромный интерес к процессу эволюции. Я прекрасно понимаю, что ты посвятил этому поиску всю жизнь. И ты будешь шокирован, услышав от меня, что ты потратил свою жизнь впустую — потратил впустую, потому что настоящее было принесено в жертву будущему. И, пока ты не отбросишь идею о конечной цели,

ты никогда не сможешь вернуться на землю, вернуться в настоящее, в это мгновение. А без этого нет медитации, а без медитации нет Бога.

Немедленное является конечным — я учу тебя немедленному, я учу тебя жить от мгновения к мгновению, не нося с собой никакого прошлого. Будда говорит, не собирай прошлого, не накапливай прошлого; и я хотел бы добавить: не проецируй будущего. Если прошлое и будущее исчезнут, что останется? Великое молчание, глубокое присутствие чего-то совершенно неизвестного. Тайна ошеломляет тебя. И эта тайна — немедленна. Я не говорю «конечная», потому что это означало бы, что ты можешь отложить ее на завтра. «Немедленное» шокирует тебя, потрясает и возвращает к осознанности прямо сейчас.

Цель возможна, лишь если ты делишь жизнь на цели и средства. Именно так происходило веками. Но жизнь едина, она не может быть разделена. Она цела, неделима; это ограниченное единство. Ничто не средство, ничто не цель. Вся жизнь едина. Ты не можешь структурировать ее на цели и средства.

Но в тот момент, когда ты думаешь об эволюции, цели, тебе приходится делить жизнь, и тогда что-то одно становится средством, а что-то другое — целью. Адольф Гитлер верил в эволюцию, и поэтому ему удалось убедить интеллигенцию Германии, одну из самых изощренных интеллигенций мира. Под именем эволюции он мог проповедовать свою нацистскую философию о том, что целью является сверхчеловек, что человек должен быть принесен в жертву сверхчеловеку. Это привлекательно, это выглядит логичным.

Кто этот сверхчеловек? Кто станет этим сверхчеловеком? Конечно, нордическая раса, немцы. Это чрезвычайно усилило немецкое эго. «Даже если все человечество должно быть уничтожено, игра стоит свеч, потому что на горизонте виднеется великая цель сверхчеловечества. Ради него можно пожертвовать всем». Именно так ему удалось убедить свою страну втянуть весь мир в мировую войну.

На этом же языке говорит и Шри Ауробиндо — на языке эволюции. Целью является не сверхчеловек, а сверхразум. И вы должны пожертвовать настоящим ради этого сверхразума; снова — идея жертвования. Человек был постоянно угнетаем этой идеей жертвования. Жертвуй! Жертвуй! Жертвуй! Будь мучеником! Это единственный способ создать светлое будущее.

Мое усилие здесь прямо противоположно. Избегай Адольфов Гитлеров и Шри Ауробиндо. Не жертвуй! Не пытайся быть мучеником! Нет другой цели, кроме этого мгновения, и существование так совершенно, как это только возможно. Существование так совершенно, как это когда-либо будет возможно. Существование есть совершенство.

Но из-за этой идеи цели мы начинаем сравнивать: тогда человек выше, чем обезьяна, а обезьяна выше, чем собака, и так далее, и тому подобное. Но кто будет решать? Ты когда-нибудь спрашивал обезьян? Насколько я знаю, они до сих пор смеются над Чарльзом Дарвином, потому что они не могут поверить, что этот бедняга выше обезьян. Ты когда-нибудь боролся с обезьяной? Устрой поединок с обезьяной без оружия, и ты узнаешь, кто из вас сильнее. Можешь ли ты прыгать по деревьям, как обезьяны? И тогда ты узнаешь, у кого более атлетическое тело. Обезьяны живут на деревьях, а ты живешь на земле: люди это павшие обезьяны! Но Чарльз Дарвин никогда не спрашивал обезьян.

Человек продолжает решать сам. Очевидно, таким же образом и немцы решили, что они высшая раса. И если индийцы так решат, они будут ариями, настоящими ариями, с самой чистой кровью. Если евреи решат, они будут избранным народом Бога. Но кто будет решать? Если человек решит, он будет выше всех животных. Фактически, никто не выше и никто не ниже. Все эти категории глупы — иерархии нет.

Существование абсолютно коммунистично. Все равны друг другу, участвуя в одной и той же жизни, дыша одним и тем же воздухом, получая тепло от одного и того же солнца, танцуя под одним и тем же небом. Даже деревья

не ниже тебя, даже скалы не ниже тебя. Сам язык высшего и низшего совершенно неправилен. Но слово «эволюция» привносит этот язык; он становится само собой разумеющимся. Тогда ты должен создать иерархию: тогда ты оказываешься выше животных и ниже ангелов. И тогда начинается целое путешествие: как забраться выше, выше и выше? Нет крыши, нет потолка; ты продолжаешь проецировать.

Но если ты спросишь пчел, они едва ли думают, что ты выше их. Должно быть, пчелиная интеллигенция наблюдала тысячу и одну глупость человеческих существ — потому что пчелы это самое организованное явление в существовании. Человек и его общество кажется хаосом в сравнении с обществом пчел. Все так организовано — даже Адольф Гитлер позавидовал бы им. И с такой охотой, так добровольно — пчел никто не заставляет, они не живут в концентрационном лагере. Охотно, с радостью они участвуют в организации, они так глубоко вовлечены в эту организацию, что их индивидуальность совершенно теряется; они живут как органическая часть, они не отдельные. Если вы понаблюдаете за обществом муравьев, оно стабильное, систематическое; в нем поразительный порядок.

Как ты собираешься решать, кто выше? Это хаотическое общество людей? За три тысячи лет люди сражались в пяти тысячах войн — постоянно убивая друг друга, как скот на бойне, во имя политики, во имя религии... и ты считаешь, что этот человек является вершиной эволюции на земле? Есть люди, как, например, Артур Кестлер, которые думают, что с человеческим умом что-то было не в порядке с самого начала, в нем не хватает каких-то винтиков и гаек — человек родился сумасшедшим.

Если ты понаблюдаешь за человеком, это кажется правдой. Вся его жизнь кажется жизнью насилия, борьбы, разрушения. Ни одно другое животное так не разрушительно. Ни одно другое животное не убивает животных своего вида; тигры не убивают других тигров, собаки не убивают других собак. Даже если они дерутся, то лишь для

того, чтобы выяснить, кто из них сильнее. Как только это решено, борьба прекращается — потому что нападать на того, кто слабее тебя не только неправильно, это разрушительно и глупо.

Дерутся две собаки: они скалят зубы, они бросаются друг на друга, но они просто смотрят, кто из них сильнее. Как только они замечают, кто сильнее, одна из собак перестает лаять, поджимает хвост, и все кончено! Она подала знак: «Я слабее, а ты сильнее». И в этом нет ничего плохого, ей не стыдно — что она может сделать, если она слабее, а другая собака сильнее? Может ли она быть ответственной за это? Одно дерево выше, другое ниже. Думаешь ли ты, что кусты роз стыдятся того, что манго и другие деревья поднимаются так высоко? Кусты роз совершенно не беспокоятся: «Ну и что? Вы выше, а мы ниже — вы так устроены, мы так устроены».

Посмотри, как это разумно: кроме человеческих существ, никто не безумен до такой степени, чтобы бороться с кем-то, кто слабее. Как только это решено... Неужели у нас даже меньше сознания, чем у тигров и собак — они видят, это так очевидно, что другой сильнее? Тогда какой вообще смысл бороться? Игра закончена — другой победил. Поэтому не происходит никакого разрушения, никакого убийства. Животные не убивают даже других животных, если они не голодны — кроме человека. Только человек ходит на охоту.

А Дигвиджав — бывший принц: он должен знать, что такое охота, должно быть, в его дворце есть головы животных, трофеи. Чем больше тигров и львов ты убил, тем более ты великий. И для чего? Только для показухи! Когда бы я ни оказывался во дворце короля, я чувствовал к нему жалость. Он кажется совершенно нечувствительным; показывая эти мертвые головы, мертвые тела и шкуры животных, он думает, что он демонстрирует свою силу, энергию. Он просто демонстрирует свою полную глупость, бесчеловечность.

Животные убивают, лишь когда они голодны; это простительно. Ни одно животное не убивает иначе как из голода; ни одно животное не убивает ради забавы. Убийство ради забавы — думаешь ли ты, что охотник более развит, чем остальные существа? Разрушать жизнь просто ради игры — и эта игра так несправедлива, потому что ты сидишь на вершине дерева, и с верхушки дерева, где животное не может тебя достать, ты стреляешь в него. У животного нет оружия, чтобы себя защитить, и ты думаешь, что ты очень храбрый? Ты просто показываешь свою трусость.

Если мы посмотрим на человека, совершенно не кажется, что это самое развитое животное на земле — как раз наоборот. Ни одно животное, кроме человека, не сходит с ума. Да, некоторые животные сходят с ума, но они сходят с ума, только когда их помещают в зоопарки, не в своем диком состоянии. А зоопарк это человеческое явление.

Просто подумай о себе: если бы слоны создали зоопарк и посадили бы тебя туда — долго ли ты пробыл бы в здравом уме? Было бы невозможно долго оставаться в здравом уме; было бы естественно как раз сойти с ума. Животные не становятся гомосексуальными; в зоопарке они становятся гомосексуальными; вынуждены, потому что у них нет самок. В зоопарке они ограничены маленьким пространством; и это маленькое пространство сводит их с ума.

Ты, должно быть, видел, как тигры ходят по клетке взад и вперед, потому что раньше они пробегали многие мили. Им принадлежал весь дикий мир, а теперь только маленькая клетка... окруженная туристами, посетителями и другими дураками, которые на них смотрят. Только представь себе, что ты помещен в зоопарк, созданный слонами, или тиграми, или обезьянами, и всевозможные обезьяны разглядывают тебя день за днем — вся эта ситуация неестественна.

Сейчас ученые говорят, что каждому животному необходима определенная территория, определенное пространство; если у животного его нет, оно обязательно сойдет с ума. Диким животным нужны многие километры про-

странства, чтобы оставаться свободными и здоровыми. Да, в зоопарках они сходят с ума, становятся ненормальными. Они нападают даже на животных своего вида; они становятся разрушительными. Известно, что иногда они даже совершают самоубийства, чего они никогда не делают в своем естественном состоянии. Только человек совершает самоубийство, сходит с ума, становится сексуально извращенным — и в то же время человек продолжает считать себя высочайшей вершиной!

Что касается меня, я не верю в иерархию. Обезьяна это обезьяна, человек это человек. Никто не выше и никто не ниже. Скалы это скалы, а деревья это деревья. Мы все участвуем в одном Боге. Да, происходят великие перемены, но это не эволюция; эволюция означает, что мы движемся выше. Несомненно, перемены происходят; жизнь постоянно движется, это река. Но перемены не означают эволюцию, помни. Ты можешь меняться, не эволюционируя — и именно это происходит.

И эти перемены, постоянные перемены дают тебе основание для того, чтобы навязывать им свою теорию эволюции. Вещи меняются, жизнь всегда течет; ничто не постоянно, все текуче. Человек никогда раньше не был таким, и человек никогда больше не будет таким снова. Все находится в процессе, но этот процесс не устремлен к цели; это не движение к определенной цели. Это очень игривый процесс.

Дети играют, но ты не можешь сказать, что они чего-то достигают. Они ничего не достигают. Именно в этом заключается концепция *лилы* на Востоке. Ли́ла означает игра — мир это игра Бога, и в этой игре нет вопроса эволюции.

Идея эволюции, на самом деле, исходит от Запада, Восток никогда не верил в эволюцию. Восток верит в игривость. В игривости нет вообще никакой эволюции. Ничто не средство, и ничто не воспринимается как цель. Это танец энергий, а не движение в определенном направлении, не средство чего-либо достичь; радость заключается в самой

игре, ее ценность внутренняя, не внешняя. Когда ты начинаешь думать об эволюции, это внешняя ценность; ценность зависит от того, чего ты собираешься достичь, чем ты собираешься стать.

Если человек становится великим ученым, Нобелевским Лауреатом, он эволюционировал, но человек, который остается дровосеком — он не эволюционирует. Почему? Что такого значительного в том, чтобы заниматься математикой? Что такого уничижительного в том, чтобы рубить дрова? Один человек любит рубить дрова, другой любит играть с фигурами, арифметикой, геометрией или чем-то еще — это вкусы, разные вкусы. Один человек любит плавать, другой любит философствовать... нет ничего высшего и низшего.

Но мы создали общество на иерархической основе. Брамин на вершине — брамин значит профессор, академик, Нобелевский Лауреат, известный врач, известный инженер, ученый. Вот значение брамина — он высший. Почему? Почему не дровосек? Если дровосек наслаждается рубкой дров больше, чем профессор своим преподаванием? Возможно, профессор делает это через силу, повторяя одно и то же из года в год.

Я знал одного профессора, который повторял одни и те же лекции тридцать лет. Я услышал об этом, и другие студенты сказали мне, что точно те же лекции, слово в слово... И однажды, когда профессор спал, я пришел к нему домой. Я просмотрел его книги, нашел книгу, из которой он брал свои лекции, и украл ее.

Вы не сможете поверить, что случилось с профессором! Он не появился на следующий день; я спросил о нем; он сказал:

— Я уничтожен, моя жизнь кончена — кто-то украл мою книгу, а я не могу без нее говорить. Я использовал эти записи тридцать лет! Теперь я не могу сделать новых записей.

Я видел этого беднягу; он действовал как граммофонная пластинка. В нем не было необходимости. Я отдал ему книгу и сказал:

— Зачем беспокоиться и вообще приходить в университет? Вы можете просто присылать эту книгу, один из нас может ее зачитывать, а остальные — конспектировать. Зачем вы в таком преклонном возрасте беспокоитесь приходить в университет снова и снова? Эта книга сгодится! Вы можете умереть с миром. Этой книги достаточно. Вам вообще необязательно жить — нет необходимости.

Этот профессор был брамином; он выше всех, потому что голова считается высшей. Она действительно наверху, и, может быть, поэтому возникла идея о том, что голова и люди, живущие головой, выше других. Начальника называют «главой», слуг называют «руками»! Почему? Лишь потому, что физически голова наверху?..

Мы создали в обществе иерархию. Внизу находятся те бедные люди, которые рубят дрова и чистят дороги. Почему они внизу? — потому что они делают самые существенные вещи. Профессоров можно отбросить; общество может существовать без них; но общество не может существовать без дворников, уборщиц, дровосеков — общество не может существовать без них. Они гораздо более существенны, более фундаментальны, но они в самом низу.

Сама идея неправильна. Иерархии нет. Профессор делает свою работу, дровосек делает свою работу, и оба они нужны. Иерархии нет ни между животными и людьми, ни между людьми и людьми. Я против самой идеи иерархии.

Вот мое видение новой коммуны.

В новой коммуне никто не будет выше и никто не будет ниже. В этом ашраме никто не выше и никто не ниже.

Есть уборщики туалетов и профессора, терапевты, и все они равны — все они делают какую-то полезную работу, существенную работу. Вице-канцлер здесь, в этой коммуне, равен дровосеку. Великий терапевт имеет не больше престижа и власти, чем уборщик туалетов. Поэтому нет проблем. Доктор наук может выбрать уборку туалетов — и один доктор делает это; другой доктор просто подметает улицы ашрама.

Если нет иерархии, нет проблем; иначе доктор подумает: «Как я могу делать эту работу, эту ручную работу? Я не руки, я голова». В этой коммуне нет голов, нет рук — люди, целые люди, уважаемые, любимые за все, что бы они ни делали, или за все, что они могут делать, или за все, что им нравится делать.

Все существование это коммуна. Бог является ее центром, а мы все — периферией.

Эволюции не существует, Дигвиджав, конечной цели не существует. Это игра. Наслаждайся ей, празднуй ее! Если эта идея о конечной цели и эволюции покинет твой ум, я знаю твой потенциал; ты можешь стать одним из великих саньясинов. Ты можешь быть новым человеком. Но из-за этой идеи ты сходишь с ума; ей посвящена вся твоя жизнь. И, если она в своей основе неверна, однажды ты расквешься. Забудь о ней! Начни больше и больше медитировать над своим внутренним существом. Не беспокойся о том, что произойдет; скорее, будь вовлечен в то, что уже происходит. Бог это присутствие, Бог это бытие, не становление — и таково все существование.

В тот день, когда мы отбросим идею о эволюции и конечной цели, мир будет освобожден от оков будущего. Именно будущее удерживает нас в оковах, и прошлое — оба они в сговоре против человека.

Отбросив будущее и прошлое, ты достигаешь свободы — свободы, говорит Будда, у которой нет границ.

Второй вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Откуда Ты знаешь столько шуток?

Вирамо, во-первых, ни в одной из моих прошлых жизней я не был англичанином. Во-вторых, во многих из своих прошлых жизней я был евреем.

Однажды сэр Реджинальд ехал в такси по Нью-Йорку, и шофер предложил ему разгадать загадку:

— Человек, о котором я думаю, имеет тех же родителей, что и я, но это не мой брат и не моя сестра. Кто это?

Британец задумался на мгновение и сдался.

— Это я! — ответил водитель.

— Ей-богу, это чертовски хорошо. Я должен это испытать на ребятах в моем клубе!

Месяц спустя он сидит в Лондоне в окружении своих приятелей и курит сигару.

— Джентльмены, — говорит он. — Индивид, которого я имую в виду, не является ни моим братом, ни моей сестрой, в то время как у него те же самые родители, что и у меня — кто это?

После недолгого раздумья все члены клуба признали поражение.

— Кто это? — спросил один из них. — Ну давай, Рэджи, отвечай!

Реджи в восторге ударил себя по ляжкам и закричал:

— Это водитель такси в Нью-Йорке!

И вторая история:

Мортон и Фогель беседовали за ланчем.

— Реагируют ли евреи по-другому, если им рассказать шутку?

— Что за вопрос! — ответил Фогель. — Если ты расскажешь шутку англичанину, он будет смеяться три раза: один раз когда ты ее расскажешь, другой раз когда ты ее объяснишь, и в третий раз когда до него дойдет. Если ту же самую шутку рассказать немцу, он засмеется дважды — оба раза из вежливости — третьего раза не будет, потому что до него никогда не дойдет. Расскажи ту же самую шутку американцу: он засмеется один раз, тут же, потому что до него дойдет сразу. Но, — продолжал Фогель, — если ты расскажешь ту же самую шутку еврею...

— Да? — спросил Мортон.

— Если ты расскажешь ту же самую шутку еврею, он вообще не будет смеяться. Вместо этого он скажет: «Это старая шутка — и кроме того, ты все рассказал неправильно!»

Третий вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Я слышала, что Ты говоришь, что быть саньясином значит быть готовым жить очень одинокой жизнью. Но с тех пор, как я саньясин, я больше не могу быть одинокой, потому что Ты всегда рядом. Поняла ли я неправильно?

Дэва Майа, ты меня вообще не поняла. Вопрос не в том, чтобы понимать правильно или неправильно — ты меня вообще не поняла.

Я не говорил, что саньясин должен быть готов жить одинокой жизнью. Вот что я сказал: саньясин знает, как жить одному. Быть одиноким это совершенно другое, нежели чем быть одному. Не только другое, но и противоположное. Они далеки друг от друга, как небо и земля; расстояние между ними безгранично.

Быть одиноким означает негативное состояние: ты стремишься к другому, ты жаждешь компании, тебе не хватает толпы. Ты не можешь вытерпеть саму себя; ты чувствуешь, что это нестерпимо. Тебе скучно с собой — вот что означает одиночество — совершенно скучно.

Быть одному это совершенно другое: это полный экстаз. Быть одному означает позитивное состояние. Тебе не недостает другого, ты наслаждаешься собой. Тебе с собой не скучно, тебе интересно. Великий вызов приходит из твоего глубочайшего ядра. Ты начинаешь путешествие внутреннего. Когда есть другие люди, ты занимаешься ими, твое сознание остается сфокусированным на них. Когда ты одна, твое сознание движется вовнутрь. Когда ты с другими, тебе приходится быть экстравертом — твое сознание поворачивается к самому себе, изливается само на себя. Когда ты с другими, твой свет показывает их лица; когда ты одна, твой свет показывает твое настоящее лицо.

Майа, ты не поняла меня. Я не говорил тебе, что быть саньясином значит «быть готовым вести одинокую жизнь». Откуда ты взяла эту идею об очень одинокой жизни? Конечно, человек должен быть способен жить один, но то, что ты живешь один, не означает, что ты не можешь общаться; наоборот, человек, который живет один, так переполняется радостью, он становится таким наполненным, что ему приходится общаться. Он становится дождевым облаком — он должен излиться. Он становится цветком, до такой степени

наполненным ароматом, что он должен раскрыть лепестки, чтобы отдать свой аромат ветрам.

Человек, который знает, как быть одному, так наполняется песней, что он должен спеть ее. Где ты можешь спеть песню? Ты можешь спеть песню только в любви, в общении, делясь с людьми. Но ты можешь чем-то делиться, если, прежде всего, у тебя это есть.

Проблема в том, что в существах людей нет радости, а они стараются ей делиться. Если два несчастных человека пытаются делиться друг с другом радостью, что произойдет? Страдание удвоится, умножится во много раз.

Именно это люди делают друг с другом: жены с мужьями и мужья с женами, родители с детьми и дети с родителями, друзья с друзьями. Фактически, враги не так враждебны друг к другу, как в конце концов оказываются друзья: муча друг друга, перекладывая друг на друга свое страдание, выбрасывая друг на друга свою грязь. Они зловонны — что они могут сделать? Когда они подходят к тебе близко, ты должна страдать от их зловония. И ты должна страдать, если ты хочешь, чтобы они страдали от *твоего* зловония. Это торговая сделка.

Ты не можешь жить одна, они не могут жить одни — вы должны быть вместе. Даже если это воняет, по крайней мере, есть утешение: «Я не один».

Человек, который знает, как быть одному, знает, как медитировать. Одиночество означает медитацию — просто наслаждение собственным существом, празднование собственного существа.

Уолт Уитмен говорит: Я праздную себя, я пою себя. Это одиночество. Этот человек, Уолт Уитмен, на самом деле мистик, не только поэт. Он должен считаться одним из древних *риши* Упанишад. Америка не дала рождения многим мистикам; Уитмен на самом деле это один из самых драгоценных даров Америки миру. Он говорит: Я праздную себя, я пою себя. Именно это всегда должен был делать мистик, именно такова функция мистика: праздновать себя.

Но как ты будешь праздновать? Ты должна будешь пригласить других. Ты должна будешь попросить других прийти и участвовать.

Медитация дает тебе прозрение о твоём внутреннем сокровище, и в любви ты им делишься. Вот что я имею в виду, когда говорю, что саньясин должен быть готов быть один — чтобы однажды он мог быть готов любить. Только тот человек, который знает красоты одиночества, может любить. Но лишь небольшая разница, и ты упустишь суть.

Разница между тем, чтобы быть одному и быть в одиночестве, невелика; насколько это касается языка, вообще нет разницы, это синонимы. В словарях ты найдешь, что быть одиноким значит быть одному, а быть одному значит быть одиноким — но только в словарях, не в самой жизни. В самой жизни все совершенно по-другому.

Не живи языком, не становись слишком одержимой языком, потому что язык это только полезное приспособление. Он может увести тебя в сторону — и он уводит. Он не может помочь; он был изобретен людьми, которые ничего не знают. Я говорю: «быть одному», а твой ум слышит: «быть в одиночестве». Как только ты переводишь «быть одному» как «быть в одиночестве», ты на расстоянии тысяч миль — не только миль, но и световых лет — от меня.

Поттер увидел надпись: «Китайская прачечная Ганса Шмидта». Ему стало любопытно, и он вошел вовнутрь; его встретил китайец, который назвался Гансом Шмидтом.

— Почему у вас такое имя? — спросил Поттер.

— Когда я приехал в Америку, в иммиграционном отделе я стоял в очереди за немцем, — отчетил тот. — Когда у немца спросили, как его зовут, он ответил: «Ганс Шмидт». Когда чиновник спросил меня, я сказал: «Так-Же».

Это очень просто понять.

П.Ф.С. Перкинс отказался идти воевать в Корею. Ему сказали, что, если он не возьмет в руки оружие, его расстреляют.

— Так вы сознательно отказываетесь? — спросил его старший сержант.

— Я ни от чего не отказываюсь, — ответил Перкинс, — но у меня была и гоноррея, и диарея, и если эта «Корея» это что-то в этом роде — расстреливайте!

Майя, я что-то сказал, но ты услышала нечто совершенно другое.

Лондонский парень видит хорошо выглядящую девушку, сидящую за столиком в одиночестве.

— Не хотите ли сигарету? — спрашивает он.

— Извините, я не курю, — отвечает она.

Он ждет несколько мгновений и спрашивает снова:

— Не хотите ли выпить?

— Извините, я не пью.

Он ждет еще десять минут и спрашивает:

— Не хотите ли поужинать со мной?

— Извините, — отвечает она. — Я не ужинаю.

— Господи боже мой! Если вы не пьете, не курите и не ужинаете, что же говорить о сексе? (игра слов *sex* и *six*; вариант: «Что вы делаете около шести?»)

— Около шести я выпиваю чашку чая с пирожным.

Измени это слово «одиночество»; немедленно выбрось его из ума. Узнай, что значит быть одному — и это одиночество красиво, это самое красивое явление. Тогда мое присутствие не побеспокоит твое одиночество, мое присутствие обогатит его. Мое присутствие, воспоминание обо мне, ощущение, что я повсюду вокруг тебя, что я окружаю тебя, усилит его, сделает его богаче, сделает его более кристально-ясным. И не только мое присутствие, но и присутствие моих саньясинов также абсолютно не будет беспокоить твое одиночество.

Фактически, одиночество вообще нельзя побеспокоить. Это такое кристаллизованное состояние сознания, что ничто не может отвлечь тебя от него, но все лишь помогает ему стать сильнее. Наблюдала ли ты это парадоксальное явление? Например, прямо сейчас ты сидишь здесь в молчании... щебет птиц — беспокоит ли он молчание, или обогащает его? Ворона — беспокоит ли она твое молчание, или помогает придать ему контраст? Если ты действительно в молчании, даже в мире ты удивишься тому, что твое молчание углубляется. Если мир беспокоит твое молчание, это просто означает, что, прежде всего, это было не молчание. Оно было лишь навязанным, привитым, практикуемым, пластмассовым — оно не было истинным.

Если молчание истинно, ничто не может его побеспокоить. Любое беспокойство только усиливает его. Представь, что поздно ночью ты идешь по улице, и мимо проезжает машина с включенными фарами. На мгновение тебя ослепляет свет, и вот машина проехала. Думаешь ли ты, что темнота стала меньше, чем раньше? Она глубже, чем раньше, она концентрированнее, чем раньше. Машина и ее фары совершенно не побеспокоили ее; скорее, они очень ей помогли.

И так же с одиночеством: твое одиночество не будет побеспокоено коммуной, и, конечно, не будет побеспокоено мной — потому что я это не шум. Я это мелодия, музыка — музыка, которая не может быть услышана ушами, которая может быть услышана только сердцем.

Хорошо, что ты начинаешь чувствовать меня. Хорошо, что ты говоришь: «С тех пор, как я саньясин, я чувствую, что я не могу быть в одиночестве нигде, потому что Ты повсюду вокруг».

Да, ты больше не можешь быть в одиночестве, но ты более будешь одна теперь, когда я всегда с тобой. И это одиночество — драгоценное сокровище, двери в царство Бога. Но забудь старое одиночество — оно уродливо, оно патологично.

Человек, который ищет дружбы, любви, компании из страха одиночества, ничего не найдет. Фактически, с кем бы он ни был связан, он почувствует себя обманутым и заставит другого чувствовать себя обманутым. Он почувствует усталость и скуку и заставит другого почувствовать усталость и скуку. Он почувствует себя изнуренным и заставит другого почувствовать себя изнуренным, потому что оба они отнимают друг у друга энергию. И, в первую очередь, у них есть очень немного. Их потоки очень бедны; бедны, как высыхающие реки летом в пустыне. Нельзя набрать из них воды. Но если ты ищешь дружбы, любви и компании из любви к одиночеству, ты — вышедшая из берегов река, река в сезон дождей. Ты можешь делиться, сколько хочешь. И, чем больше ты делишься, тем больше ты получаешь.

Это внутренняя экономика: чем больше ты отдаешь, тем больше ты получаешь от Бога. Как только ты познаешь это искусство, ты становишься мотом, ты больше не скряга.

Духовный человек не может быть скрягой, скряга не может быть духовным человеком.

Четвертый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Модешь ли Ты сказать что-нибудь о новом премьер-министре индийского правительства, Чоудхри Чаране Сингхе?

Нарендра, мне нечего сказать об этой чепухе, но поскольку ты спросил, просто из вежливости к тебе и твоему вопросу, я расскажу тебе три истории.

Первая:

Человек поймал такси до дворца премьер-министра и попросил водителя обождать его.

Водитель отказался, ссылаясь на то, что у него нет времени.

— Но вам придется обождать, — сказал пассажир. — Я премьер-министр.

— В таком случае, — ответил водитель, — я обожду — вы не задержитесь там долго!

Вторая...

Рабочая повестка дня индийского кабинета министров:

Понедельник: Встреча лидеров.

Вторник: Формирование нового кабинета.

Среда: Первое собрание нового кабинета.

Четверг: Первое заявление нового кабинета.

Пятница: Отмена заявления.

Суббота: Роспуск кабинета.

Воскресенье: Выходной.

Понедельник: См. выше.

...И третья:

Историческим фактом является то, что Диоген ходил по миру с лампой в руке, пытаясь найти честного человека.

Когда он пришел в Нью-Дели, у него украли лампу.

Пятый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Секс и смерть более всего привлекательны для меня. Что Ты можешь сказать об этих полюсах, чтобы помочь мне выйти за пределы?

Сагуна, секс и смерть это на самом деле одна энергия. Секс это одна сторона монеты, смерть — другая. Поэтому, каждый, кто заинтересован в сексе, заинтересован и в смерти — хотя он и хотел бы ее избежать. Каждый, кто заинтересован в смерти, заинтересован и в сексе — хотя он и хотел бы его избежать. Почему? — потому что распространена концепция, что секс и смерть противоположны друг другу. Они не противоположны. Но из-за этой концепции в мире существуют два вида стран: ориентированные на секс и ориентированные на смерть.

Например, Индия многие столетия оставалась культурой, ориентированной на смерть. Из-за этой ориентации на смерть она подавляет секс. Думая, что секс противоположен, она подавляет секс, она избегает секса; она притворяется, что секса не существует. Ты можешь говорить о смерти без всяких проблем, но не можешь говорить о сексе.

Только позавчера один саньясин спросил: «Я был почти схвачен полицией и заключен в тюрьму за то, что я попрощался со своей подругой и поцеловал ее напротив полицейского

участка». Было очень трудно избавиться от полиции. Их задержали; им пришлось ждать два часа. Кое-как они их убедили, принесли извинения.

Саньясин спрашивает: «Я озадачен. Что плохого я сделал? Я попрощался со своей подругой, потому что она уезжала; возможно, мы еще встретимся, возможно, нет, потому что — кто знает, что будет завтра? Ее не будет шесть месяцев, и кто знает, что случится за эти шесть месяцев? Что было плохого в том, что я поцеловал ее, а она поцеловала меня, просто прощаясь? Это запрещено? Люди мочатся на улице, и им этого никто не запрещает!»

Этот саньясин не знает, что с тех пор как в этой стране премьер-министром стал Морарджи Десаи, это стало священным обрядом. Вы можете мочиться где хотите — это нечто священное. Фактически, это священная обязанность. Делайте это в меру своих сил — потому что вы не мочитесь: это вода жизни. Вы питаете землю; вы служите обществу.

Я слышал:

Когда Морарджи Десаи приехал в Америку, он был очень озадачен, потому что на вечеринках, на встречах дамы всегда перемещались в противоположный конец комнаты. В конце концов, ему пришлось спросить; ему стало любопытно, почему к нему не подходят дамы. Ему сообщили: «Извините, но дамы боятся, что вы в любой момент можете захотеть пить, и если вы сделаете это публично, это будет не ловко. Поэтому они стараются держаться в другом конце комнаты. Если случится что-нибудь в этом роде, они могут убежать; по меньшей мере, они могут отвернуться от вас».

В Индии поцелуй это грех, преступление. Да еще публичный, напротив полицейского участка! Индия это культура, ориентированная на смерть. Ты можешь говорить о смерти; мертвые тела бродяг могут лежать на обочине дороги, и никто не обращает на них внимания. Люди проходят мимо. Это приемлемо; смерть приемлема. Фактически, не только приемлема, но и преувеличена — чтобы создать в людях страх, чтобы они стали религиозными.

Если смерть преувеличена, она действительно пугает тебя. И из страха ты начинаешь ходить в храм, в мечеть, к священнику, потому что приближается смерть — рано или поздно ты умрешь. Нужно принять некоторые меры, приготовления к этому долгому путешествию. Кто знает, что понадобится? Священники притворяются, что они знают.

И так называемые святые Индии будут говорить о смерти. Они будут поднимать тему смерти снова и снова. Весь их бизнес зависит от смерти; если люди забудут о смерти, они начнут забывать о Боге, они начнут забывать о храмах, они начнут забывать о святых. Поэтому святые не оставят вас в покое; снова и снова они будут возвращать ваш ум к теме смерти, чтобы они могли продолжать заставлять вас содрагаться. Ваш страх это их коммерческая тайна: если вы боитесь, вы останетесь их рабами. Если вы перестанете бояться, вы ускользнете из их хватки; тогда вас нельзя эксплуатировать. Смерть не плоха для них; она хороша. Она помогает их бизнесу.

Но секс... для них это опасность. Индия это не страна, ориентированная на секс. Поцелуй, объятия, любовь, само явление любви, делает тебя более привязанным к земле, позволяет тебе меньше бояться смерти. Любовники это люди, которые меньше всего боятся смерти. Когда ты влюблен, ты не заботаешься о смерти. Если она придет, она придет. Ну и что? Если ты влюблен, ты можешь умереть с улыбкой. Ты можешь попрощаться с поцелуем на губах. Ты любил, ты жил; не о чем рассказывать. Твоя жизнь не была пустой тратой. Ты цвел! Ты танцевал под солнцем, ветром,

дождем — можно ли ждать большего? Дар жизни был безмерен: этим даром была любовь. Ты благодарен! Почему ты должен идти к священнику? Ты можешь пойти к поэту, ты можешь пойти к художнику, ты можешь пойти к музыканту, но ты не пойдешь к священнику.

Ты будешь удивлен: в моей коммуне ты найдешь музыкантов, ты найдешь поэтов, ты найдешь танцоров, ты найдешь певцов, но ты не найдешь никаких священников. Священники кажутся центром всей религиозной деятельности, но здесь их нет, совершенно нет — потому что мой подход в том, что сначала ты должен узнать, что такое любовь, ты должен глубоко идти в любовь. Нырни в любовь так глубоко, как это только возможно!

Если ты можешь действительно глубоко нырнуть в любовь, ты будешь удивлен — ты столкнешься со смертью. Это мой собственный опыт — я не пропагандирую это как теорию, я просто констатирую мое собственное состояние, мой собственный опыт. Я только констатирую факт: если ты глубоко любишь, ты обязательно столкнешься с явлением смерти. И, когда ты приходишь к смерти через любовь, даже смерть красива, потому что любовь делает красивым все. Когда ты приходишь к смерти через любовь, любовь прославляет смерть, любовь украшает смерть; даже смерть становится благословением. Те, кто познал любовь, знают смерть как высочайший оргазм.

Есть культуры, ориентированные на секс, например, Америка. Там табу является смерть; вы не должны говорить о смерти. Если вы начнете говорить о смерти, люди будут избегать вас. Вас больше не будут приглашать на вечеринки. Вам не следует говорить о смерти; смерть не должна упоминаться. Смерть это все еще одна из неупоминаемых вещей. Именно поэтому, если кто-то умирает, мы используем эвфемизмы, слова, скрывающие факт смерти. Мы говорим: «Он отошел». Мы не говорим: «Он умер». Мы говорим: «Он стал возлюбленным Бога». Мы не знаем о Боге, мы не знаем, что значит стать возлюбленным Бога, потому что мы никогда не были ничьими возлюбленными. Даже если Бог

захочет тебя обнять, его схватит полиция. Если он поцелует тебя, даже ты будешь слегка обеспокоен — «Бог? И целует меня? Действительно ли это Бог, или какой-нибудь шарлатан? Может ли Бог целовать?» Поцелуй никогда не был духовным действием. Даже в общественных местах это запрещено, а он делает это на уровне вселенной — не только публично, но и на уровне вселенной, в самом центре космоса! Но это наши способы избежать смерти; ее нужно каким-то образом избегать. Само слово является табу.

Благодаря Зигмунду Фрейду было снято табу со слова «секс» — вся заслуга принадлежит этому человеку. Он один из величайших благодетелей человечества. Хотя он сам и не был просветленным, он оказал огромную услугу, совершил новаторскую работу: он снял великое табу. Сейчас вы можете говорить о сексе без стеснения, без чувства вины.

Нужен еще один Фрейд — Фрейд, который снимет табу со смерти. Запад ориентирован на секс, Восток ориентирован на смерть; поэтому восточные люди подавляют секс, а западные люди подавляют смерть. Ни то ни другое не правильно, потому что секс и смерть это две стороны одной монеты. Если ты подавляешь одно, ты не можешь тотально переживать другое, потому что переживать тотально одно значит переживать и другое; и то и другое должно быть пережито. Жизнь это возможность переживания секса и смерти. Если ты переживаешь их, и если ты можешь прийти к подлинному переживанию того, что это одно и то же, ты трансцендировал. Знание, что они — одно, есть трансценденция.

Сагуна, ты спрашиваешь меня: «Что ты можешь сказать об этих полюсах, чтобы помочь мне выйти за пределы?»

Испытай и то, и другое. Но прямо сейчас смерти здесь нет; прямо сейчас ты должен переживать любовь, секс — все тонкости любви, оттенки любви, сложности любви, нюансы любви. Прямо сейчас, Сагуна, иди глубоко в любовь. И когда к тебе придет смерть, ты сможешь глубоко идти и в смерть.

Фактически, когда ты занимаешься любовью, на высшем пике оргазма случается небольшая смерть, потому что ум исчезает, это исчезает, время исчезает, как если бы вдруг остановились часы. Ты перенесен в другой мир. Ты больше не тело, ты больше не ум, ты больше не эго... ты чистое существование. В этом красота оргазма. Узнать оргазм значит получить некоторое переживание смерти, небольшую смерть.

Сначала иди в любовь, чтобы получить некоторый вкус смерти. Затем однажды придет смерть — и тогда иди в нее танцуя, потому что ты знаешь, что это будет величайший оргазм, который ты когда-либо знал, что это будет глубочайшее, что есть в любви. И именно так человек трансцендирует — зная, что они одно. Само это знание есть трансценденция.

Последний вопрос:

Возлюбленный Мастер,

*Я хочу стать саньясином, но постепенно.
Возможно ли это с Тобой? Или необходим
внезапный прыжок?*

Гириш Чандра, ты напомнил мне одну историю:

Во время Первой мировой Войны капитан Бэнсби сбил самолет немецкого карточного барона фон Рибштейна над английской территорией. На следующий день Бэйнсби навестил барона в больнице.

— Старина, — сказал англичанин, — не могу ли я для вас что-нибудь сделать?

— Да, — ответил фон Рибштейн. — Мне ампутировали правую руку. Не могли бы вы сбросить ее над Германией?

Бэйнсби выполнил просьбу и через неделю снова вернулся, чтобы его навестить.

— Мой друг, — сказал барон, — мне ампутируют правую ногу. Не могли бы вы сбросить ее над Отчизной?

Бэйнсби выполнил просьбу и вернулся снова.

— Капитан, — сказал Рибштейн, — мне ампутируют левую ногу. Снова я бы хотел, чтобы вы бросили ее за немецкой линией фронта.

— Конечно, старик, — ответил Бэйнсби. — Но послушайте — это похоже на попытку побега!

На сегодня достаточно.

Глава 7
Он — возница

Он — возница.

Он укротил своих лошадей,

Гордость и чувства.

Даже боги восхищаются им.

Мякий как земля,

Радостный и ясный как озеро,

Спокойный как камень у дверей,

Он свободен от жизни и смерти.

Его мысли молчат.

Его слова молчат.

Его работа — молчание.

Он видит свою свободу, и он свободен.

Мастер отказывается от своих верований.

Он видит дальше, чем конец и начало.

Он обрубает все пути.

Он отказывается от всех желаний.

Он противостоит любому искушению.

И он поднимается.

И, где бы он ни жил,

В городе или в деревне,

В долине или на холме —

Там великая радость.

Даже в пустом лесу

Он находит радость,

Потому что он ничего не хочет.

Человек это зерно с огромным потенциалом: человек это семя будды. Каждый человек рождается, чтобы быть буддой. Человек рождается не для того, чтобы быть рабом, но чтобы быть мастером. Но лишь очень немногие претворяют в жизнь свой потенциал. И причина того, что миллионы не могут реализовать свой потенциал, в том, что они принимают как данность, что у них уже все есть.

Жизнь это возможность расти, быть, цвести. Сама по себе жизнь пуста; не будучи творческими, вы не сможете наполнить ее осуществлением. В вашем сердце есть песня, которая должна быть спета, танец, который должен быть исполнен, но этот танец невидим, как и песня — ее еще не слышали даже вы. Она скрыта в глубине сокровенного ядра вашего существа; она должна быть вынесена на поверхность, она должна быть выражена.

Именно это подразумевается под «самореализацией». Редок тот человек, который трансформирует свою жизнь в рост, который трансформирует свою жизнь в долгое путешествие самореализации, который становится тем, что ему предназначалось. Но Востоке мы называем этого человека буддой, на Западе мы называем этого человека христом. Слово «христос» означает в точности то же, что и слово «будда»: тот, кто пришел домой.

Все мы путешественники, ищущие дом, но этот поиск очень бессознателен — пробираясь ощупью во тьме, не осознавая в точности, что мы ищем ощупью, кто мы, куда мы идем. Мы продолжаем плыть как лес по реке, мы продолжаем оставаться случайными.

И это становится возможным, потому что миллионы людей вокруг вас находятся в той же лодке, и когда вы видите, что миллионы людей делают те же самые вещи, что и вы, вы должны быть правы — потому что миллионы не могут ошибаться. Это ваша логика, и эта логика ошибочна в самой своей основе: миллионы не могут быть правы.

Очень редко человек бывает прав; очень редко человек осознает истину. Миллионы живут жизнью лжи, жиз-

нью притворства. Их существование лишь поверхностно; они живут на периферии в полном неведении относительно центра. А центр содержит все: центр является Царством Бога.

Первый шаг к природе будды, к реализации своего бесконечного потенциала, заключается в том, чтобы осознать, что до сих пор вы тратили свою жизнь впустую, что до сих пор вы оставались совершенно бессознательными.

Начните становиться сознательными; это путь достижения. Это тяжело, это трудно. Оставаться случайным легко; для этого не нужно разумности, поэтому это легко. Это может любой идиот — и все идиоты уже делают это. Оставаться случайным легко, потому что вы никогда не чувствуете ответственности за все, что происходит. Вы всегда можете переложить ответственность на что-то другое: на судьбу, Бога, общество, экономическую структуру, государство, церковь, мать, отца, родителей... Вы можете продолжать перекладывать ответственность на кого-то другого; поэтому, это легко.

Быть сознательным значит принять всю ответственность на свои собственные плечи. Быть ответственным — это начало состояния будды.

Когда я использую слово «ответственный», я не придаю ему обычного значения обязанности. Я использую его в его настоящем, существенном смысле: быть способным отвечать — вот мое значение. А способность отвечать возможна, лишь если вы сознательны. Если вы крепко спите, кто будет отвечать? Если вы спите, птицы продолжают петь, но вы их не слышите, цветы продолжают цвести, но вы никогда не сможете ощутить красоту, аромат, радость, которые они изливают в существование.

Быть ответственным значит быть бдительным, сознательным. Быть ответственным значит быть внимательным. И с такой осознанностью, на которую вы только способны. Даже в небольших вещах — идя по улице, принимая

пищу, принимая ванну — вы не должны быть механическими. Делайте их с полной осознанностью.

Мало-помалу небольшие действия начинают светиться, и постепенно святящиеся действия скапливаются у вас внутри, и в конце концов — взрыв. Семя взрывается, потенциал становится действительностью. Вы больше не семя, но лотос, золотой лотос, тысячелепестковый лотос. И это мгновение великого благословения; Будда называет его нирваной. Человек прибыл. Больше нечего достигать, некуда идти. Вы можете отдохнуть, вы можете расслабиться — путешествие окончено. В это мгновение возникает великая радость, великий экстаз.

После трех дней энергичного закладывания за воротник Тули и Брэган сняли номер в гостинице и попросили отдельные кровати. Как бы то ни было, в темноте они забрались в одну и ту же кровать.

— Эй! — закричал Тули. — У меня в кровати гомик!

— И у меня тоже! — отозвался Брэган.

— Давай выкинем этих голубых! — предложил Тули.

В результате ужасной борьбы Тули оказался на полу.

— Что у тебя получилось? — крикнул он с пола.

— Я вышвырнул своего, — сказал ирландец. — А как у тебя дела?

— Он вышвырнул меня.

— Ну, теперь все нормально. Залезай ко мне в кровать.

Именно так живет человек: в темноте, совершенно бессознательно; делая что-то, не осознавая зачем; просто делая из-за бессознательного побуждения делать. Это не только мистическая гипотеза о человеке. Зигмунд Фрейд,

Густав Юнг, Альфред Адлер и другие современные исследователи психики человека столкнулись с тем же самым фактом.

Фрейд говорит, что человек живет бессознательно, хотя ум так коварен, что он находит причины, мотивы. По крайней мере, он может создать видимость того, что вы живете сознательной жизнью — и это очень опасно, потому что вы начинаете верить в собственную видимость. Тогда ваша жизнь потеряна, тогда вы не сможете использовать эту чрезвычайно ценную возможность.

Люди продолжают делать бессознательные вещи — хотя они и страдают, хотя они и безмерно несчастны, все же они продолжают делать вещи, которые приносят им страдание. Они не знают, что еще делать. Они не здесь, они не присутствуют; поэтому они не могут ничего сделать. Они пойманы в ловушку бессознательных инстинктов.

Хеннеси, нагрузившись до потери пульса, топтался в темноте на углу пустынной улицы. Когда вскоре мимо прошел человек, Хеннеси возник из тени с пистолетом в руке.

— Стой как стоишь! — сказал он. Затем он извлек из кармана бутылку. — Вот! — приказал Хеннесеи. — Выпей это!

Слишком испуганный чтобы сопротивляться, бедняга сделал большой глоток.

— Уфф! — воскликнул он. — У этого пойла ужасный вкус!

— Я знаю, — пробормотал пьяный ирландец. — А теперь возьми пистолет и заставь меня выпить немного.

То, что вы пьете, то, что вы называете жизнью, действительно ужасно! Но вы продолжаете заставлять себя, совершая одни и те же повторяющиеся действия снова и снова — не зная, что еще делать, не зная, куда еще идти,

не зная никаких других возможностей, не зная никаких других возможных образов жизни.

Религиозное измерение просто означает измерение сознательного, бдительного бытия, проживания жизни помня себя. Позвольте мне добавить, что под тем, чтобы помнить себя (англ. *self-remembrance*) я не подразумеваю стеснительность (англ. *self-consciousness*). Стеснительность это ложное явление; это другое имя эго. Помнить себя это совершенно другое явление; это прекращение эго. В стеснительности (англ. *self-consciousness*) нет сознания (англ. *consciousness*), есть только самость (англ. *self*); в том, чтобы помнить себя (англ. *self-remembrance*) нет самости (англ. *self*), есть только воспоминание (англ. *remembrance*).

Вся методология Будды заключается в том, чтобы помнить себя: *саммасати*. Это слово переводилось как правильное воспоминание или осознанность. Что такое *правильная* осознанность? Может ли осознанность быть *неправильной*? Да, такая возможность есть: если осознанность слишком концентрируется на объекте, это *неправильная* осознанность. Осознанность должна осознать сама себя, тогда это *правильная* осознанность.

Когда вы видите дерево, гору, звезду, вы можете быть сознательны — осознать дерево, осознать гору, осознать звезду — но не осознать того, кто осознает все эти вещи. Это *неправильная* осознанность — она фокусируется на объекте. Вы должны отвлечь ее от объекта и помочь ей повернуться вовнутрь. Вы должны привнести ее в свое внутреннее, вы должны наполнить ее светом свою субъективность.

Когда человек полон света, не освещающего другие вещи, но освещающего сам свет, это *правильная* осознанность и двери к нирване, к Богу — к самореализации.

От рождения вам дается только возможность. Нет внутренней потребности в том, чтобы вы действительно произошли, чтобы ваш потенциал был реализован, чтобы вы действительно достигли бытия. Дана лишь возможность,

и все зависит от вас. Вы должны найти путь, вы должны найти мастера, вы должны найти правильную ситуацию. Это великий вызов.

Жизнь это великий вызов познать себя. Если этот вызов принят, вы в первый раз становитесь настоящим человеком; иначе вы продолжаете существовать на подчеловеческом уровне.

Не только мирские люди живут бессознательной жизнью. Так называемые религиозные люди ничем не отличаются.

Отца Даффи послали в отдаленную эскимосскую деревню в самой холодной части Аляски. Несколько месяцев спустя епископ нанес ему визит.

— Как вам нравится жить здесь среди эскимосов?

— Прекрасно, — ответил священник.

— А как погода? — спросил епископ.

— А, пока у меня есть моя водка и мои четки (англ. *rosary*; вариант: «*моя Розари*»), холод мне непочем.

— Я рад это слышать. Кстати, я и сам не отказался бы сейчас от рюмки водки.

— Прекрасно, — сказал Отец Даффи. — Розари! Принеси нам две водки!

Мирское, потустороннее — разница невелика. Есть лишь одна разница, которая имеет значение — в осознанности, бдительности. Осознанность можно практиковать где угодно: вам не нужно идти в горы, вам не нужно идти в монастыри, вам не нужно отрекаться от мира.

Фактически, в мире легче практиковать осознанность, чем где-либо еще. Таков мой собственный опыт, таково же и наблюдение тысяч саньясин. Самый легкий путь стать осознанным это быть в мире и практиковать осознанность,

потому что мир дает столько возможностей. Монастырь не может дать столько возможностей. Если вы живете в горной пещере, какие у вас есть возможности, чтобы быть бдительными? Там вы будете крепче и крепче засыпать, становиться более и более тупым. Там не будет нужна разумность, поэтому вы утратите всю остроту разумности. Не нужно будет осознанности; для нее не будет вызова. Только в вызовах жизнь растет; чем больше вызов, тем больше возможность. А мир действительно полон вызовов. Поэтому я говорю саньясинам: никогда не отрекайтесь.

Наслаждайтесь миром! В прошлом мы слишком много отрекались, и результат был нулевой. Сколько будд мы произвели в прошлом? Их можно сосчитать по пальцам. Лишь очень редко, изредка человек становился Буддой, Христом или Кришной. Лишь одно из миллионов и миллионов семян проросло? Это немного. Это было пустой растратой человеческого потенциала, а причина была в эскапистском подходе религий.

Я утверждаю жизнь, я радуюсь в жизни. И я хотел бы, чтобы вы все были глубоко, интенсивно, страстно в жизни, и только с одним условием: с бдительностью, наблюдательностью, свидетельствованием. И я знаю, что возникают трудности, потому что вы будете жить с миллионами спящих людей — а сон заразителен в точности так же, как заразителна осознанность. Осознанность также заразителна; в этом значение того, чтобы быть с мастером.

Мастер не может дать вам истину. Никто не может дать истину никому другому; она непередаваема. Мастер не может привести вас к высочайшей цели, потому что вам предстоит достичь ее в одиночестве; никто не может вас сопровождать. Вы не можете добраться туда, подражая мастеру, потому что, чем больше вы подражаете, тем более фальшивым вы становитесь. Как вы можете достичь истины, будучи фальшивым?

В чем тогда функция мастера? В чем тогда смысл поиска мастера? Зачем тогда вообще быть учеником? Все же есть причина, и эта причина в том, что осознанность

так же заразителна, как и сон. Если вы сидите в окружении людей, которым хочется спать, вам тоже захочется спать.

Известная суфийская история гласит:

У одного торговца фруктами был очень хитрый лис, который обычно охранял его лавку. Когда он уходил в дом, он говорил лису:

— Будь начеку. Садись на мое место и наблюдай. Обращай внимание на любую деятельность, которая происходит вокруг. Не позволяй никому ничего украсть. Если кто-то попытается что-то украсть, подними шум — и я тут же прибегу из дома.

Однажды мимо проходил Мулла Насреддин. Он услышал, как хозяин лавки говорит все это лису:

— Будь начеку, наблюдай за любой деятельностью, которая происходит вокруг, и если ты увидишь, что что-то против нас, или кто-то пытается украсть фрукты, подними шум, и я тут же выйду из дома.

Мулла Насреддин почувствовал большое искушение. Владелец лавки ушел. Насреддин сел напротив лавки и просто начал притворяться, что он засыпает; он закрыл глаза и задремал.

На мгновение лис задумался:

— Что делать? Должен ли я поднять шум? Но сон это не деятельность — фактически, это ее противоположность — а хозяин говорил о какой-то деятельности... Это не деятельность: этот человек засыпает, а что может сделать спящий человек, какой вред?

Но лис не понимал, что Мулла применяет суфийскую стратегию! Притворяясь, что он засыпает, сидя с закрытыми глазами, постепенно ему удалось усыпить лиса. Тогда он украл все фрукты.

Когда вернулся хозяин, фруктов не было... а лис храпел! Он потряс лиса и сказал:

— Что случилось? Разве я не сказал тебе, что если ты заметишь какую-нибудь деятельность, ты должен поднять шум, чтобы я вышел из дома? Я не слышал никакого шума.

— Но никакой деятельности не было, — ответил лис. — Просто пришел один человек; он сел напротив лавки и задремал. Сон это не деятельность, не так ли? Сон это бездействие.

Простая логика! Бедный лис и простая логика.

— Что же случилось с тобой? — спросил хозяин.

— Я не знаю, что со мной случилось, — ответил лис. — Но чем больше я смотрел на этого спящего человека, тем больше мне хотелось спать самому, и в конце концов стало невозможно продолжать бодрствовать. Я не знаю, когда я заснул.

Если вы сидите среди людей, которые засыпают, вы поймете суть: вас достигает вибрация сна. И происходит что-то похожее... хотя есть небольшая разница: сон это движение с горы, а пробуждение — в гору. Это немного более сложная задача. Если вы будете с человеком, который пробужден, с буддой, это обязательно сделает вас бдительными — если вы просто будете с мастером.

На нас постоянно воздействуют люди, которые вокруг нас. Мы можем быть абсолютно глухи к тому факту, что все, что бы мы ни думали, дано нам другими; все, что бы мы ни чувствовали — даже это — дано нам другими. Ребенок учится путем подражания. Даже наши эмоции могут быть просто заимствованными, не только наши мысли; наши чувства могут быть лишь заимствованными.

Люди могут даже решиться умереть из-за заимствованных идей. Что такое родина? — идея, которой мы про-

должаем забивать головы маленьким детям. И мы продолжаем им говорить, что умереть за родину значит быть великим человеком, мучеником; умереть за родину это величайшая добродетель.

В прошлом мы говорили то же самое о религии, церкви: «Умереть за церковь, умереть за свою религию это верный способ попасть в рай. Если ты умираешь за религию, ты немедленно возносишься в рай». Убивай других за религию, и это не будет грехом; умри за свою религию, и это не будет самоубийством. Убийство это не убийство, самоубийство это не самоубийство! Если однажды эти идеи были привиты вашему существу, отпечатались в вашем существе, вы начинаете действовать из них.

Трое мальчиков, католический, еврейский и чернокожий, сидели на скамейке. Их увидели проходящие мимо священник и раввин.

Католический священник узнал в одном из мальчиков своего прихожанина и спросил:

— Сынок, какие две вещи самые великие в твоей жизни?

— Отец, самые великие вещи в моей жизни это моя церковь и мой священник.

Раввин посмотрел и узнал в еврейском мальчике члена своей конгрегации.

— Сын мой, какие две вещи самые великие в твоей жизни?

— Раввин, самые великие вещи в моей жизни это моя конгрегация и мой раввин.

Когда оба священнослужителя удалились в полном удовлетворении, черный мальчик посмотрел на двух остальных и сказал:

— Маменькины сынки! Неужели у вас в жизни еще не было ни девочек, ни арбузов?

Мы учимся у других. Это может быть ваша идея о Боге, или священник, или раввин — или арбуз! Это все одно и то же; мы учимся у других.

В интимной близости с мастером происходят две вещи: одна это его заразительная осознанность, его заразительная любовь, его заразительное сострадание; и вторая — великое разучение. Чему бы вы ни научились от спящих людей, будь то арбуз или раввин — между арбузами и раввинами нет большой разницы! Чему вы научились у правящей церкви и государства, которые служат объединенным интересам, которые служат прошлому, мертвому прошлому, которые не служат вам... Помните, они эксплуатируют вас, они низводят вас до машин — эффективных машин, но машины есть машины, эффективны они или нет. Их функция в том, чтобы сделать вас рабами общества — а общество больно, общество ненормально, общество патологично.

Две вещи происходят в близости с мастером — первое: его заразительная осознанность; второе: процесс разучения. Он начинает уничтожать все, чему вы научились. Он не может дать вам истину, я повторяю, он может только отнять у вас ложь. И это одна из самых существенных вещей; без этого истина не может случиться с вами. Истина случится с вами в вашем одиночестве, но прежде чем она случится, должны быть удалены преграды: преграды лжи, которые были помещены на пути истины.

Мастер может отнять у вас вашу ложь. Его функция в этом смысле негативна, и позитивна в том, что он заразителен. Его вибрация может коснуться вас и разбудить вас. Он может быть лучем солнца, который проник в окно вашей спальни и упал вам на лицо, говоря: «Доброе утро, просыпайся!»; вам становится очень трудно спать. Да, мастер может сделать так, что вам трудно будет спать, вам будет трудно подражать, вам будет трудно учиться у тех, кто на самом деле ваши враги, а не друзья.

Если эти две вещи возможны, ваша жизнь приходит в движение, вы больше не стоите на месте. Ваши зерна упали в нужную почву: теперь в свое время появится побег.

Скоро придет весна, и вы увидите собственные цветы. А цветы сознания это величайшие цветы на свете.

Сутры:

Он — возница.

Он укротил своих лошадей,

Гордость и чувства.

Даже боги восхищаются им.

В то мгновение, когда ваш потенциал становится реальностью, в то мгновение, когда вы становитесь реализованной душой, даже боги восхищаются вами. Даже боги далеко позади, потому что даже боги еще не стали буддами. Они также живут бессознательной жизнью — возможно, они живут на небесах. То, что в христианстве вы называете ангелами, в буддизме называется богами. Ангелы живут на небесах, но даже они не будды, они так же спят, как и вы. Единственная разница в ситуации: они в раю, а вы на земле. Но в психологии разницы нет; что касается их внутреннего существа, оно так же темно, как и ваше.

Индуисты никогда не могли простить Будде то, что он сказал, что даже боги восхищаются буддой, даже боги поклоняются будде.

Рассказывают историю, что, когда Будда стал буддой, когда Гаутама Сиддхартха стал просветленным, стал буддой, боги пришли из рая, чтобы поклониться ему. Они касались его ног, осыпали его небесными цветами и играли небесную музыку. Индуисты никогда не могли простить буддистам этой истории — боги поклоняются человеку? Но поймите суть: боги поклоняются не человеку, боги поклоняются осознанности, боги поклоняются природе будды. Боги поклоняются не человеку Гаутаме Сиддхартхе, но пламени, которое случилось у него в сердце. Это пламя — вечный

свет, это пламя божественно. Даже боги еще далеки от него; им предстоит его достичь.

Идея будды выше, чем идея богов. Буддизм это единственная в мире религия, которая дала человеку такое достоинство; ни одна другая религия не прославляла человека так высоко. Буддизм это восстание человека.

Буддистский поэт, Чандидас, сказал: *Сабар упар манус сатья, тахар упар нахин* — истина человека величайшая, нет истины выше этой.

Но истина человека не означает тело человека, его плоть и кровь, нет. Истина человека означает пламя, которое еще не зажжено в вас. Как только оно загорается, вы перенесены в совершенно другой мир. Вы стали частью целого, вы больше не отдельные. Вот путь достичь этой реализации: *Он возница*. Он становится сознательным хозяином. Его тело это колесница, и он направляет ее, куда хочет, не наоборот. Бессознательный человек управляем телом.

Просто наблюдайте за собой: ваше тело продолжает направлять вас. Только секунду назад вы не были голодны, но вы прошли мимо ресторана, и запах пищи... внезапно вы чувствуете голод. Тело обманывает вас, потому что мгновение назад вам совсем не хотелось есть, вы не были голодны. Этот голод — тело, направляющее вас к пище. Вы даже не думали о еде мгновение назад, но из пекарни доносится запах — и внезапно в вас возникает сильное желание, сильный голод. Вас направляет тело; вы не возница. Колесница стала хозяином. Вот обычная ситуация.

Он укротил своих лошадей... Чувства называются лошадьми. В древние времена в Индии в колесницах было пять лошадей. Великие короли ездили в колесницах, запряженных пятью лошадьми. Величайшие из них, *чакравартин* — правители мира — в их колесницах было семь лошадей. Пять лошадей представляют пять чувств... ваши пять чувств постоянно влияют на вас. Человек, который дей-

ствительно хочет стать сознательным, должен быть бдительным к таким вещам.

Если вы каждый день обедаете в одно и то же время, и вы смотрите на часы, и видите, что это время пришло... Возможно, часы остановились, возможно, часы идут неправильно, часы могут на час спешить, но если вы видите это время, немедленно возникает голод. Этот голод ложен, он создан чувствами, телом — и вы собираетесь позволять чувствам управлять вами всю жизнь?

Искатели истины во всем мире осознали это явление, и они реагировали двумя путями; один из них правильный, другой неправильный. Неправильный путь заключается в том, чтобы начать бороться с чувствами и телом. Борясь, вы никогда не победите. Борясь, вы только станете слабее, вы будете рассеивать энергию. Борясь, вы начнете подавлять — а то, что подавлено, рано или поздно отомстит. Когда бы оно ни нашло возможность охватить вас, оно обязательно вас охватит — и с удвоенной силой!

Вы можете три дня поститься, вы можете заставить свое тело поститься, но, если это подавление, на четвертый день тело возьмет свое — вы будете есть слишком много, несколько дней вы будете есть слишком много. Фактически если вы потеряете какой-то вес за эти три дня, то за следующую неделю вы наберете еще больше. Тело берет свое, тело дает вам урок.

Борьба ни к чему не приведет — это не путь будд. Борьба глупа; это ваше собственное тело, вам не нужно с ним бороться, вам нужно только быть немного более наблюдательным по отношению к нему. Если какая-то наблюдательность начинает кристаллизироваться в вас, вы будете удивлены тем, что тело начинает следовать за вами. Оно больше не командует вами, оно больше не приказывает вам: оно становится послушным.

Когда прибывает хозяин, слуги тут же вспоминают свое место. Но хозяин спит, вот почему слуги притворяются хозяевами.

Он — возница. Он укротил своих лошадей... Они должны не быть убиты или уничтожены, но укрощены. Это прекрасные животные! Если они укрощены, они могут иметь огромную ценность, они могут сослужить вам огромную службу.

Будда это не тот, кто разрушает свои чувства, но тот, кто делает свои чувства более ясными, более чистыми, более чувствительными — но он остается хозяином. Будда видит гораздо большее, чем вы, его глаза более восприимчивы, потому что в его глазах нет дыма, в его сознании нет облаков.

Он видит те же самые зеленые деревья, но эти деревья для него гораздо зеленее, чем для вас. Он чувствует тот же аромат, но для него он гораздо сильнее, чем для вас. Он видит ту же самую красоту, но она дает ему огромный экстаз. Вам она может не дать никакого экстаза; вы можете пройти мимо. Вы можете даже не увидеть цветок подорожника, цветущий у ограды. Что говорить о подорожнике — вы можете не увидеть даже розу. Вы так заняты, ваши чувства так полны информации; они не пусты и не доступны. Ваши чувства не очень чувствительны.

Будда не убивает их, что по глупости делали многие святые. В России были христианские святые — долгая традиция — которые отрезали свои половые органы; монахини отрезали себе грудь. Смешно, глупо! Можно ли ожидать большей глупости, чем эта? Как вы можете стать хозяином, отрезав половые органы? — потому что сексуальность не там, она в голове. И, конечно, вы не можете отрезать себе голову. И даже если вы ее отрежете, это ничего не даст — вы родитесь снова с гораздо более глупой головой!

Теперь мы знаем — научные исследования доказали, что это несомненно — что сексуальность не имеет ничего общего с половыми органами; она находится не там. Половые органы управляются головой; центры находятся в мозге. Работы Павлова и Б.Ф. Скиннера в этой области имели огромную ценность. Я не согласен с их поведенческим подходом, но то, что они открыли в своих исследованиях, мо-

жет быть оценено и использовано мистиками, может быть использовано искателями истины, исследователями своего внутреннего существа.

Скиннер открыл, что в мозге есть центры — центры, отвечающие за пищу, центры, отвечающие за секс, центры, отвечающие за все. Вы касаетесь электродом сексуального центра мозга, и тут же вы испытываете оргазм. В вас возникает огромная радость, как будто вы занимались любовью с женщиной. Скиннер экспериментировал с крысами; он прикреплял электрод к сексуальному центру в мозге крысы и учил ее, как нажать на кнопку, если она хочет испытать оргазм. И он был удивлен тем, что делала крыса; он никогда не думал, что крысы так сексуальны. Крыса совершенно забыла о пище, забыла обо всем. Даже если возникала опасность, если приносили кошку, крыса не боялась. Кого это волнует? Она постоянно нажимала на кнопку, сноа и сно-ва... шесть тысяч раз! Она продолжала нажимать на кнопку, пока она не была совершенно изнурена, почти мертва, потому что за каждым нажатием следовал оргазм.

Рано или поздно это произойдет и с вами! Это будет гораздо более удобным, гораздо более комфортабельным — потому что иметь мужчину или женщину это такой конфликт. У вас просто будет в кармане небольшой компьютер размером со спичечный коробок — никто не будет знать, что вы делаете! Вы можете продолжать перебирать четки, а другой рукой нажимать на кнопку, и люди подумают, что этот экстаз происходит из-за четок. И ваше лицо будет сиять. Но если это станет возможным, вы окажетесь в той же ситуации, что и крыса: вы умрете от того, что будете нажимать на кнопку слишком часто, вы забудете обо всем остальном.

Генитальный оргазм не имеет ничего общего с сексом; все заключено в мозге. Ваш голод не имеет ничего общего с желудком; он также заключен в мозге. Именно поэтому голод внезапно возникает, когда вы видите время на часах. И запах булочной не проникает в желудок, помните, он попадает в мозг. Он включает определенный центр

у вас в мозге, он нажимает на кнопку у вас в мозге, и внезапно вы хотите есть. Если вы будете разрушать тело, это не поможет, если вы будете морить тело голодом, это не поможет. Даже самоубийство не поможет. Поможет только одно, и это осознанность.

Если вы начнете осознавать... осознанность это не часть мозга. Осознанность за пределами мозга, осознанность способна видеть мозг.

Вы будете удивлены, когда узнаете, что все то, что были способны открыть методы современной психологии, было открыто мистиками Востока тысячи лет назад. Будда прекрасно знал о мозговых центрах, Патанджали прекрасно знал о мозговых центрах. И единственный способ открыть что-то, что за пределами мозга, это выйти за пределы мозга и оставаться там. Там ваше господство; там вы становитесь возницей, там все лошади у вас в руках. И тогда они прекрасны! Чувства не уродливы — ничто не уродливо. Даже секс обладает своей собственной красотой, собственной священностью, собственной святостью. Но если вы укоренены и центрированы в своем запредельном, в своем сознании, тогда все приобретает другое значение, другой контекст. Тогда в еде есть своя духовность.

Упанишады говорят: *Аннам Брахма* — пища есть Бог. Должно быть, человек, который сказал это, испытал вкус Бога в пище. И тантрики на Востоке веками говорили, что секс это величайшая возможность реализации самадхи. Это ближайшая точка — сексуальный оргазм ближе всего к духовному оргазму, поэтому вы можете многому у него научиться. В сексуальном оргазме исчезает время, исчезает эго, исчезает ум. В сексуальном оргазме на мгновение останавливается весь мир.

В духовном оргазме происходит то же самое, только в большем масштабе. Сексуальное мгновенно, а духовное вечно, но сексуальное дает вам проблеск духовного.

Чувства должны быть укрощены, а не уничтожены, помните.

...Гордость и чувства. Даже боги восхищаются им. Укротите чувства, укротите гордость. Если гордость управляет вами, это эго; если хозяин вы, это самоуважение. Каждый человек целостности уважает себя. Самоуважение не эгоистично, совсем нет. Самоуважение просто означает: «Я люблю себя, я уважаю себя, и я не позволю никому себя унижать. Я не буду унижать никого и не позволю никому унижать себя. Я не создам ни для кого рабства и сам не буду ничьим рабом».

Это укрощенная гордость. Тогда она становится слугой, и она прекрасна.

Мягкий как земля,
Радостный и ясный как озеро,
Спокойный как камень у дверей,
Он свободен от жизни и смерти.

Человек, который пробужден, становится *мягким как земля*. Он теряет всю жесткость. Он не как скала; он как мягкая земля. И только мягкая земля может быть плодородной, может быть творческой. Скала остается бессильной; она ничего не создает, на ней ничего не растет, на ней ничего не может расти. Скала остается совершенно пустой. Но податливая земля — мягкая, скромная, уступчивая, восприимчивая, подобная матке — может дать рождение новым переживаниям, может дать рождение новым видениям, новым песням, новой поэзии. Пробужденный человек не жесткий. Словами Лао-цзы, он не как скала, но как вода. Его путь это путь воды — путь русла реки.

Радостный и ясный как озеро... Человек, который пробужден, который бдителен, становится ясным; все его замешательство исчезло. Дело не в том, что он смог найти решения, нет, потому что все его вопросы исчезли. Дело не в том, что он нашел ответы — нет ответа, который можно найти. Жизнь это тайна, и она остается тайной; жизнь не

может быть разоблачена. И поскольку он знает тайну жизни, теперь у него больше нет вопросов и противоречивых ответов, он очень ясен, он сама ясность, и он радостен.

Почему он радостен? — потому что он знает, что все Царство Бога принадлежит ему. Он знает, что он здесь не пришелец, что он принадлежит существованию, а существование принадлежит ему. Он стал частью этого бесконечного празднования, которое продолжается и продолжается. Он — песня в этом праздновании, танец в этом праздновании.

Спокойный как камень у дверей... Податливый как земля и спокойный как камень, молчаливый, неподвижный... *Он свободен от жизни и смерти.* И он свободен не только от смерти, помните: в то мгновение, когда вы свободны от смерти, вы свободны также и от жизни — от этой так называемой жизни. Тогда возникает другая жизнь... Будда не называет ее, он не дает ей никакого определения; он просто оставляет ее. Он оставляет предложение незавершенным, потому что он знает, что все, что бы ни было сказано, разрушит ее красоту. Все, что бы ни было сказано, создаст ограничение, а она безгранична. Все, что бы ни было сказано, будет неадекватным.

Поэтому он говорит только одно: он свободен от жизни и смерти. Жизнь, которую вы знали, и смерть, которая происходит каждый день — и эта жизнь, и эта смерть исчезают для пробужденного. Исчезает время, а жизнь и смерть это две стороны времени. Тогда он — вечность. Он становится единым с целым; вы не можете нигде найти его как отдельную сущность.

Где сейчас Гаутама Будда? Сейчас он в воздухе, которым вы дышите, он в воде, которую вы пьете, в птицах, которые продолжают петь, в деревьях и в облаках. Где сейчас Гаутама Будда? Он стал вселенной! Капля стала океаном, но капля исчезла как капля. Теперь для капли нет ни жизни, ни смерти; она больше не существует — как для нее может быть жизнь? Она больше не существует — как она

может умереть? Она вышла за пределы двойственности жизни и смерти.

Его мысли молчат.

Его слова молчат.

Это чрезвычайно важное утверждение. *Его мысли молчат.* Это просто и понятно, потому что человеку, который бдителен, не нужно думать.

Мышление необходимо потому, что мы не можем видеть. Если слепому понадобится выйти из этого зала, ему придется думать; ему придется кого-то спросить; ему придется составить план, куда двигаться, куда ступить, где дверь, и он будет пользоваться палкой. Но если у человека есть глаза, ему не нужно спрашивать, ему не нужно думать. Он просто встает, он просто начинает двигаться к двери. Он выходит наружу, вообще не думая об этом. Но слепой не может позволить себе не думать. И таким же образом приходится думать спящему — спящий значит слепой.

У человека осознанности есть внутренние глаза, прозрение. Он может видеть, и, поскольку он может видеть, ему не нужно думать. Видения достаточно. Мышление это бедный заменитель видения. *Его мысли молчат...* Но еще более важно второе утверждение: *Его слова молчат.* Это противоречие в терминах: «Его слова» означает, что он говорит. Будда говорил; иначе у нас не было бы этих чрезвычайно значительных сутр. Сорок два года он постоянно говорил — изо дня в день, из года в год; утром, днем, вечером он говорил. Но он говорит: *Его слова молчат.*

Если вы действительно сонастроены, если вы действительно молчаливы в присутствии мастера, вы увидите: *Его слова молчат.* Его слова несут в себе окружающее их молчание, его слова не шумны. У его слов есть мелодия, ритм, музыка, а в самом сердце его слов царит

полное молчание. Если вы можете проникнуть в его слова, вы столкнетесь с бесконечным молчанием.

Но путем к сердцу слов будды не является анализ, спор, обсуждение. Путем является попадание в резонанс, сонастроенность, синхронизация. Это происходит: для ученика и мастера приходит мгновение, когда само сердце мастера и сердце ученика начинают биться в одном и том же ритме, когда дыхание мастера и дыхание ученика в одном и том же ритме. Когда выдыхает мастер, выдыхает ученик, когда вдыхает мастер, вдыхает ученик. Все приходит в одну гармонию.

В этой сонастроенности, в этом единении человек проникает в само сердце слов мастера. И там вы не найдете никакого звука, никакого шума; там вы найдете абсолютное молчание. Вкусить от него значит понять мастера. Не значение слова важно, помните, но молчание слова. Значение может быть понято любым, кто понимает язык, это нетрудно; но молчание может быть понято только учеником, не студентом.

Студент слушает слова, понимает их значение, и это все. Он поймет философию Будды, но он не поймет самого Будду. Он поймет его теории, но он упустит его существо.

Ученик может быть не в состоянии сказать, в чем заключается учение его мастера, он может быть не в состоянии воспроизвести его философию, он может быть в растерянности. Если вы спросите его: «Каково учение твоего мастера?», он может остаться немым. Но он понимает мастера — не то, что он говорит, но то, что он есть.

Есть прекрасная история:

Когда Будда умер, все его просветленные ученики собрались, чтобы записать послание Будды, потому что теперь мастер ушел, и сокровище должно было быть сохранено для следующих поколений.

Все они были великими просветленными, но никто не мог в точности воспроизвести послание. Некоторые из них были абсолютно молчаливы; когда их спрашивали, они пожимали плечами. Некоторые говорили: «Это невозможно, это не может быть сделано». Другие говорили: «Мы не хотим совершать ошибок, а ошибки неизбежны, потому что то, что мы видели в этом человеке, невозможно выразить словами». Фактически, ни один из просветленных учеников не был готов собрать и записать философию Будды.

Тогда приблизился Ананда. Он был единственным, кто прожил с Буддой сорок два года и не стал просветленным. Он помнил все; он мог воспроизвести все, что он говорил, слово в слово. Должно быть, у него была незаурядная память. Но возникла проблема: можно ли верить тому, что говорит о просветленном не просветленный?

Те, кто был проветлен, не были готовы ничего сказать; человек, который мог воспроизвести всю философию, с самого начала и до конца, с первого высказывания Будды и до его последних слов... он не просветленный. Можно ли полагаться на его память? Можно ли полагаться на его толкования? Это действительно неразрешимая проблема: те, кто знает, те, на кого можно положиться, не могут ничего сказать, а тому, кто готов говорить, нельзя доверять — он сам не просветленный.

Тогда все это собрание сказало Ананде:

— Сделай одну вещь: не теряй ни мгновения. Привнеси в это всю свою энергию и будь так бдителен, как это только возможно. Если ты сможешь стать просветленным до смерти, тогда что-то может получиться. Мы не будем записывать твоих слов, пока ты не просветлен. Ты

помнишь — ты единственный, кто помнит абсолютно все — но мы не можем этому доверять.

Как можно доверять отчету слепого о том, у кого есть глаза и кто говорит о цветах, свете, радуге, цветах? Как можно доверять отчету слепого? Это абсурдно, это невероятно!

Поэтому все собравшиеся стали умолять Ананду:

— На тебя вся надежда. Если ты сможешь стать просветленным, мы сможем принять все, что ты говоришь, но мы не сможем этого принять, пока ты не просветлен.

Ананда прожил с Буддой сорок два года, и, поскольку он был к нему очень близок, он начал принимать его как данность. Это случается. Это случается и здесь. Многие из вас, кто близок ко мне, могут начать принимать меня как данность. Ананда был очень близким, он был ближайшим; он не был слишком озабочен просветлением. Что бы ему ни говорили, он отвечал:

— Меня это не беспокоит. Будда позаботится обо мне. Я служил ему сорок два года — разве он не достаточно сострадателен для того, чтобы вытащить меня из темноты? Он делает это. Зачем торопиться? Зачем так спешить? Это может случиться завтра, это может случиться послезавтра. Будда здесь.

Сорок два года он откладывал и верил в глубине сердца:

— Будда делает это. Хотя все и говорят, что никто не может сделать другого просветленным, я знаю, что он может. Я знаю, что вокруг него происходят чудеса. И если он отказывает в этом другим, то для меня, по крайней мере, он может сделать исключение. Я так преданно служил ему. И к тому же он всегда здесь; если я упушу сегодня, есть завтра, если я упушу

завтра, есть послезавтра. Куда он денется? Он всегда здесь.

В день своей смерти он сказал Ананде:

— Ананда, завтра меня здесь не будет. Поэтому поспеши! Ты больше не можешь откладывать.

И случилось так, что после смерти Будды, после того, как его стали умолять вся конгрегация, он двадцать четыре часа сидел с закрытыми глазами. Это был первый раз во всей его жизни. Фактически, вокруг Будды происходило так много всего, что было невозможно закрыть глаза. Целый день происходило так много всего, и Ананда был так занят. Теперь Будды не стало, и больше ничего не происходило, было не на что смотреть. Он закрыл глаза и двадцать четыре часа, в первый раз в жизни, просидел в молчании.

За эти двадцать четыре часа он стал просветленным. Этого не случилось за сорок два года; это случилось за двадцать четыре часа. Когда он стал просветленным, все просветленные ученики узнали об этом по его ауре, его свету, его сиянию, и они сказали:

— Теперь Ананду можно принять в собрание. Он будет вспоминать и записывать.

Но только просветленному можно доверять. Почему? — потому что он может видеть. Он может видеть слова насквозь и находить в них молчание — которое является настоящим посланием. Если вы прислушиваетесь к смыслу, вы студент; если вы прислушиваетесь к молчанию, вы ученик. А если вы совершенно забываете о том, кто говорит и кто слушает, если вы становитесь с мастером одним — вы преданный.

Это три стадии: студент, ученик и преданный. Студент понимает значение слов, ученик понимает молчание слов,

преданный становится самым молчанием. *Его мысленно молчат. Его слова молчат.*

Его работа — молчание.

Всей его работой является молчание, он создает молчание. Он создает средства, чтобы создать молчание.

Он видит свою свободу, и он свободен.

Мастер отказывается от своих верований.

Когда вы становитесь просветленным, все, во что вы верили раньше, становится смехотворным, неважным, абсурдным, бессмысленным. Это подобно верованиям слепого о свете. Во что бы он ни верил раньше, что бы он ни думал о свете в своей слепоте... как только его глаза открылись, он должен отбросить все эти верования о свете. Ни одно слово из этих верований не будет истинным. Оставаясь слепым, невозможно воспринять, что такое свет. Что говорить о свете — слепой не может ничего воспринять даже о темноте, потому что, чтобы видеть темноту глаза нужны настолько же, как и для того, чтобы видеть свет. Слепой ничего не знает, ни о темноте, ни о свете.

Как только вы становитесь пробужденным, все ваши верования о богах, небесах, карме, перевоплощении, о том и об этом — все это становится просто мусором. *Мастер отказывается от своих верований...*

Он видит дальше, чем конец и начало.

Теперь больше не нужно верить — он может видеть дальше конца и начала. Он может видеть все насквозь. Видение это цель.

В Индии у нас нет слова, равнозначного философии. У нас есть совершенно другое слово, *даршан*. Обычно оно переводится как философия; это не так. Философия означает нечто, связанное с умом; даршан просто означает прозрение, видение, зрение. На Востоке мы называем величайших людей видящими. Мы не называем их пророками, мы не называем их философами, мы называем их видящими — они увидели. Восток всегда верил в видение, не в мышление.

Перевести слово «даршан» на английский очень трудно. Называть его философией некрасиво; это разрушает всю красоту слова «даршан». Поэтому я перевожу его как «филосия». Философия означает «любовь к знанию»: «софия» значит знание, «фило» значит любовь. Филосия значит любовь к видению — «сия» значит видение. Как только вы увидели, все верования осыпаются, как сухие листья с деревьев осенью.

Он обрубает все пути.

Он отказывается от всех желаний.

Он противостоит любому искушению.

И он поднимается.

Теперь приходит в действие совершенно другой закон: закон левитации. Обычно вещи падают вниз, но человек пробуждения поднимается вверх. Все в нем начинает устремляться вверх, парить вверх. Он должен обрезать все пути, потому что эти пути привязывают его к земле. Он должен отказаться от всех желаний, потому что эти желания являются путями, которые удерживают его прикованным к земле.

Он противостоит всем искушениям. Много раз старый ум будет пытаться утвердить себя. Много раз старый ум будет совершать усилия к тому, чтобы снова вернуть вас к земле.

Халиль Джигран говорит: Когда река приближается к морю, она останавливается на мгновение и оглядывается назад — все эти радости, горы, девственные снега у ее истоков, леса, уединенные леса, птицы, их песни, люди, равнины, тысячи переживаний, долгое путешествие... И теперь пришло время исчезнуть в океане. Все прошлое тянет ее обратно. Все прошлое говорит: «Подожди! Ты потеряешься навсегда. Ты никогда не будешь прежней. Как ты обойдешься без берегов? Ты потеряешь всю свою определенность».

В точности то же самое происходит, когда вы приближаетесь к состоянию будды: когда теряется все, все пути, все желания, возникает великое искушение. Нет дьявола, который искушал бы вас; это ваш собственный ум, ваши прошлые переживания. Все перегруженное прошлое старается оттащить вас обратно, но теперь ничто не может оттащить вас обратно. Зов услышан, приглашение принято.

Он отсекает все пути. Он отказывается от всех желаний. Он противостоит всем искушениям.

*И, где бы он ни жил,
В городе или в деревне,
В долине или на холме —
Там великая радость.*

И не только он радостен; где бы он ни был, он приносит с собой климат радости. Радость окружает его.

Говорят, что, куда бы ни пришел Будда, деревья расцветали не в сезон, реки начинали течь летом, когда не было воды. Куда бы ни пришел Будда, повсюду вокруг царил мир,

молчание, любовь, сострадание. Это действительно так; дело не в том, что деревья расцветают не в сезон — это метафора — но, куда бы ни пришел будда, там начинается происходить таинственное. Люди начинают расцветать не в сезон, распространяется радость, великие волны радости.

Когда вы входите в поле будды, вы входите в совершенно другой мир: в мир блаженства, в мир благословения.

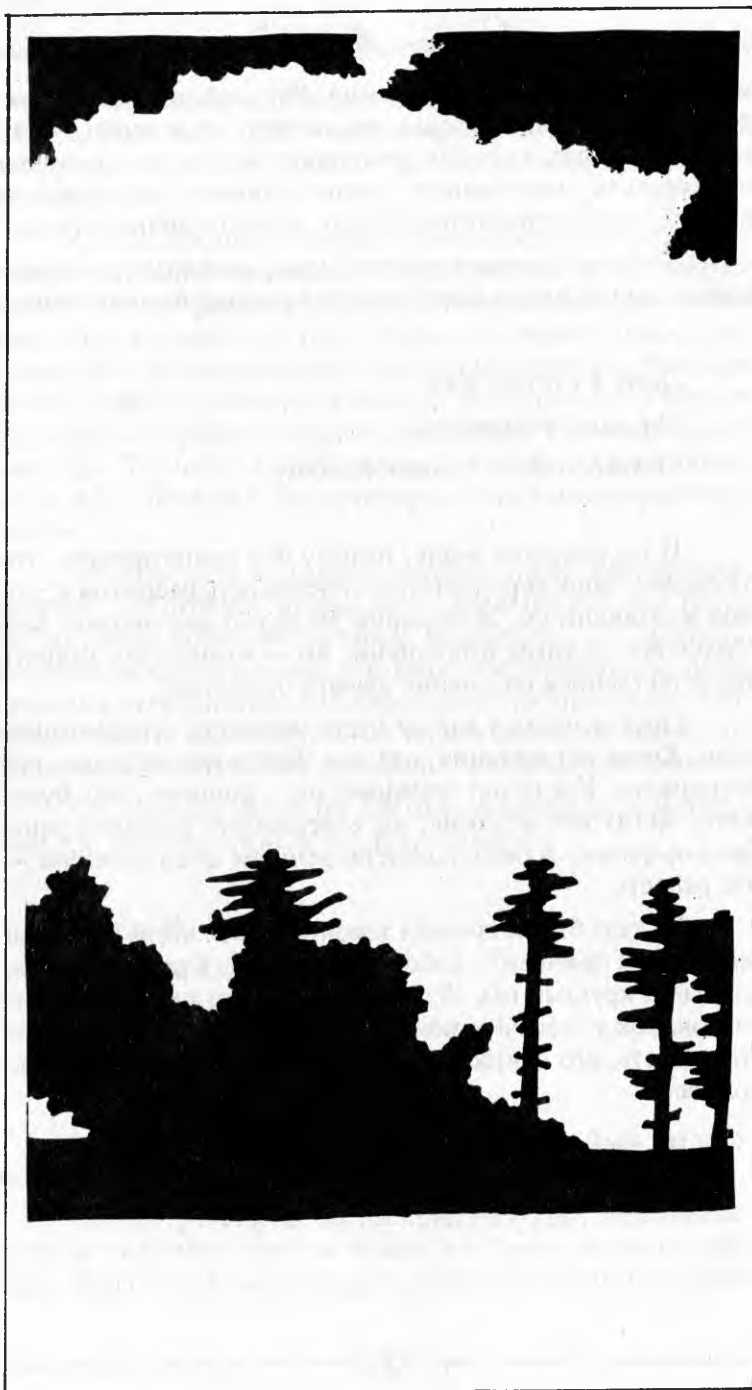
*Даже в пустом лесу
Он находит радость,
Потому что он ничего не хочет.*

И он радостен везде, потому что единственное, что разрушает вашу естественную способность радоваться, это ваш желающий ум. Желающий ум делает вас нищим. Как только все желания отброшены, вы — император. Радость это естественное состояние вашего существа.

Просто пусть у вас не будет желаний, и посмотрите сами. Когда нет желания, нет ума. Когда нет желания, нет беспорядка. Когда нет желания, нет прошлого, нет будущего. Когда нет желания, вы совершенно удовлетворены здесь-и-сейчас. А быть удовлетворенным здесь-и-сейчас — это радость.

И, куда бы ни пришел такой человек, когда бы он ни пришел, он приносит с собой свой климат. Будда это весна, длящаяся круглый год. И счастливы те, кто каким-то образом оказался близко к нему, потому что и они разделяют его радость, его благословение, его мудрость, его любовь, его свет.

На сегодня достаточно.

Глава 8

Хохот от души

Первый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Ты любезно прислал мне аудиозапись ответа на мой вопрос прошлой осенью. Суть Твоего ответа была в том, что я слишком сильно напрягаюсь, преследуя духовные цели. На девять месяцев я прекратила почти все, и, следуя Твоему совету, получила хорошие результаты.

Теперь я снова посещаю саньясинскую группу, но я чувствую, что стать саньясином было бы как раз тем, чего Ты сказал мне не делать — слишком большим напряжением. Я уже была посвящена во многие группы, и я чувствую, что слишком большое напряжение симптоматично. Должна ли я просто расслабиться и наслаждаться тем, как сейчас обстоят вещи между нами?

Мариэль Штраус, в точности в этом заключается саньяса: расслабиться и наслаждаться тем, что есть. Это не такое посвящение, как другие посвящения, через которые ты прошла — это совершенно другое явление. Это совершенно не серьезное мероприятие, это в своей основе игривость. В первый раз на земле мы пытаемся привнести игривость в религию.

Религия всегда была связана с вытянутыми лицами, печальными, серьезными, мрачными. И из-за этой серьезности миллионы людей оставались в стороне от религии. Те, кто жив, не могут быть религиозными, потому что стать религиозными означало бы для них самоубийство — и это было так. Те, кто был уже мертв или умирал, кто был болен, патологичен, суицидален — только они были заинтересованы в старых религиях.

Старые религии не танцевали, не пели, не праздновали; они были против жизни, против земли, против тела. Они были чисто отрицательными; им было нечего утверждать. Их Бог был основан на отрицании. Продолжайте отрицать: чем больше вы отрицаете жизнь, тем более вы считаетесь религиозными.

Я приношу на землю совершенно новое видение религии: я представляю вам религию, которая может смеяться, религию, которая может любить, религию, которая может жить обычной жизнью с необычной осознанностью.

Суть религии не в том, чтобы менять образ жизни, менять вещи и ситуации. Религия изменяет тебя, не твою ситуацию. Она не изменяет вещи; она изменяет твой способ смотреть на вещи. Она изменяет твои глаза, твоё видение; она дает тебе прозрение. Тогда Бог это не что-то, противостоящее жизни: тогда Бог это внутреннее сердце жизни. Тогда дух это не анти-материя, но высшая форма материи, чистейший аромат материи.

Мариэль Страус, если ты избегаешь саньясы, ты серьезна. Ты не поняла, что это не тот же вид посвящения. Ты была во многих школах, ты собрала много знаний о таинствах и посвящениях — но это не посвящение такого рода. Это полная противоположность: это посвящение в жизнь, в обычную жизнь. Как только твоя обычная жизнь становится наполненной медитативностью, ты — саньясин. Это не только вопрос перемены в одежде — это только символ — настоящий саньясин приносит медитацию в деятельность своей обычной жизни, приносит медитацию в мир. За едой, на прогулке, во сне человек остается постоянно в состоянии медитации. Ты не делаешь ничего особенного, ты делаешь то же самое, но по-новому, с новым методом, с новым искусством.

Саньяса меняет твоё мировоззрение.

Ты говоришь, что ты последовала моему совету и получила хорошие результаты. Но где-то глубоко внутри ты все еще серьезна; иначе ты совершила бы прыжок в саньясу

— несерьезно. Даже само то, что ты спрашиваешь об этом, показывает твою серьезность. Ты не можешь принять это игриво, со смехом.

Саньяса это игра — *лила*. Эта концепция на Западе неизвестна; и из-за незнания этой концепции Запад многое упустил. На Западе религия не имеет понятия о том, что Бог это не творец, но игрок, что существование это не его творение, но игра его энергий. В точности как океан, который с ревом вечно бросает волны на берега и скалы, это только игра энергий — так же и Бог. Эти миллионы форм не созданы Богом, они лишь возникли из-за переполняющей его энергии.

Бог это вообще не личность. Ты не можешь поклоняться Богу. Ты можешь жить божественным образом, но ты не можешь поклоняться Богу — некому поклоняться. Все твоё поклонение это чистая глупость, все твои образы Бога это твои собственные создания. Бога как такового нет, есть лишь божественность, несомненно — в цветах, в птицах, в звездах, в глазах людей, когда возникает песня и поэзия окружает тебя... все это Бог. Давай лучше скажем «божественность» вместо того, чтобы использовать слово «Бог» — это слово дает тебе идею о личности, а Бог это не личность, но присутствие.

Саньяса не похожа на то, чтобы стать индуистом, христианином или мусульманином. Фактически, это отбрасывание всех этих путешествий — индуисткого, христианского, мусульманского, всех этих путешествий. Саньяса это просто выход из всех идеологий. Идеологии обязательно серьезны; ни в одной идеологии нет смеха, потому что идеологиям приходится бороться друг с другом, спорить друг с другом, а спорить нельзя со смехом. Спор должен быть серьезным! Спор в своей основе эгоистичен, как ты можешь смеяться? Эго вообще не знает никакого смеха.

Это случилось однажды:

Великий философ и мыслитель, Кешав Чандра Сен, посетил Рамакришну. Он хотел

победить Рамакришну, и, конечно, он был большим мастеров доводов. Он приводил доводы против Бога, против религии, против всей той чепухи, которой занимался Рамакришна. Он пытался доказать, что Рамакришна глупец, что нет Бога, что никто никогда не мог доказать существования Бога. Он говорил и говорил, и постепенно он начал чувствовать себя немного странно, потому что Рамакришна только смеялся. Он слушал его доводы и смеялся — и не только смеялся, он подпрыгивал, обнимал Кешав Чандру Сена, целовал его и говорил:

— Прекрасно! Этого я никогда не слышал! Это действительно разумно, остроумно.

Кешав Чандра Сен приходил все в большее смущение. Видя, что Кешав Чандра, великий философ, пришел к Рамакришне, собралась большая толпа; многие люди пришли, чтобы послушать, чтобы услышать, что здесь произойдет. Даже они начали чувствовать, что все путешествие было тщетным.

— Происходит что-то странное!

А Рамакришна танцевал и смеялся, и он сказал:

— Даже если у меня в уме и были сомнения относительно Бога, ты их уничтожил. Возможна ли без Бога такая разумность? Ты — доказательство, Кешав Чандра, я верю в тебя.

И Кешав Чандра написал в своих мемуарах: «Смех Рамакришны победил меня — победил меня навсегда. Я забыл свои доводы. Это выглядело так глупо! И он не спорил со мной, он не сказал мне в возражение ни единого слова. Он просто целовал меня, обнимал меня, смеялся, танцевал. Он оценил меня так, как не ценил никто — а я критиковал его! Он сказал: «Кешав Чандра, твоё присутствие, такая разумность, такой гений, это достаточное доказатель-

ство того, что есть Бог!» Он сказал это мне», — пишет Чандра Кешав, — «но в действительности, это его присутствие, его смех, его танец доказали мне, что есть Бог; как иначе возможно такое явление как Рамакришна?»

Необразованный Рамакришна, крестьянин Рамакришна, оказался гораздо более глубоким, чем очень изощренный, образованный Кешав Чандра. Что произошло? Произошло нечто поразительно красивое. Рамакришна действительно религиозен; он знает, что такое религия, что такое божественность: принимать жизнь танцуя, принимать жизнь как песню, принимать жизнь во всей ее полноте, без всяких суждений — любить ее за то, что есть.

Саньясин это значит человек, который не пытается разгадать тайну жизни, но ныряет в саму эту тайну. Саньяса это проживание тайны, не разгадка тайны. Если ты начнешь разгадывать, ты станешь серьезной. Если ты будешь жить ею, ты будешь становиться более и более игривой.

Мариэль Штраус, увидь разницу между саньясой и другими посвящениями. Между ними есть качественная разница. Это не посвящение в старом смысле, это не учеба в старом смысле — это разучение, поэтому я могу сказать, что это *раз*посвящение. Оно выведет тебя из всех твоих посвящений, потому что ты была в стольких школах и сектах, что, должно быть, многие вещи все еще бродят у тебя внутри. Тебе нужна хорошая уборка, тебе нужна тщательная уборка, тебе нужна хорошая ванна — и саньяса будет для тебя душем, она очистит твою душу. Она снова даст тебе невинность ребенка, смех ребенка, глаза, полные удивления и благоговения.

Не раздумывай... прыгай. Это прыжок, потому что ты не можешь прийти к этому путем размышления. Это прыжок, потому что это не заключение твоего ума. Для других это будет выглядеть как безумие — фактически, вся любовь

безумна, вся любовь слепа, по крайней мере, для тех, кто не знает, что такое любовь. Для *нелюбящих* любовь слепа; для любящих это единственные возможные глаза, которые способны видеть само сердце существования. Для тех, кто не знает вкуса религии, саньяса это безумие; но для тех, кто знает, безумно все, кроме саньясы. Это вхождение в нормальность. Я не вижу ничего, что было бы здоровее, чем смех, любовь, празднование.

Но ты начинаешь думать в серьезных терминах: «посвящение» это великое слово. Ты все еще одержима старыми идеями, ты все еще боишься, что можешь начать слишком напрягаться. Фактически, ты все еще напрягаешься.

Сначала я предложил тебе не напрягаться. Теперь ты напрягаешься в противоположном направлении, в противоположном смысле: слишком напряженно стараешься не напрягаться! Это одно и то же. Стань саньясином и забудь обо всей этой чепухе. Тогда человек трансцендирует и напряжение и ненапряжение. Тебя ожидает великий смех. И в то мгновение, когда запредельное начинает смеяться у тебя внутри, хихикать у тебя внутри, ты впервые знаешь, что значит быть христом, что значит быть буддой.

Христиане говорят, что Христос никогда не смеялся — это *их* представление о Христе. Это не правда о настоящем Христе — я знаю этого человека! Невозможно себе представить, чтобы он никогда не смеялся. Он наслаждался хорошей пищей, ты знаешь; он наслаждался хорошей компанией. И если ты хочешь хорошей компании, тебе нужно ее искать не среди ученых, но среди игроков; если ты действительно хочешь хорошей компании, тебе нужно идти к тем, кто живет на задворках вашего так называемого общества — к бродягам, отщепенцам, игрокам, пьяницам, проституткам — потому что ваше общество стало тупым и мертвым. Существующее общество это почти кладбище; ты не можешь встретить в нем людей, ты встречаешь только мертвые тела, трупы — ходящие, разговаривающие, движущиеся, что-то делающие... это чудо!

Один маленький мальчик спросил меня, верю ли я в привидения. Я сказал:

— Верю? — я окружен привидениями! — ответил я.

Он немедленно понял суть. Он сказал:

— Значит... значит, ты имеешь в виду... что все эти люди на улицах и на рынках это привидения?

— Да, все они привидения, — ответил я.

— Они живут посмертно. Они умерли давным-давно. Фактически, они умерли еще до того, как родились.

Общество убивает, и убивает медленно, искусно. Вы никогда этого не осознаете, потому что это делается так медленно — вот почему. Ребенок медленно отравляется.

В прошлом на Востоке были своего рода женщины-детективы. Эти женщины назывались *вишканьями* — отравленными девушками. Красивые девушки постепенно отравлялись с самого начала жизни, с молоком матери — но яд давался им в таких небольших количествах, что он не убивал их немедленно; но постепенно вся их система становилась отравленной. Яд тек у них в крови, их дыхание становилось ядовитым. К тому времени, когда они достигали совершеннолетия, они были готовы к тому, чтобы их использовали короли, и они были так красивы, что ими было легко соблазнить любого. Их посылали к враждебному королю, и он легко попадал в сети красивой женщины, и как только она целовала этого человека, ему приходил конец. Было достаточно одного поцелуя; это был поцелуй смерти.

Заниматься любовью с такой женщиной означало смерть — вы умираете, как умирают некоторые пауки. Есть пауки, которые умирают, занимаясь любовью — потому что их подружка начинает пожирать их, пока им становится все лучше и лучше — дрожа, они совершенно забывают о мире. Они больше не материальны, они духовны. Но женщины

есть женщины; они очень материалистичны. В то мгновение, когда паук начинает содрагаться в оргазме, его подружка съедает его. К тому времени, когда он приходит в себя, его больше нет. Он думал, что он приходит в себя — на самом деле он уходит!

Этих отравленных женщин специально тренировали... но чудо в том, что такое количество яда не убивало их. Яд им давался в очень маленьких дозах, очень постепенно.

Один ученый экспериментировал с лягушками: он бросил лягушку в кипящую воду — конечно, она тут же выпрыгнула из нее. Тогда он дал ей обычную воду нормальной температуры; лягушка наслаждалась водой в ведре, она села на самое дно и расслабилась, и ученый стал очень постепенно нагревать воду. Через несколько часов вода закипела, но лягушка не выпрыгнула из нее... она погибла. Она так и не осознала опасности, потому что все происходило постепенно.

И именно это происходит в обществе. Чтобы полностью убить ребенка, чтобы полностью отравить ребенка, требуется двадцать пять лет. К тому моменту, как он покидает университет, он мертв, с ним покончено; теперь он ведет посмертное существование.

Я вижу зерно истины в идее хиппи о том, что нельзя доверять людям старше тридцати. В этом *есть* некоторая истина. К тому времени, когда человеку тридцать лет, он больше не жив — если он еще жив, он станет Буддой, он станет Христом, он станет Кришной. Но к этому времени люди умирают — и умирают так бессознательно, что продолжают жить так, как будто они еще живы.

Саньяса означает, что к тебе возвращается твоя жизнь. Она означает депрограммирование, разобуславливание тебя, избавление тебя от яда. Ты не можешь логически решить

быть саньясином, потому что именно ум является проблемой, а ты пытаешься решать этим же умом. Саньяса должна быть прыжком. Она случается в сердце, не в голове.

Мариэль Штраус, ты все еще думаешь головой. Позволь по крайней мере одной вещи случиться из сердца — не логично, но нелогично, не прозаически, но поэтически. Саньяса должна быть любовным приключением! Несерьезно, со смехом войди в нее... и ты будешь удивлена — это не то же самое посвящение. Это посвящение выведет тебя из всех твоих посвящений, из всех твоих философий и систем мысли.

Саньяса это расслабление в жизни, доверие жизни, отдых в жизни. Некуда идти, нечего достигать, и вся энергия доступна для танца, песни и празднования.

Второй вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Что значит быть учеником?*

Прем Самадхи, это одна из самых тонких тайн. Никакое определение ученика невозможно, можно лишь дать несколько намеков — лишь пальцы, указывающие на луну. Не цепляйся за пальцы — смотри на луну и забудь о пальцах.

Ученик это редкостное явление. Очень просто быть студентом, потому что студент ищет знаний. Студент может встретить только учителя, он никогда не встречается мастера. Реальность мастера для студента остается скрытой. Студент функционирует из головы. Он функционирует логически, рационально. Он собирает знания, он становится более и более знающим. В конце концов, он в свою очередь становится учителем, но все, что он знает, заимствованно, ничто в действительности не принадлежит ему.

Его существование ложно; это копия под копирку, это не его оригинальное лицо. Он знает о Боге, но сам он не знает Бога. Он знает о любви, но сам он никогда не осмеливался любить. Он знает о поэзии, ни он никогда не испытывал вкуса самой поэзии. Он может говорить о красоте, он может писать трактаты о красоте, но у него нет видения, нет опыта, нет экзистенциальной близости с красотой. Он никогда не танцевал с цветком розы. Снаружи происходит рассвет, но ничего не происходит у него в сердце. Темнота у него внутри остается прежней.

Он говорит только о концепциях, он ничего не знает об истине — он не заинтересован в том, чтобы стать Богом, чтобы стать истиной, чтобы стать любовью. Помни разницу. «Знание о» это одно, становление это совершенно другое. Студент не рискует; ученик движется в моря, не обозначенные на картах. Студент скуп, он копит; только так он может собирать знания. Он жаден; он накапливает знания с такой же жадностью, как люди накапливают имущество — знания это то же самое имущество. Ученик не заинтересован в накоплении; он хочет переживать, он хочет чувствовать вкус, и он готов рискнуть всем.

Ученик сможет найти мастера. Отношения между студентом и учителем основаны на голове, отношения между учеником и мастером основаны на сердце — это любовные отношения, сумасшедшие а глазах мира, совершенно сумасшедшие. Фактически, ни одна любовь так не тотальна, как та, что происходит между мастером и учеником. Любовь, случившаяся между Иоанном и Иисусом, любовь между Сарипуттой и Буддой, Гаутамой и Махавирой, Арджунной и Кришной, Чжуан-цзы и Лао-цзы — вот настоящие любовные романы, высочайшие пики любви.

Ученик начинает таять в мастере. Ученик разрушает все расстояние между мастером и собой; ученик становится податливым, ученик сдается, ученик стушевывается. Он становится несуществующим, он становится пустотой. И в этой пустоте открывается его сердце. В этой пустоте исчезло его эго, и мастер может проникнуть в его существо.

Ученик восприимчив, уязвим, он не настороже; он отбрасывает свои доспехи. Он отбрасывает все меры защиты. Он готов умереть. Если мастер говорит: «Умри!», он не будет ждать ни мгновения. Мастер это его душа, это само его существо; его преданность безусловна и абсолютна. Познать абсолютную преданность значит познать Бога. Познать абсолютную самоотдачу значит познать святая святых таинства жизни.

Слово «ученик» (англ. *disciple*) красиво — оно означает «тот, кто готов учиться». Отсюда слово «дисциплина» (англ. *discipline*) — дисциплина означает «создание пространства для учения». Ученик это человек, который готов учиться. Кто может быть готовым учиться? Только тот, кто готов отбросить все свои предрассудки. Если ты приходишь как индуист, христианин или мусульманин, ты не можешь быть учеником. Если ты приходишь просто как человеческое существо, без предвзятых суждений, без верований, лишь тогда ты можешь быть учеником.

Ученик это редчайшее цветение человеческого создания, потому что выше ученика лишь одна вершина — мастер. И тот, кто тотально был учеником, однажды становится мастером. Ученичество это процесс становления мастером. Но человек не должен начинать с идеи о том, чтобы стать мастером; иначе он упустит, потому что это снова будет путешествием эго. Человек должен прийти, чтобы просто испариться.

Ты жил из эго, и твоя жизнь была лишь страданием и ничем другим. Довольно! Однажды приходит понимание: «Постоянно слушая свое эго, я упустил великую возможность. Оно направляло меня по ненужным путям, которые никуда не вели, и создавало тысячу и одно страдание». В тот день, когда человек понимает: «Эго это коренная причина страдания», он начинает искать место, в котором может отбросить эго. Мастер это повод отбросить эго.

Ты можешь отбросить эго, лишь если ты сталкиваешься с человеком, который так захватывает твое сердце, что его существо становится важнее твоего собственного

существа, что ради него ты можешь пожертвовать всем, что у тебя есть.

Лишь несколько дней назад я получил письмо от Гунакара из Германии. В немецких газетах появилось очень много критики по поводу высказывания Тиртхи — и его можно критиковать, им можно манипулировать, потому что в мире еще не улеглись разговоры о том, что случилось в Джонстауне. Кто-то, какой-то журналист спросил Тиртху: «Если твой мастер скажет тебе застрелиться, покончить с собой, что ты сделаешь?» И Тиртха ответил: «Я не стану думать. Я тут же покончу с собой».

Это высказывание можно истолковать таким образом, что место, которое я создаю, станет еще одним Джонстауном. Тиртха сказал это от сердца; он не был политичен, дипломатичен; иначе он постарался бы избежать такого ответа. Он просто сказал то, что обязательно говорит ученик.

Ученик готов. Фактически, сказать, что он готов умереть, это меньше, чем истина. Ученик уже умер в мастере; этого не случится в будущем, это уже случилось в прошлом. Однажды случилось так, что ученик принял мастера как мастера: с тех пор его больше нет, в нем живет лишь мастер.

Постепенно присутствие мастера затопливает ученика. И это присутствие мастера это в действительности не присутствие самого мастера: мастер затоплен Богом. Мастер это только средство, проход, посланник; Бог течет через мастера. Когда ученик тотально сдается мастеру, в действительности он сдается Богу в одеждах мастера. Бога он еще не может увидеть, но мастера он видит, и в мастере он видит нечто божественное. Для него мастер становится первым доказательством Бога. Сдаться мастеру значит сдаться видимому Богу.

И постепенно, по мере того, как самоотдача становится глубже, видимое исчезает в невидимом. Мастер исчезает. Когда ученик достигает сокровенного сердца мастера, он находит там не мастера, но самого Бога, саму жизнь — неопределимую, невыразимую.

Прем Самадхи, твой вопрос значителен. Ты спрашиваешь: «Что значит быть учеником?»

Это значит смерть и воскресение. Это значит умереть в мастере и быть возрожденным через мастера.

Третий вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Кто Ты? Христос, который вернулся?

Премананда, ты думаешь, что я сумасшедший, или что-то в этом роде? Я это я. Почему я должен быть Христом или кем-то еще? Христос это Христос. Он не Кришна и не Будда и не Заратустра. Будда это Будда; он не Йагнавалка, он не Лао-цзы. Сократ это Сократ; он не Махавира и не Патанджали.

Я это я. Почему я должен быть Христом? Фактически, ничто в существовании никогда не повторяется. Существование такое творческое, оно всегда создает новых людей. И это правда не только в отношении Христа, Будды и меня — это правда и о тебе. Никогда не было такой индивидуальности, как ты, и никогда не будет. Ты абсолютно уникален. Существование никогда не повторяется, помни это; поэтому ты несравним, не выше и не ниже. Вот почему я говорю, что в существовании нет иерархии. Каждый роскошен, каждый уникален, каждый единственен. Но такие вопросы постоянно возникают. Для таких вопросов есть причины.

Премананда, должно быть, тебя с детства учили о втором пришествии Христа. Теперь ты влюбился в меня, и тебе хотелось бы как-то примирить ум своего детства с теми новыми переживаниями, которые происходят здесь. Тебе хотелось бы создать мост между тем, что тебе говорили, и тем, что с тобой происходит. Если это каким-то образом может быть объединено, ты почувствуешь себя немного

легче. Если это не может быть объединено, у тебя внутри сохранится некоторое напряжение. Теперь придется решать в пользу того или другого.

Ты не можешь служить двум мастерам — вот в чем проблема, вот почему возникают эти вопросы. Вот эта проблема: «Что делать? Должен ли я оставаться с Христом?» Но ты ничего не знаешь о Христе, кроме того, что тебе говорили. Христос это лишь миф для тебя. Он был реальностью для Иоанна, для Луки, он был реальностью для Матвея. Но он не является реальностью для тебя, Премананда.

Я для тебя реальность; я не буду реальностью для твоих детей. Ты будешь учить своих детей обо мне, и однажды они столкнутся с мастером, и возникнет проблема: что теперь делать? Выбрать ли прошлое или настоящее? Это проблема.

Ты колеблешься. Ты боишься, что, если ты выберешь меня, ты предашь Иисуса. Нет, я не Христос. Но, выбирая меня, ты не предашь Иисуса, ты будешь осуществлять его. Я не Будда, но, выбирая меня, ты не предашь Будду; ты сделаешь его таким счастливым, как это только возможно, потому что, выбирая меня, ты выберешь самое существенное ядро религии. Дело не в Христе, не в Будде, не во мне; это только формы. Не будь слишком привязан к формам: помни о существенном ядре.

Человек в ресторане зовет официанта и кричит:

— Официант! По моему супу ходит муха!

Официант падает на колени, воздевает руки и говорит:

— Иисус вернулся на землю!

Я знаю, что Иисус обещал вернуться снова, но я не думаю, что он достаточно безумен, чтобы исполнить это обещание. Помнишь, что вы с ним сделали? И если он все-таки придет после того, что вы с ним сделали, он действи-

тельно сумасшедший. Это невозможно; он не может прийти. Может быть, он обещал, но он не может этого исполнить. Если он исполнит обещание, вы распнете его снова; вы не можете по-другому. Именно так вы обращались со всеми пробужденными во всем мире. Вы не можете их терпеть, пока они живы, а когда они мертвы, вы поклоняетесь им: это ваша традиция. Когда они живы, они опасны; вам хочется тем или иным образом их убить. Когда они мертвы, они очень утешительны; вы можете продолжать носить с собой их трупы веками.

Помни, Иисус не был распят преступниками, грешниками. Он был распят раввинами, священниками, политиками — уважаемыми людьми. Что он сделал этим так называемым уважаемым людям? Он стал опасностью для самого их образа жизни. Он создал чувство вины в их существах; само его присутствие стало кнопкой у них на стуле: он был прав, а они неправы.

И им было трудно, почти невозможно принять его — этот сын плотника, абсолютно необразованный, не изощренный, слишком молодой, чтобы быть достаточно мудрым... Когда он начал проповедовать, ему было только тридцать, и они не смогли его терпеть и трех лет. На тридцать третьем году жизни он был распят; его служение длилось только три года.

Будде повезло больше: ему удалось работать на протяжении сорока двух лет. Но Будда жил в совершенно другой стране — дело не в том, что индуисты вели себя не так, как евреи, но у индуистов свои коварные способы уничтожения истины. Евреи были прямолинейны: видя опасность, они убили этого человека. Индуисты более коварны, они должны быть более коварными, потому что это самая древняя раса на земле. И Будда был не первым буддой, с которым им пришлось столкнуться; им приходилось сталкиваться со многими буддами, они сталкивались с двадцатью четырьмя джайнскими *тиртханкарами*. Они видели Кришну, Раму, Пасураму, Патанджали, Капила, Канада и тысячи других.

Они стали очень хитры и искусны в том, чтобы мешать этим людям воздействовать на людей, влиять на людей.

Не было необходимости убивать; они знали лучшие методы убийства без убийства. Они начали толковать слова Будды, высказывания Будды таким образом, что они утратили все значение. Не было необходимости убивать Будду; был более легкий путь: истолковывать Будду в соответствии со старыми писаниями, как будто он просто повторял старые писания. Вот что было их методом: «Он не говорит ничего нового. Это написано в Упанишадах, это написано в Ведах — ну и что? У нас все это уже есть; он не оригинален».

А он был совершенно оригинален. Этого не написано в Упанишадах, этого не написано в Ведах, потому что, прежде всего, это вообще не может быть написано. Да, люди, писавшие Упанишады, должны были знать, но этого не написано.

Индуисты очень хитры. Он начал писать комментарии к Будде, и они исказили всю его философию. Они создали столько философских доводов, столько шума, что тихий, негромкий голос Будды был совершенно заглушен. И в тот день, когда он умер, индуисты создали тридцать две школы буддистской философии; каждое его слово истолковывалось тридцатью двумя способами. Они создали такое замешательство, что вся суть была потеряна.

Фактически, если бы они распяли Будду, было бы гораздо лучше. Иисус был убит, но евреи вообще не комментировали его. Как только они его убили, они подумали: «Теперь с ним покончено, и это все!» Они совершенно забыли об Иисусе, они никогда не упоминали в своих писаниях его имени. Они убили его и подумали, что рано или поздно люди забудут о нем, и не останется никаких проблем.

В определенном смысле высказывания Иисуса были сохранены гораздо более аккуратно, чем высказывания Будды, потому что брамины, хитрые и умные брамины, которые собрались вокруг Будды, исказили все, что он говорил.

Они настолько все исказили, что, если Будда вернется, он не сможет поверить своим ушам.

Но эти люди никогда не возвращаются. Будда может быть здесь лишь однажды. Как только человек становится буддой или христом, он испаряется и становится ароматом вселенной. Он не может материализоваться снова.

Может быть, Иисус обещал, потому что ему пришлось покинуть своих учеников слишком рано. Ничего было не готово... ученики не были готовы — ни один ученик еще не стал просветленным. И они были в растерянности, что им делать без мастера. Они едва только приблизились к нему; три года это немного. Они еще не впитали его дух. Должно быть, он обещал, чтобы утешить их, чтобы помочь им, чтобы они остались в целости и не начали разваливаться на части. Должно быть, он сказал: «Не беспокойтесь, я скоро приду снова».

Это обещание было только средством. Помни, средства никогда не правдивы и не ложны, это только средства. Это было средством, чтобы сохранить в учениках течение духа, чтобы помочь им остаться собранными, уверенными, центрированными, укорененными. Это просто было средством! И оно помогло, средство сработало; иначе вообще не было бы христиан. Эти бедные ученики могли бы рассеяться и постепенно забыть об Иисусе. Именно так преподавали раввины и священники.

Но прозрение Иисуса было глубже. Он дал им обещание: «Ждите! Не беспокойтесь, я вернусь. Я не могу оставить вас, я никогда не оставлю вас».

Это обещание помогло и в другом смысле: благодаря этому обещанию христианский мистик мог помнить Иисуса более концентрированно, чем джайн помнит Махавиру — потому что обещания не было. Махавира не говорил: «Я вернусь», он не говорил: «Я помогу вам», он не говорил: «Я буду доступен после того, как я уйду». Фактически, он сказал: «Вы можете полагаться только на себя». Это правда, но это было тяжело для учеников.

И помни, Гурджиев часто говорил, что такой человек как Будда или Христос *может* лгать. И я совершенно согласен с Гурджиевым. Если они видят, что ложь будет служить истине, они не будут беспокоиться. Они не будут стыдиться или чувствовать себя виноватыми; они используют ложь на службе у истины. Ложь становится средством. Будда называет это *упайа* — средство.

Христианские мистики могли помнить Иисуса гораздо более глубоко благодаря этой уверенности, что он поможет, что он будет рядом, что, если его позвать, он вернется... Дело не в том, что он вернется, дело не в том, что он будет рядом, дело не в том, что он поможет, но сама идея о том, что он доступен, центрирует тебя. Поэтому, в определенном смысле, не помогая тебе, он *помог*. Ложь становится правдой; ложь больше не ложь, она становится правдой.

Но не принимай такие обещания слишком серьезно. Для того, чтобы тебя утешить, мне не обязательно быть христом. Ты должен отбросить старые идеи; иначе это станет для меня настоящей проблемой. Здесь есть индуисты, мусульмане, христиане, джайны, буддисты, парсы, сикхи, и если сикхи скажут: «Ты Нанак?», а джайны скажут: «Ты джайн?», а буддисты скажут: «Ты Будда?», это будет действительно затруднительно. Я не могу быть всеми этими людьми.

Это собрание не принадлежит одной религии, это собрание всех религий мира. Это действительно человеческое собрание, это действительно международное собрание, вселенское братство.

Не обращай слишком много внимания на такие обещания, это средства. Но сейчас они бесполезны для тебя. Здесь доступен живой я — какой смысл думать о средстве, которое было изобретено две тысячи лет назад? Я изобретаю для тебя средства каждый день, и пока я жив, пожалуйста, используй их. Будет гораздо более полезно и легко получить от них пользу.

Они встретились на вечеринке. Он был ошеломлен ее красотой и обаянием.

— Я думаю, вы получаете больше пригласений, чем хотите принять, — сказал он.

— Я не могу ходить в гости слишком часто, — ответила она немного уклончиво, — потому что я работаю. Но, когда я не хочу идти с мужчиной, я говорю, что я живу в пригородах.

— Прекрасная мысль, — сказал он, смеясь. — А где вы на самом деле живете?

— В пригородах, — ответила она с милой улыбкой.

Будь очень бдительным. Иисус, конечно, сказал: «Я приду». Он сделал это просто для того, чтобы осушить слезы на глазах его учеников, он это сделал из сострадания. Но человек, который достиг Бога, не может вернуться обратно. Это невозможно; по самой природе вещей это невозможно — потому что он не может снова войти в тело. Чтобы войти в тело, тебе нужно определенное желание, огромное желание. А у человека, достигшего Бога, не остается желаний. Именно через двери желания человек входит в тело. Если желания исчезли, нет способа войти в тело, войти в матку.

Поэтому на Востоке мы знаем, что если будда ушел, он ушел навсегда. Ты можешь попытаться понять его учения, но будет гораздо лучше, если ты сможешь где-нибудь найти живого будду. И никогда не бывает так, что ты ищешь будду и не можешь его найти. Если ты действительно ищешь, ты обязательно в том или другом месте найдешь будду. В том или другом месте в темноте мира всегда есть несколько огней; они всегда здесь, потому что Бог все еще надеется, Бог все еще сострадателен, потому что существование заботится о тебе.

Если ты встречаешь живого будду, живого Христа, забудь обо всех буддах и Христах прошлого. Он содержит все, и все же он не может быть отождествлен с кем-либо в частности. Он будда, он Христос сам по себе.

Поэтому я не заявляю, что я Христос, я не заявляю, что я Будда. Я просто заявляю, что я достиг, что я прибыл домой. И я распахнул свои двери. Если ты действительно ищущий, влюбленный в истину, не упускай эту возможность...

Четвертый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Когда Ты сегодня утром подъехал на своей машине, я слышала раскаты хохота, доносящиеся с небес. Мог ли это быть кто-то из Твоих друзей?

Дхарма Четана, я тоже слышал смех. Он не доносился с небес — это был призрак Джугала Кишора Бирлы, который стоял рядом с Шивой. Он сыграл шутку с Чарли, моим инженером и механиком компании Бенс. Он одурачил Чарли: он неправильно подсоединил аккумулятор. Немецкий инженер, в особенности механик компании Мерседес Бенс, тренированный эксперт высоких интеллектуальных способностей, и подсоединяет аккумулятор неправильно! Возможно ли это? Его одурачил призрак Джугала Кишора Бирлы, и что-то перегорело, и мне пришлось приехать в машине Джугала Кишора Бирлы — в Амбассадоре.

Несомненно, он поджидал нас, стоя рядом с Шивой. Возможно, Шива даже почувствовал это, потому что он оглядывался вокруг; должно быть, он что-то почувствовал. Ты правильно услышала, Четана.

Джугал Кишор Бирла это производитель машин Амбассадор. Он умер. Мы встречались несколько раз. Он был индуистским шовинистом, и он хотел, чтобы я стал послом (англ. *ambassador*) в мире индуизма. С этой целью он несколько раз встречался со мной; так мы подружились.

— Я могу дать вам столько денег, сколько вы хотите, — сказал он мне. Фактически, он был самым богатым человеком Индии. Я ответил:

— Я могу принять больше денег, чем у вас есть, но с одним условием.

— Что это за условие?

— Я приму их без условий. Вы не можете ставить мне никаких условий. Я могу принять все, что у вас есть.

— Без условий? — спросил он. — Но одно условие я должен поставить; именно поэтому я предлагаю поддержку.

— Пожалуйста, не упоминайте о нем, — сказал я. Но он все равно упомянул. Он сказал:

— Мое условие очень просто: не можете ли вы стать посланником индуизма? Индуизму нужен кто-то, кто мог бы пропагандировать его в таком современном виде, который привлекателен для мирового ума.

— Тогда я не могу принять от вас ни единого пайса.

— Это странно, — сказал он мне, — потому что даже Махатма Ганди принял мои условия.

— Именно поэтому я не называю Махатму Ганди «Махатмой» Ганди, — ответил я. — Я называю его так называемым Махатмой Ганди; иначе как кто-нибудь может принять ваши условия? Если он знает, он не примет ни от кого никаких условий ни за какие деньги. Я знаю, что нужно миру. Это не индуизм, это не христианство, это не ислам. Довольно всей этой чепухи! Миру нужно чистое религиозное сознание без каких-либо прилагательных.

Но он был по-своему хорошим человеком. Когда он состарился, он пытался много раз; когда бы я ни приехал в Дели, он приглашал меня в свой дворец и снова так или иначе возвращался к тому же предмету. Я сказал ему:

— Вы сослужили достаточную службу человечеству; теперь больше ничего не нужно. Вы создали машину Амбассадор — это настоящее чудо! Все ее части производят шум,

кроме сигнального гудка. Можно ли оказать человечеству большую услугу?

Поэтому, естественно, когда я несколько дней назад что-то сказал о нем, он, должно быть, очень рассердился. Это очень редкий случай — индийский призрак одурачивает живого немца!

Он был здесь, Четана, и ты все слышала правильно. Но, пожалуйста, не начинай слышать смех призраков; иначе будут проблемы. Призраки всегда здесь; поскольку вы их не слышите, вы не замечаете их присутствия. Поэтому, Четана, не разивай больше эту способность; это опасно. Достаточно слышать меня; нет необходимости слышать никаких небесных голосов. Здесь есть несколько мистиков, которые постоянно слышат небесные голоса. Каждый день я получаю письма: «Я слышал то-то и то-то». Я учу вас быть молчаливыми, я не учу вас ничего слышать. Все эти голоса у вас в голове; они не доносятся с небес. Этот международный звонок действительно издалека — он не пробьется, особенно в сезон дождей, особенно в Индии.

Помни одно: все, что услышано, все, что прочитано, это пустяки. Лишь твое молчание — которое слышит, то молчание, в которое приходят звуки — только это молчание значительно. Перенеси свое сознание с объектов на субъективность, с того, что ты слышишь, на того, кто слышит, с того, что ты видишь, на того, кто видит.

Но Четана пошутила, и я не беспокоюсь о ней. И я люблю такие маленькие шутки: Они претворяют в жизнь идею игривости. Они претворяют в жизнь мое представление о религии.

Последний вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Почему в мире так много религий?

Нагеш, почему в мире так много языков? — потому что так много людей, так много способов выражения. И это не плохо, это хорошо; благодаря этому мир богаче. Такое множество языков делает мир богаче. Оно дает многообразие — столько цветов в саду, и столько птиц...

Только подумай: если бы в мире был только один цветок, маргаритка, весь мир выглядел бы безобразно; или только роза — только один цветок во всем мире. Что ты будешь делать с этими розами? Тогда никто больше не напишет о розах никаких стихов. И если ты сравнишь лицо женщины с розой, она рассердится, она станет угрожать тебе разводом. Розы утратят все значение; они красивы, потому что есть и миллионы других цветов.

Я не думаю, что миру нужна одна религия. Миру нужно религиозное сознание, и тогда это религиозное сознание может течь в таком множестве потоков, какое только возможно. Фактически, мое представление о религии заключается в том, что должно быть столько религий, сколько есть людей — у каждого человека своя религия.

Свой собственный язык иметь трудно; у каждого не может быть собственного языка, иначе никто никого не поймет.

Мулла Насреддин пришел устраиваться на работу. Менеджер посмотрел на него и усомнился в том, что этот человек достаточно квалифицирован. Он спросил его:

— Умеешь ли ты читать и писать?

— Я не умею читать, но я умею писать,
— ответил Мулла Насреддин.

Менеджер был удивлен такой редкой ситуацией — он не мог представить себе, чтобы человек умел писать, но не умел читать. Он сказал:

— Тогда пиши!

Он дал ему лист бумаги, и Мулла тотчас же начал писать на нем. Он писал очень быстро — страница за страницей. Менеджер сказал:

— Хватит! Теперь прочитай то, что ты написал, потому что я не могу этого прочитать.

— Но я же уже сказал тебе раньше, — ответил Насреддин, — что я умею писать, но не умею читать.

Если ты говоришь на языке, которого никто, кроме тебя, не понимает, будет невозможно общаться с людьми. Но религия — ты можешь иметь собственную религию, потому что нет необходимости в передаче религии. Религия это не диалог между тобой и другими людьми; религия это диалог между тобой и существованием. Поэтому подойдет любой язык, или вообще никакого языка, или любой придуманный язык — эсперанто, или что-нибудь в этом роде.

Все эти религии нужно принимать как разные языки, и тогда фанатизм теряет свою опасность. Тогда это прекрасно! Есть церкви, храмы, мечети, гурудвары — если мы думаем, что это разные языки, нет проблем. Ты не видишь, чтобы люди сражались за то, какой язык правилен — хинди, маратхи, английский, немецкий, французский. Какой язык истинный? Никто не задает такого вопроса, потому что все языки произвольны, придуманны. Они не истинные и не ложные — они полезны.

Англичанин, француз и немец спорили о преимуществах своих языков. Француз сказал:

— Французский это язык любви и романтики, самый красивый и чистый язык в мире.

Немец заявил:

— Немецкий это самый сильный язык, язык философов, язык Гете, самый подходящий язык для современного мира науки и технологии.

Когда пришла очередь англичанина, он сказал:

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Вот, — он поднял столовый нож, — Во Франции вы называете это *un couteau*, в Германии вы называете это *ein Messer*. А мы в Англии просто называем это ножом, и этим все сказано.

Именно так спорили религии. Именно таким был спор между религиями: кто прав? Христиане, индуисты, мусульмане, буддисты, джайны — это только разные языки для выражения одного и того же явления. Если однажды это понято, больше нет проблем; я хотел бы, чтобы развивалось *больше* религий.

Фактически, в лучшем мире у каждого человека будет своя собственная религия, потому что религия это способ выразить невыразимое. Это как эстетика: если ты любишь розы, а я не люблю розы, это не проблема. Мы не будем из-за этого сражаться; мы не обнажим мечи и не начнем убивать друг друга: «Кто прав? Этот человек говорит, что красивы лотосы, а я говорю, что красивы розы. Это должно быть решено на поле битвы».

Как ты будешь решать? Ты можешь меня убить, но это ничего не докажет. Даже умирая, я буду говорить, что лотосы самые прекрасные из цветов; моя смерть ничего не изменит в моем видении. Ты можешь убить индуиста, ты можешь убить мусульманина: это совершенно ничего не изменит.

Но именно это век за веком люди делали друг с другом — постоянно сражались. Кто-то называет Бога «Аллахом» — он неправ. Почему? Кто-то называет Бога «Рам» — он неправ. Почему? Потому что ты называешь его «Богом». Бог, Рам, Аллах это имена, придуманные имена того, у чего нет собственного имени — это безымянный опыт.

Нагеш, религий так много, потому что так много людей, разных типов людей. У разных людей разные при-

страстия, у разных людей разные подходы к реальности, реальность многомерна.

Поэтому вот на чем я настаиваю: нам нужно религиозное сознание, вселенский подъем религиозного сознания. Конечно, у него будет много форм, но формы не имеют значения; пока жив дух, формы не имеют значения. Каждая форма прекрасна. Людей так много: у каждого собственное лицо, своя красота. Отпечатки пальцев каждого человека отличаются от отпечатков пальцев всех остальных людей в мире — но это не создает проблем. Отпечатки ног каждого человека на пути к Богу будут отличаться друг от друга.

Когда мы это поймем, возможно великое братство. Этот бессмысленный религиозный фанатизм — «Только я прав» — был очень разрушительным. Он разрушил саму религию; он осудил религию и религиозных людей. Именно поэтому столько людей нерелигиозно, анти-религиозно. Именно то, что религия делала с человечеством до сих пор, создало анти-религиозных людей — атеистов, безбожников, отрицающих Бога. Ответственность за это лежит на священниках, раввинах, Папах, пандитах, шанкарачарьях — вот кто ответственен. Они сделали религию такой уродливой, такой бесчеловечной, такой насильственной, такой глупой, что любой рациональный человек почувствует стыд за то, что он принадлежит к какому-либо религиозному движению.

Мы должны уничтожить все это уродливое наследие прошлого. Мы должны расчистить пространство для будущего. Все приемлемо: в Библии есть своя красота, как и в Коране, как и в Гите. И если ты религиозен, ты будешь наслаждаться Библией так же, как ты наслаждаешься Кораном или Гитой, потому что ты будешь знать, что различаются только языки. И это различие в языках создает разные виды красоты. Пропой Коран, и ты увидишь разницу. Библия не может быть красивой таким же образом; в Коране есть качество пения. Ты можешь пропеть Коран; даже если ты не поймешь смысла, сама музыка станет трансформирующей силой. Фактически, Коран не имеет большого значения; в нем есть великая поэзия, но нет большого значения.

Многие мусульманские друзья, многие мусульманские саньясины спрашивали меня, когда я буду говорить о Коране. Я думал об этом много раз. Много раз я брал в руки Коран, просматривал его и снова откладывал — потому что в Коране нет большого смысла. В нем есть поэзия, и это совершенно другая красота. Это произведение искусства!

Если ты хочешь смысла, тогда тебе подойдет Гита, в ней больше смысла, но не так много поэзии. Тогда в Библии больше смысла, но не так много поэзии. В Библии есть собственная красота. Она так проста, это самое простое писание в мире, и, благодаря тому, что она проста, в ней есть невинность, чистота. Иисус говорит языком крестьянина: притчи и метафоры так примитивны. Но, поскольку они примитивны, в них есть чистота, они не загрязнены — не загрязнены современным умом. Они прямые, они идут прямо к сердцу, как стрела. Но если ты хочешь смысла, тебе нужно заглянуть в Веды, полные философии. У них собственная красота — красота интеллектуальности.

Каждое писание вносит в мир определенный вклад, но никакое писание не может сделать все. Поскольку ты не понимаешь других языков, возникает проблема. Для тебя будет хорошо встретиться с другими религиями.

Именно поэтому я продолжаю говорить, иногда о буддизме, иногда об индуизме, иногда о христианстве, иногда об иудаизме, о хассидах, о дзен, о суфиях — по определенной причине: чтобы дать вам разные видения, чтобы ваши глаза могли стать богаче, чтобы могли немного понимать и другие языки.

Фостер приехал в командировку в Токио, не зная японского языка. Однако ему удалось убедить привлекательную девушку, которая не говорила по-английски, нанести визит в его комнату. Пока они занимались любовью, девушка постоянно с чувством кричала: «Мачигай ана!»

Фостер почувствовал гордость, потому что девушка кричала «Мачигай ана!», и он подумал, что это что-то вроде: «Фантастика!»

На следующий день он играл в гольф с японским промышленным магнатом. Когда японец попал мячом в лунку, Фостер попытался произвести хорошее впечатление и воскликнул:

— Мачигай ана! Мачигай ана!

— Что вы имеете в виду? — спросил озадаченный магнат. — Не в ту лунку?

Хорошо немного знать и другие языки. Тебе очень поможет, если ты получишь некоторые проблески Корана, Библии, Гиты, Дхаммапады. Это сделает тебя менее узколюбным, более снисходительным, более человеческим.

На сегодня достаточно.

Глава 9
Небольшая свет

Лучше тысячи пустых слов
Одно, несущее мир.

Лучше тысячи пустых стихов
Один, несущий мир.

Лучше тысячи пустых строк
Строка Закона, несущего мир.

Лучше Завоевать себя,
Чем победить в тысяче битв.

Когда победа за тобой.

И тебя ее не могут опьянить
Ни ангелы, ни демоны,
Ни небеса, ни ад.

Лучше, чем сто лет поклонения,
Лучше, чем тысячи подношений,
Лучше, чем тысячи отречений от мира
В стремлении к выгоде,
Лучше, чем сто лет поддерживать
В лесу священное пламя —
Одно минование трепета
Перед человеком, завоевавшим себя.

Пойти к такому человеку,
Старого мастера, утвердившегося
В добродетели и святости,
Знающего одержать победу, завоевав
Саму жизнь, красоту, силу и счастье.

Известная история:

Однажды великий немецкий философ, профессор фон Кохенбах, увидел во сне две двери, одна из которых вела непосредственно к любви и раю, а другая — в аудиторию, в которой читалась лекция о любви и рае. Фон Кохенбах не колебался ни мгновения — он отправился слушать лекцию.

Эта история значительна. Это вымысел, но на самом деле это не совсем вымысел. Она представляет человеческий ум: он более заинтересован в знаниях, чем в мудрости, он более заинтересован в информации, чем в трансформации. Он более заинтересован в том, чтобы узнать о Боге, о красоте, об истине, любви, чем в том, чтобы испытать опыт Бога, красоты, истины, любви.

Человеческий ум одержим словами, теориями, системами мыслями, но он совершенно глух и слеп к существованию, которое окружает вас. Но только существующее может освободить, не знание о нем.

Эта история представляет человеческий ум. Но вчера я был очень удивлен. Я читал книгу доктора Сильвано Ариети и доктора Джеймса Сильвано Ариети. В своей книге «Любовь можно найти» они цитируют эту историю. Естественно, я надеялся, что они посмеются над этой историей и будут критиковать весь этот подход. Но меня ждала неожиданность: они защищают эту историю; они говорят, что профессор поступил правильно. Вместо того, чтобы сразу войти в дверь, ведущую в рай, он вошел в аудиторию, в которой читалась лекция о любви и рае — конечно же, другим профессором — и они говорят, что этот профессор поступил правильно. Почему? Они обосновывают это тем, что, пока вы не знаете о любви, как вы можете познать любовь? Если вы сначала не узнаете о рае, как вы можете сразу войти в рай?

На поверхности это кажется логичным: сначала человек должен ознакомиться с тем, что такое рай, и только тогда войти в рай. Сначала вы должны изучить карту. Логично, но все равно глупо; логично только с виду, но глубоко внутри совершенно неразумно.

Любовь не нуждается ни в какой информации о ней, потому что это не что-то вне вас, это само ядро вашего существа. Она уже есть у вас, вам нужно только позволить ей течь. Рай не где-то в другом месте, чтобы вам нужна была карта, чтобы до него добраться. Вы *находитесь* в раю, вы только заснули. Все, что нужно, это пробуждение.

Пробуждение может быть немедленным, пробуждение может быть внезапным — фактически, пробуждение может быть *только* внезапным. Когда вы кого-то будите, он просыпается не постепенно, по частям, мало-помалу. Он не просыпается на десять процентов, потом на двадцать, потом на тридцать, сорок, девяносто девять, девяносто девять и девять десятых и затем сто — нет. Когда вы трясете спящего человека, он просыпается мгновенно. Или человек спит, или он проснулся; между этими состояниями нет ничего. Поэтому Будда говорит, что просветление это внезапный опыт; оно не постепенно, вы не приходите к нему шаг за шагом. Просветление нельзя разделить на части; оно неделимо, это органическое единство. Или оно у вас есть, или его нет.

Но человек по-прежнему цепляется за слова — слова, которые пусты, слова, которые не несут никакого смысла, слова, в которых нет никакого значения, слова, которые были произнесены такими же невежественными людьми, как и вы. Может быть, они образованны, но образование не излечивает от невежества. Знание о свете не разгонит тьму. Вы можете узнать о свете все, что только доступно в мире; вы можете собрать у себя в комнате библиотеку, состоящую сплошь из книг о свете, и все же вся эта библиотека не сможет разогнать тьму. Чтобы разогнать тьму, вам нужна небольшая свеча — она совершит это чудо.

Заглянув в Британскую Энциклопедию, я был счастлив узнать, что в ней нет статьи о любви. Это великое прозрение! Фактически, ничто не может быть написано о любви. Человек может любить, может быть в любви, может даже стать любовью, но ничего нельзя написать о любви. Этот опыт так тонок, а слова так грубы.

Именно из-за слов человечество было разделено. Некоторые люди верят в одни пустые слова — они называли себя индуистами; другие верят в другие пустые слова — они называют себя евреями; третьи называют себя христианами, мусульманами, и так далее, и тому подобное. Все они верят в пустые слова. Дело не в том, что вы пережили нечто. Ты, что вы индуист, еврей или мусульманин не основано на вашем опыте — это заимствовано. А все заимствованное бесполезно.

Но человек очень пострадал от слов. Некоторые люди верят в Талмуд, некоторые люди верят в Дао-дэ-цзин, некоторые верят в Дхаммападу... и они продолжают сражаться, ссориться, критиковать — и, более того, убивать друг друга. Вся история полна кровопролития — во имя Бога, во имя любви, во имя братства, во имя человечности.

Госпожа Розенбаум была вынуждена искать ночлега в одном очень «исключительном» отеле. Его «исключительность» заключалась в том, что в нем исключались евреи. Она вошла и приемную и сказал служащему:

— Мне нужна комната.

— Прошу прощения, — ответил служащий. — Свободных комнат нет.

— Тогда зачем это объявление о свободных комнатах?

— Мы не пускаем евреев.

— Но сам Иисус был евреем.

— Откуда вы знаете, что Иисус был евреем?

— Он занимался бизнесом своего отца. И, к тому же, случилось так, что я была обращена в католицизм. Задайте мне любой вопрос, и я это докажу.

— Хорошо, — сказал служащий. — Как родился Иисус?

— Непорочным зачатием. Его маму звали Мария, а папу Святой Дух.

— Правильно, а где родился Иисус?

— В конюшне.

— Правильно. А почему он родился в конюшне?

— Потому что, — отчаканила миссис Розенбаум, — такой же ублюдок, как вы, не захотел сдать еврейской женщине комнату!

Но эти ублюдки повсюду. Они стали священниками, раввинами, пандитами, шанкарачарьями и Папами. Эти люди хитры и коварны — в словах. Они логичны, они умеют сбить с толку; они могут спорить до бесконечности о бесполезных вещах, о таких глупых вещах, что через несколько веков вы над всем этим смеетесь.

В средние века христианские священники — католики, протестанты и другие — вели великую дискуссию; много веков продолжался великий спор о том, сколько ангелов может стоять на острие иглы. Это был великий теологический спор, который потряс всю Европу, как будто в этом было что-то чрезвычайно важное. Какое это имеет значение? Но человечество было подвержено таким глупостям многие столетия.

Во времена Будды одной из величайших проблем, обсуждаемых всеми сектами, было то, существует ли один ад, или семь, или семьсот. Индуисты верили в один ад, джайны говорили о семи адах; а ученик Махавиры, Гошалак, который предал своего мастера, стал говорить о семистах.

Кто-то спросил Гошалака:

— Почему ты говоришь, что твоя философия выше, что она превосходит философию Махавиры?

— Посмотри, — ответил он, — у него есть только семь адов, а я знаю о семистах. Он дошел только до седьмого, а я проделал все путешествие. Существует семьсот адов, в точности таких же, как эти семь. Его знание очень ограничено, он не знает всей истины.

Вы можете продолжать говорить такие вещи. Тот или другой дурак может сказать, что существует семьсот адов и еще один...

Французский профессор беседовал с американским. Французский профессор сказал:

— Любовью можно заниматься в ста позах.

— Есть сто одна поза, — возразил американский профессор.

Возник большой спор. Американец предложил:

— Опишите ваши сто поз, а я опишу свою сто одну.

Французский профессор в деталях описал сто поз. Последняя предлагала висеть на абакюре и делать это женщине в ухо!

Пришла очередь американца. Он сказал:

— Вот стопервая поза: женщина лежит на спине, а мужчина на ней.

— Боже мой! — воскликнул французский профессор. — Я никогда не думал об этом! Значит, вы правы — есть сто одна поза. Вам не нужно описывать все; это действительно так. Об этой позе я никогда не слышал, никогда не думал, никогда не представлял. В вас, американцах, что-то есть!

Эти профессора, эти ученые управляли человечеством, и они отвлекли человечество от простого существования, от простой жизни. Они сделали ваши умы очень изощренными, умными, коварными, знающими, но они разрушили вашу невинность и удивление. А именно невинность и удивление становятся мостом к немедленному — а немедленное это также и высочайшее.

Будда говорит:

Лучше, чем тысяча пустых слов,

Одно, несущее мир.

Лучше, чем тысяча пустых слов... Ваши писания полны пустых слов, ваши умы полны пустых слов. Вы продолжаете говорить, даже не осознавая того, что вы говорите. Когда вы употребляете слово «Бог», знаете ли вы, что оно означает? Как вы можете это знать, если вы никогда не знали Бога? Это слово пусто, само по себе слово не может иметь никакого значения; значение приходит только из опыта.

Когда вы знаете Бога и произносите слово «Бог», оно полно света, оно сияет, как бриллиант. Но когда вы не знаете ничего от Бога, лишь слово «Бог», которому вас научили другие, это обыкновенная бесцветная галька, без сияния, без света. Вы можете продолжать носить ее с собой; это только тяжесть, бремя. Вы можете тащить ее. Она не станет вашими крыльями, она не сделает вас легкими, она никаким образом не поможет вам приблизиться к Богу. Фактически, оно будет препятствовать вам, мешать вам, потому что, чем больше вы думаете о Боге, зная лишь слово «Бог», тем меньше вы исследуете реальность Бога. Чем более вы становитесь знающими, тем менее возможно, что вы будете искать приключения поиска истины Бога. Когда вы уже знаете, какой смысл в поисках и исследованиях? Вы

убили вопрос. Вы не разрешили его; вы получили его от других. Но чужие ответы не могут быть вашими ответами.

Будда знает, но когда он говорит, его слова не могут нести его опыта. Когда они покинули его сердце, они были полны света, они были полны танца. Когда они достигают вас, они тупы, мертвы. Вы можете накапливать эти слова, вы можете думать, что вы владеете великим сокровищем, но у вас совершенно ничего нет. Все, что у вас есть, это пустые слова.

Будда хочет, чтобы вы осознали это явление, потому что оно имеет огромное значение. Пока вы не свободны от пустых, полых слов, вы не начнете путешествие поиска. Пока вы не отбросите свое так называемое знание, пока вы не выбросите всю информацию, пока вы не станете снова невинны как ребенок, невежественны как ребенок, ваш поиск будет тщетным, поверхностным.

Лучше, чем тысяча пустых слов, одно, несущее мир. Каков критерий? Какое слово сияет? Какое слово действительно полно аромата? Слово, несущее мир. И это слово никогда не приходит извне — это тихий шепот вашего собственного сердца. Он слышен в глубочайших тайниках твоего существа: это звук твоего собственного существа, это песня твоей собственной жизни.

Его нельзя найти в писаниях, его нельзя найти в учебных лекциях. Его можно найти, лишь если ты идешь вовнутрь; его можно найти лишь в медитации, в глубоком молчании. Когда все заимствованное знание оставлено, и ты остаешься один, когда все писания сожжены, и ты остаешься один, когда ты ничего не знаешь, когда ты функционируешь из состояния не-знания — тогда он слышен, потому что весь грохот знания и шум стихает... и слышен этот тихий шепот. И тогда, одно слово... одно-единственное слово: это звук *ом*.

В то мгновение, когда вы входите в собственное существо, вы будете удивлены тем, что там постоянно звучит звук, который кажется похожим на «ом». Мусульмане услы-

шали его как «амин» — это *ом*; христиане слышали его как «аминь»; это один и тот же звук. Поэтому христиане, мусульмане, индуисты, джайны, буддисты — все они заканчивают молитву словом *ом*. Молитва обязательно заканчивается словом *ом*; молитва делает тебя более и более молчаливым... в конце концов, не остается ничего, кроме *ом*. Все индуистские писания заканчиваются словами *ом*, *шанти*, *шанти*, *шанти* — *ом*, мир, мир, мир. Это слово «ом».

И критерий, чтобы судить о том, действительно ли вы слышали его, или только притворились и вообразили, что вы его слышите, в том, что оно приносит мир. Внезапно вы полны мира — мира, которого вы никогда раньше не знали.

Мир это нечто, превосходящее счастье, потому что за счастьем всегда следует несчастье; это всегда смесь полярных противоположностей: счастье/несчастье. Подобно дню и ночи, они сменяют друг друга.

Если ты пессимист, ты можешь считать ночи, если ты оптимист, ты можешь считать дни; это единственная разница между людьми. Есть люди, которые говорят: «Между двумя днями есть одна ночь» — они оптимисты. А другие люди говорят: «Между двумя ночами есть один день» — они пессимисты.

Но в действительности и те, и другие неправы. У каждой ночи есть свой день, и у каждого дня своя ночь; они равноценны. Все полярные противоположности равноценны; именно так существование поддерживает равновесие. Если сегодня у вас есть счастье, подождите — завтра придет несчастье. Если сегодня вы несчастны, не беспокойтесь — счастье не за горами.

В индийских деревнях матери не позволяют детям слишком много смеяться, потому что, они говорят: «Если ты слишком много смеешься, тебе придется плакать, тебе придется рыдать». И в этом есть великая мудрость — примитивная мудрость, простая, но в этом есть некоторая истина. Матери в индийских деревнях останавливают детей, если

они слишком много смеются и хохочут. Они говорят: «Прекрати, прекрати немедленно! Иначе скоро ты заплачешь, и придут слезы!»

Это неизбежно, потому что природа поддерживает равновесие.

Мир это нечто гораздо высшее, чем счастье. Будда не называет его блаженством именно по этой причине: если вы назовете это блаженством, люди тут же воспримут это как «счастье». Блаженство дает им идею об абсолютном счастье, великом счастье, огромном счастье, невероятном счастье, но различие между счастьем и блаженством в умах людей только в количестве, как будто блаженство это океан, а счастье — лишь капля. Но разница не только в количестве — количественная разница это на самом деле не разница, это не то отличие, которое отличается. Только качественные различия это настоящие различия.

Поэтому Будда предпочел «мир» «блаженству». Он говорит мир — он придает поиску, исследованию совершенно другое направление. Мир означает ни счастье, ни несчастье.

Счастье это также состояние шума, состояние напряжения, волнения. Вы не замечали? — вы не можете оставаться счастливыми долго, потому что это начинает действовать вам на нервы; вы начинаете чувствовать усталость, скуку. Да, до определенных границ вы можете его терпеть; но дальше это становится невозможным. Долго ли вы можете продолжать обнимать свою женщину? Да, на несколько мгновений это прекрасно, это экстаз, но надолго ли? Одна минута, две, тридцать, шестьдесят, один день, два? Долго ли? В следующий раз попробуйте, и вы сможете заметить точку, в которой счастье превращается в несчастье.

Когда вы хотите получить женщину, вы так соблазнены, привлечены. И женщины интуитивно знают это, поэтому они делают все, чтобы ускользнуть у вас из рук. Они создают иллюзию, они не становятся слишком доступными. Они осознают — осознают интуитивно, не интел-

лектуально — что вся эта привлекательность скоро пройдет, вся эта великая любовь скоро умрет. Все умирает; все, что рождено, обязательно умрет. В этом смысле они гораздо более разумны — они избегают, скрываются. Они позволяют вам лишь некоторую близость, и зотем они снова далеко. Это позволяет игре продолжаться; иначе игра закончилась бы слишком скоро. Счастье приходит только на некоторый срок. После оно оборачивается полной противоположностью; оно становится кислым, горьким.

Мир означает выход за пределы волнения счастья и волнения несчастья. Есть люди, для которых привлекательно и несчастье; современная психология называет их мазохистами. Они наслаждаются тем, что мучают себя. В прошлом те же самые мазохисты становились великими махатмами, великими мудрецами, святыми. Если их понять психологически, с современными прозрением в человеческий ум, ваши так называемые святые — почти дваносто процентов ваших так называемых святых — будут выглядеть мазохистами, или даже девяносто девять процентов. Если вы заглянете глубоко, вы найдете, что эти люди наслаждаются тем, что мучают себя. Это люди, которые продолжают долгие посты, лежат на кроватях из гвоздей, стоят на солнце или холоде, сидят обнаженные среди гималайских снегов. Это мазохисты.

И, с другой стороны, существует садизм. Есть люди, которые наслаждаются тем, что мучают других. Фактически, все человечество — почти все человечество, за исключением будд — может быть разделено на эти два лагеря. В мире есть две настоящие религии: мазохизм и садизм. Мазохисты становятся религиозными людьми, а садисты становятся политиками. Александр Великий, Тамерлан, Надир-шах, Чингиз-хан, Адольф Гитлер, Муссолини, Иосиф Сталин, Мао-цзе-Дун — все эти люди наслаждаются, мучая других. Мучить других так же патологично, как и мучить себя.

Человек, который хочет счастья, неизбежно будет садистом. Проанализируйте свое счастье, то, что у него в глубине. Если ваш дом больше, чем дом соседа, вы сча-

стливы. Фактически, тем, что ваш дом больше, вы мучаете соседа: это очень тонкое мучение.

Я часто останавливался в одном из самых красивых домов Калькутты. Это был очень красивый, очень старый Викторианский колониальный дворец, это был лучший дом в Калькутте. Этот человек очень гордился им, и, когда бы я ни приехал, он постоянно говорил об этом доме, о саде, о том и об этом — но все его разговоры вертелись вокруг дома.

Однажды случилось так, что я прожил там три дня, и он ни разу не упомянул о доме.

— Что случилось? — спросил я. — Ты что, стал саньясином? Отрекся от мира? Ты не говоришь о доме!

Он посмотрел на меня грустными глазами и ответил:

— Разве ты не видишь, что по-соседству построили новый дом?

Я видел этот дом. Был построен новый мраморный дом, и, несомненно, он был больше и красивее. И он сказал:

— С тех пор, как построили этот дом, вся моя радость кончилась. Ты не можешь себе представить, в каком страдании я живу.

— Но ты живешь в том же самом доме! Это *тот же самый* дом, и ты был так счастлив. И ты по-прежнему живешь в том же доме. Почему ты должен быть несчастным? Какое отношение это имеет к соседям? И если ты чувствуешь себя несчастным из-за соседа, запомни одно: когда ты был чатлив из-за этого дома, это не было связано с домом — это было связано с соседями, потому что они жили в маленьких домах. И если тебя так мучает дом соседа, помни, должно быть, твой дом был долгим муче-

нием для твоего соседа. То, что он построил новый дом, это просто месть.

Владелец нового дома пригласил меня на обед. Он попросил прийти и моего хозяина, но тот сказал, что он очень занят. А он совершенно не был занят! Когда этот человек ушел, я сказал ему:

— Ты ничем не занят.

— Я ничем не занят, — ответил он, — но я не могу прийти в этот дом — пока я не построю дом еще больше. Да, только обожди! Через два, три года я построю дом еще больше, это вопрос престижа. Как только у меня будет больший дом, я приглашу этого человека на обед.

Именно так живут люди.

Если вы будете наблюдать собственный ум, вы наслаждаетесь вещами, потому что их нет у других. Вы не наслаждаетесь, если они есть у них, вы не наслаждаетесь тем, что они есть у вас.

Такова патология человека: один человек садист, он наслаждается тем, что несчастны другие; другой человек становится мазохистом. Видя, что наслаждаться мучением других нехорошо, видя, что это грешно, видя, что за это придется страдать в аду, осознав, что это не добродетельно, он становится мазохистом, он начинает мучить себя. Но мучение продолжается.

Мир означает состояние внутреннего здоровья, состояние внутренней целостности, когда вы не мучаете других, не мучаете себя, когда вы не заинтересованы ни в счастье, ни в несчастье. Вы просто заинтересованы в том, чтобы быть абсолютно молчаливым, тихим, спокойным, собранным, интегрированным.

Да, когда ум отброшен... а ум означает все ваше прошлое, все, что вы знаете, все, что вы собрали. Ум это ваше тонкое сокровище, ваша тонкая собственность. Когда весь

этот ум отброшен, и вы вошли в состояние не-ума, нисходит великий мир. Это молчание, оно полно блаженства, но Будда избегает этого слова. Я не избегаю его.

Будда должен был его избегать, потому что во времена Будды было слишком много разговоров о блаженстве. О нем говорили Упанишады, о нем говорил Махавира, о нем говорила вся индуистская традиция. *Сат-чит-ананд* — Бог есть истина, сознание, блаженство, но высочайшее качество это блаженство. Слишком много разговоров о блаженстве. Должно быть, Будда почувствовал, что лучше не использовать этого слова. Это слово стало слишком ортодоксальным, слишком традиционным, слишком конформистским. И из-за того, что оно так часто использовалось, оно утратило свое значение, свой вкус, свою соль; оно утратило свою красоту. Но сейчас его можно снова вернуть к жизни; теперь никто не говорит о блаженстве.

Но неважно, называете ли вы это миром или блаженством. Просто поймите одну вещь: оно уводит вас за пределы всех двойственностей. День и ночь, лето и зима, жизнь и смерть, боль и удовольствие — оно уводит вас за пределы всех двойственностей — любовь и ненависть. Оно уводит вас за пределы всех двойственных явлений. Оно приводит вас к единому.

Поэтому Будда говорит: *одно слово*. Это простое, мелодичное, гармоничное состояние внутреннего здоровья, внутренней нормальности. Одного слова достаточно, оно гораздо более значительно. *Лучше, чем тысяча пустых слов...*

Лучше, чем тысяча пустых стихов,

Один, несущий мир.

Поэты поэтам рознь. В мире есть два типа поэтов. Первый это поэт-мечтатель, с богатым воображением, фантазией. Он создает произведения искусства, он соз-

дает скульптуру, музыку, поэзию, но все это остается произведением снов. Это может на некоторое время развлечь вас, но не может дать вам никакого прозрения в реальность. Это может быть утешением, успокоением, колыбельной; это может иметь на вас транквилизирующее воздействие. Да, именно так оно действует. Все, что называется эстетикой, искусством... действует на вас, как транквилизатор.

Слушая классическую музыку, вы впадаете в состояние совершенно другого рода. Все становится тихим, спокойным, но лишь мгновенно; это только сон, который создает вокруг вас музыкант. Слушая стихи или глядя на великую скульптуру, вы на мгновение ошеломлены, оглушены. Ум останавливается, как если бы на мгновение вы были перенесены в какой-то другой мир, но тут же вы снова в прежнем мире, в той же прежней колее.

Но есть и другой вид поэтов, художников, скульпторов: будды. Единственная строка их поэзии может трансформировать вас навсегда. Слушать будду значит слушать божественную музыку. Слушать будду значит слушать самого Бога. Будда это видимый Бог, будда это доступный Бог. Будда это окно в Бога, приглашение из запредельного. Шекспир, Мильтон, Калидас, Бхавабхути и тысячи других — это мечтатели, великие мечтатели; их сны красивы, но это не те поэты, которые могут трансформировать ваше существо. Это может сделать Мухаммед, это может сделать Христос, это может сделать Кришна, это может сделать Будда, Кабир, Нанак, Фарид — да, эти люди могут это сделать.

В чем разница между поэзией Шекспира и Кабира? Что касается поэзии, помните: Шекспир гораздо более поэтичен, чем Кабир. Кабир ничего не знает об искусстве. Шекспир очень изощрен; но все же одно-единственное стихотворение Кабира более ценно, чем все собрание сочинений Шекспира — потому что одно слово Кабира исходит из прозрения, не из фантазии. В этом разница.

Кабир обладает ясностью, у него есть глаза, которые могут видеть запредельное. Шекспир так же слеп, как и вы.

конечно, он очень искусен в том, чтобы выражать свои фантазии в словах. Это искусство, и оно достойно уважения, но, самое большее, оно может вас развлечь. Оно может прекрасно удерживать вас занятыми, но в нем не происходит никакой возможности трансформации. Даже Шекспир не является трансформированным существом, как он может трансформировать вас?

Лишь будда, лишь тот, кто пробужден, может пробудить вас. Шекспир спит так же крепко, как и вы, и, может быть, еще крепче, потому что ему снятся такие прекрасные сны. Его сон неизбежно глубок, потому что он не только видит сны, он воспекает свои сны. Он позволяет своим снам выражение — и все же его сон не нарушен.

Будда это тот, кто пробужден. Лишь тот, кто пробужден, может пробудить вас. *Лучше, чем тысяча пустых стихов, один, несущий мир.* Как вы узнаете, что вы рядом с буддой? Само его присутствие приносит вам трансцендентный мир.

Поэтому будда из прошлого не может оказать большой помощи, потому что его слова это снова пустые слова; он не будет присутствовать в них. Это будет лишь прекрасной клеткой, золотой клеткой, инкрустированной бриллиантами, но птица покинула эту клетку давным-давно.

Будда значителен, лишь пока он жив, потому что лишь его жизнь может запустить в вас процесс, который в конце концов приведет к пробуждению.

Лучше, чем тысяча пустых строк,

Одна строка закона, несущего мир.

Под законом Будда не подразумевает моральный, социальный или политический закон. Под законом Будда подразумевает дхарму: *Аэс дхаммо санантано* — высочайший закон, вечный закон, закон, который делает вселенную

из хаоса космосом, закон, который организует вселенную в такую прекрасную гармонию.

Лучше, чем тысяча пустых строк... «Строки» это на самом деле не лучший перевод. В оригинале это слово *сутра*: *сутра* буквально означает нить. На Востоке величайшие высказывания мастеров назывались сутрами, нитями, по определенной причине. Человек рождается как груда цветов, только груда. Если не использована нить, если нить не продета через цветы, груда останется грудой и никогда не станет гирляндой.

Вы можете быть предложены Богу, лишь когда вы стали гирляндой. Груда это хаос, гирлянда это космос — хотя в гирлянде вы видите только цветы; нить не видна.

Высказывания мастеров называются сутрами, нитями, потому что они могут сделать вас гирляндами. Только когда вы стали гирляндой, вы становитесь подношением Богу, лишь когда вы стали космосом, гармонией, песней.

Прямо сейчас вы это лишь тарабарщина. Вы можете записывать... сядьте у себя в комнате, закройте дверь и начните записывать на листке бумаги все, что приходит вам на ум. Не редактируйте, ничего не уничтожайте, ничего не добавляйте, потому что вы никому не будете этого показывать. Положите рядом коробок спичек, чтобы, когда вы закончите писать, вы могли немедленно это сжечь, чтобы вы могли быть подлинным. Просто пишите все, что приходит вам на ум, и вы будете удивлены: лишь десять минут этого упражнения, и вы поймете, что я имею в виду, когда говорю, что вы это только тарабарщина.

Это действительно великое откровение — увидеть, как ум продолжает перескакивать с одного на другое, с одного предмета на другой, случайно, без всякой причины. Какая чепуха продолжается у вас внутри, без всякого значения, без всякой последовательности. Просто пустая растрата, рассеивание энергии!

Высказывания будд называются сутрами. Здесь переводчик использовал слово «строки». Лингвистически это

правильно, но это не лингвистические вещи. Это одна из величайших проблем: переводить высказывания Будды, Христа, Кришны это действительно почти невозможная работа. И те, кто переводит их, сами не пробужденные; это великие ориенталисты, лингвисты, языковеды. Они знают язык оригинала, но они знают лишь язык — а язык это не суть, язык это только одежды.

Поэтому помните: *Лучше, чем тысяча пустых строк* означает *лучше, чем тысяча пустых сутр* — логических, философских, предложенных великими философами и мыслителями, но пустых, потому что они не содержат никакого опыта.

...*Одна строка закона* — одна сутра закона. Кто может утверждать сутру закона? Лишь тот, кто стал пробужденным, лишь тот, кто стал единым с высочайшим законом, лишь тот, кто сам стал дхармой. Не религиозный человек, но тот, кто сам стал самой религией. Как вы будете судить? — снова тот же критерий: он приносит мир.

Почему вы здесь со мной? Будьте здесь, лишь если мое присутствие приносит вам мир. Будьте здесь, лишь если, когда вы слушаете меня, у вас внутри начинает вибрировать аккорд, который приносит мир. Будьте здесь, лишь если ваша любовь ко мне помогает вам трансцендировать мир двойственностей; иначе быть здесь бесполезно.

Мое присутствие не может быть для всех; оно лишь для немногих избранных, лишь для тех, кто действительно жаждет, исследует, кто действительно хочет рискнуть всем, чтобы узнать Бога, кто готов умереть за истину, кто готов пожертвовать всем.

Лучше завоевать самого себя,

Чем победить в тысяче битв.

Мир это победа. Когда мир окружает вас снаружи и изнутри, вы переполнены миром, вы пришли домой, вы завоевали себя, вы — мастер.

Лучше завоевать себя, чем победить в тысяче битв. Один будда гораздо более значителен и ценен, чем миллионы Адольфов Гитлеров. И это победа это нечто, что действительно является победой, потому что любые другие победы могут быть отняты у вас. Александр Великий умирает так же, как и любой нищий; он не может ничего взять с собой. Он завоевал весь мир, и он уходит как нищий...

Говорят, что в жизни Александра Великого было три знаменательных случая. Первый, когда он встретился с великим мистиком, Диогеном. Диоген лежал на берегу реки голый и принимал солнечную ванну. Было раннее утро... утреннее солнце, красивый берег реки и холодный песок. Мимо проходил Александр; он собирался в Индию.

Кто-то сказал ему:

— Ты всегда спрашивал о Диогене, а он сейчас совсем близко. — потому что он слышал множество рассказов об этом человеке. Это действительно был человек, достойный называться человеком! Даже Александр глубоко внутри завидовал Диогену.

Он пришел его повидать. На него произвела впечатление красота Диогена — обнаженного, неприкрашенного, без каких-либо украшений. На нем самом было множество украшений, он был украшен, как это только возможно, но рядом с Диогеном он выглядел очень бедно. И он сказал Диогену:

— Я завидую тебе. В сравнении с тобой я выгляжу жалко — а у тебя ничего нет! В чем твое богатство?

— Я ничего не хочу, — ответил Диоген. Мое сокровище это мое отсутствие желаний. Я мастер, потому что я ничем не владею — не обладание это мое мастерство, и я завоевал мир, потому что я завоевал самого себя. И моя победа останется со мной, а твоя победа будет отнята смертью.

И вторая история: Когда он возвращался из Индии... Его учитель сказал ему:

— Когда ты будешь возвращаться из Индии, приведи саньясина, потому что это величайший дар Индии миру.

Явление индийского саньясина совершенно уникально. Нигде больше идея превосходения мира не владела умами так тотально, как в этой стране.

Учителем Александра был Аристотель. Аристотель попросил его:

— Приведи саньясина, когда будешь возвращаться. Я хотел бы посмотреть, что такое саньясин, как он выглядит.

Когда Александр завоевал Индию и собрался возвращаться обратно, он вспомнил об этом. Он стал спрашивать, где можно найти саньясина. Люди сказали:

— Саньясинов много, но настоящих саньясинов очень мало. Мы знаем одного.

В александрийских хрониках написано, что его звали Дандамеш — это может быть греческой версией индийского имени. Александр пришел к нему — и снова та же красота, что и красота Диогена, тот же мир. Когда случается пробуждение, оно приносит нечто похожее. Вы найдете, что каждый будда окружен одной и той же весной, тем же ароматом, тем же миром.

Снова когда он вошел в энергетическое поле Дандамеша, оно чрезвычайно подействовало на него, как будто он вошел в благоуха-

ющий сад. Он тотчас же вспомнил Диогена. Он сказал Дандамешу:

— Я пришел пригласить тебя — пойдем со мной. Ты будешь королевским гостем, тебе будут обеспечены все удобства, но ты должен отправиться со мной в Афины.

— Я отбросил все приходы и уходы, — ответил Дандамеш. Он говорил о чем-то другом; Александр понял не сразу. Он говорил:

— Нет прихода в мир, и нет ухода из мира. Я вышел за пределы всех приходов и уходов.

То, что на Востоке мы называем *авагаман* — приход и уход; приход в матку и уход в смерть.

— Но это приказ, — сказал Александр. — Я приказываю тебе! Ты должен повиноваться. Это приказ Великого Александра!

Дандамеш рассмеялся. Один и тот же смех — Александр вспомнил Диогена — тот же смех. Дандамеш сказал:

— Никто не может мне приказывать, даже смерть.

— Ты не понимаешь, — сказал Александр, — я опасный человек! — Он обнажил меч и сказал, — Или ты идешь со мной, или я отрублю тебе голову.

— Сделай это, отруби мне голову, — ответил Дандамеш, — потому что то, что ты собираешься сделать сейчас, я сделал много лет назад. Когда голова упадет, ты увидишь, как она падает на землю, и я увижу, как она падает на землю.

— Как ты сможешь увидеть? — спросил Александр. — Ты умрешь!

— В этом вся суть: я больше не могу умереть, я стал свидетелем. Я буду свидетельствовать свою смерть так же, как будешь свидетельствовать ты. Она случится

между нами двумя — ты увидишь, я увижу. Моя цель в теле выполнена: я достиг. Больше нет необходимости в существовании тела. Отруби мне голову!

Александр вложил меч обратно в ножны — вы не можете убить такого человека.

И третья история:

Когда Александр умирал, он вспомнил Диогена и Дандамеша, он вспомнил их смех, их мир, их радость.

Он вспомнил, что у них было нечто, что выходит за пределы смерти: «У меня ничего нет».

Он заплакал, слезы покатались у него из глаз, и он сказал своим министрам:

— Когда я умру, и вы понесете мое тело на кладбище, пусть мои руки свисают из гроба.

— Но это против традиции! Зачем? Зачем эта странная просьба?

— Я хотел бы, чтобы люди видели, что я пришел с пустыми руками и уйду с пустыми руками, что вся моя жизнь была пустой расстройкой. Пусть мои руки свисают из гроба, чтобы каждый мог увидеть — даже Александр Великий уходит с пустыми руками.

Эти три истории стоят того, чтобы на них медитировать.

Будда говорит: *Лучше завоевать себя, чем победить в тысяче битв.*

Тогда победа за тобой.

Ни одна другая победа не принадлежит вам. Она не может быть отнята у вас — вот почему она за вами.

Она не может быть у тебя отнята

Ни ангелами, ни демонами,

Ни небесами, ни адом.

Никто не может отнять ее у вас. Помните, лишь то, что не может быть у вас отнято, ваше. Все, что может быть отнято, не ваше. Не цепляйтесь за это, потому что это цепляние приносит вам страдание. Не стремитесь обладать ничем, что может быть отнято у вас, потому что это обладание принесет вам боль. Живите с тем, что по-настоящему ваше, что никто не может у вас отнять. Это не может быть украдено, это не может быть отнято грабителями, в отношении этого вы не можете стать банкротом. Этого не может отнять даже смерть.

Кришна говорит: *Наинам чхинданти шастрани* — вы не можете завоевать этого оружием, его нельзя разрубить мечом, в него нельзя попасть стрелой, пули абсолютно бессильны перед ним. *Наинам дахати паваках* — и его не может сжечь огонь.

Когда ваше тело будет гореть в погребальном костре, вы не сгорите — если вы узнали себя, если вы поняли, что есть это сознание у вас внутри. Если вы завоевали свое сознание, тогда тело сгорит, сгорит дотла, но вы не сгорите, огонь даже не коснется вас. Вы останетесь навсегда — вы вечны. Но эта вечность может быть познана, лишь если вы сами стали мастером.

Не тратьте времени на то, чтобы стать хозяином других, чтобы завоевать власть, перстич, чтобы завоевать мир. Завоюйте самих себя. Единственная вещь, достойная завоевания, это ваши собственные существа.

Лучше, чем сто лет поклонения,

Лучше, чем тысяча подношений,

*Лучше, чем тысяча отречений от мира
В стремлении к выгоде,
Лучше, чем сто лет поддерживать
Священное пламя в лесу —
Одно мгновение почтения перед
Человеком, который завоевал себя.*

Чрезвычайно значительная сутра. Медитируйте на нее медленно. *Лучше, чем тысяча лет поклонения... одно-единственное мгновение почтения перед человеком, который завоевал себя.* Почему? — потому что в храмах вы будете поклоняться лишь камням. А поклоняясь камням — в храме или в Каабе — поклоняясь статуям и изображениям, поклоняясь мертвым писаниям, поклоняясь ритуалам и формальностям, вы не получите никакого вкуса природы будды.

Но *одно мгновение почтения перед человеком, который завоевал себя*, гораздо более ценно. Почему? — потому что в то мгновение, когда вы склоняетесь перед человеком, который завоевал себя, в мгновение, когда вы склоняетесь перед буддой, нечто от будды, нечто от его вибрации проникает в вас, касается вашего спящего сердца, проникает в ваше существо, как луч света в темную ночь души, приносит вам первый проблеск божественного.

Это не возможно ни в храмах, ни в мечетях, ни в церквях, ни в синагогах, ни в гурудварах. Это возможно, лишь если вы рядом с Нанаком, но не в гурудваре. Это возможно, лишь если у вас любовный роман с Иисусом, но не в церкви. Это возможно, если вы сдались будде, если вы сказали будде: «*Буддам шаранам гаччхами — я касаюсь ног Будды, я отдаю себя*». Но это не возможно в буддистском храме; это не возможно перед статуей Будды. Вам придется найти живого будду — другого пути нет. Нельзя срезать никаких углов.

Лучше, чем тысяча подношений, лучше, чем тысяча отречений от мира... одно мгновение почтения перед человеком, который завоевал себя.

Прежде всего, почему вы поклоняетесь? Почему вы приносите к статуям цветы и пищу? Почему вы отрекаетесь от тысячи мирских вещей? — из жадности и страха. Или страх, или жадность, или, возможно, и то и другое, потому что страх и жадность ничем не отличаются — это две стороны одной монеты. Жадность это скрытый страх, а страх это скрытая жадность.

Жадны не только мирские люди, так называемые люди не от мира сего так же жадны, или, может быть, даже более жадны. Они настолько жадны, что этот мир не может удовлетворить их жадность. Они настолько жадны, что они хотят небесных удовольствий: лишь рай может их удовлетворить, этого мира недостаточно. И именно этому продолжают вас учить ваши так называемые святые. Они говорят: «Зачем тратить время на мгновенные удовольствия? Следуйте за нами! Мы покажем вам, как найти удовольствия, которые длятся вечно».

Но это чистая жадность! Мирской человек кажется менее жадным, потому что он удовлетворен мгновенным, а не мирской человек так жаден, потому что он хочет чего-то постоянного, длящегося вечно. Мирской человек жаден, не мирской человек жаден.

Ваши священники это очень жадные люди, ваши монахи это очень жадные люди.

Однажды протестантский священник пришел в парикмахерскую Бонателли, чтобы постричься. Когда стрижка была закончена, он потянулся за кошельком, но парикмахер покачал головой и улыбнулся:

— Отложите свой кошелек, Преподобный, — сказал итальянец. — Я никогда не беру денег с духовных людей.

Священник поблагодарил и ушел, но вскоре он вернулся и подарил благочестивому парикмахеру Библию.

Несколько часов спустя в парикмахерскую зашел Отец Рурк и также был пострижен. Снова парикмахер отказался от денег:

— Забудьте об этом, Отец Рурк. Я не беру денег со священников.

Отец Рурк ушел и вскоре вернулся с распятием, которое он подарил Бонателли в знак благодарности.

Вечером в парикмахерскую зашел раввин. Он также постригся. Когда раввин засунул руку в карман, парикмахер замахал руками.

— Не нужно денег, раввин, — сказал Бонателли. — Я не беру денег с людей, делающих божью работу.

Раввин удалился, и вскоре вернулся с другим раввином!

Люди живут из жадности или из страха. Некоторые люди боятся ада, и поэтому поклоняются; некоторые люди жаждут небес, и поэтому поклоняются.

Суфийская история:

Иисус пришел в один город. Он увидел группу людей, которые сидели очень печально, в глубокой агонии; он никогда не видел такого количества печальных людей. Он спросил:

— Что с вами случилось? Какое бедствие обрушилось на вас?

— Мы боимся ада, — ответили люди, — мы дрожим. Мы не знаем, сможем ли мы спастись от ада — и это наш страх, наша постоянная агония. Мы не можем спать, мы не можем отдыхать, пока мы не найдем способ избежать этого.

Иисус прошел мимо этих людей. Лишь немного дальше под деревом сидела другая группа, очень печальная, очень тревожная, в точности как и первая. Иисус был очень озадачен. Он спросил:

— Что случилось? Что происходит в этом городе? Почему вы выглядите такими печальными? Почему вы выглядите такими напряженными? Если вы будете оставаться в таком состоянии и дальше, вы сойдете с ума! Что с вами случилось?

— С нами ничего не случилось, — ответили они. — Мы боимся, что мы лишимся небес, что мы не сможем на них попасть. А мы должны попасть на небеса любой ценой. Это наша тревога, это наше напряжение.

Иисус оставил и этих людей. Суфии говорят: Почему Иисус оставил этих людей? — потому что это были религиозные люди! Он должен был научить их, как избежать ада и попасть на небеса, но он просто отвернулся от них.

Он нашел третью группу в саду, небольшую группу людей, которые танцевали, пели, наслаждались. Он спросил:

— Что это за церемония? Какой праздник вы празднуете?

— Никакого особенного праздника, — ответили они. — Это просто наша благодарность Богу, благодарность за то, что он нам дал. Мы этого не достойны.

Иисус сказал:

— С вами я буду говорить, с вами я останусь. Вы — мои люди.

Христиане не вспоминают эту историю, но у суфиев есть прекрасные истории об Иисусе. Фактически, они по-

нимают Иисуса гораздо более глубоко, чем так называемая ортодоксальная церковь. Это красивая история. Она говорит о том, что ни те, кто боится ада, ни те, кто жаждет небес, не попадут в Царство Бога, но только те, кто живет в огромной радости, признательности и благодарности.

А где вы можете научиться благодарности? Если вы видели будду, вы знаете, что такое благодарность. Где вам научиться праздновать себя, если вы не сталкивались с буддой? Будда это празднование, будда это праздник, будда это продолжающийся праздник, танец, который длится и длится, который не знает конца, песня, которая продолжается вечно.

Если вы столкнулись с буддой, тогда, одного мгновения почтения — говорит Будда — достаточно.

Отбросьте весь свой страх, отбросьте всю свою жадность. Научитесь быть учеником. Научитесь впитывать дух того, кто достиг своего сокровенного ядра, кто больше не живет на периферии, кто стал просветленным, чье существо стало светом.

Научитесь открывать глаза навстречу свету. Научитесь говорить: *Буддам шаранам гаччхами, сангхам шаранам гаччхами, дхаммам шаранам гаччхами*. Это три самоотдачи: человек сдается тому, кто стал пробужденным; человек сдается окружению, в котором пробужденный — потому что аромат пробужденного начинает проникать в его окружение, в тех блаженных людей, которые живут вокруг пробужденного; и он сдается закону, высочайшему закону, благодаря которому один спящий становится пробужденным и другие спящие становятся пробужденными.

Эти три самоотдачи... лишь одно мгновение почтения более ценно, чем сто лет поклонения, чем тысячи подношений...

Лучше, чем тысяча отречений от мира, лучше, чем сто лет поддерживать в лесу священный огонь — одно мгновение почтения перед тем, кто завоевал себя.

Почитать такого человека,

Старого мастера, утвердившегося в добродетели и святости

Значит одержать победу, завоевав

Саму жизнь, красоту, силу и счастье.

Почитать такого человека значит познать святая святых существования. Когда ученик склоняется в поклоне перед буддой, происходит чудо: нечто начинает течь от будды к сердцу ученика, невидимая река, река света.

Старого мастера добродетели и святости... Что означает эта сутра: *старого в добродетели и святости?* Это парадокс: святость нова, как капли росы на цветке лотоса под утренним солнцем, и святость стара как Гималаи. Она и стара, и нова, потому что она вечна. С самого начала и до конца, но она нова, нова в каждое мгновение, она обновляет себя. Это не нечто мертвое; это живой процесс. Это не стоячий водоем; это река, спешащая к океану. Она нова в каждое мгновение; поэтому каждый будда всегда молод.

Видели ли вы когда-нибудь, чтобы скульптура Будды изображала старика восьмидесяти двух лет? Нет. Видели ли вы когда-нибудь статую старого Махавиры, или Рамы, или Кришны? Нет статуй, изображающих Будду, Кришну или Махавиру старыми, хотя они и дожили до очень пожилого возраста, они пережили восемьдесят лет. Почему у нас нет их статуй в старости? Чтобы представить вечную юность истины, вечную свежесть истины.

И все же то, что они говорят, очень древне: *Аэс дхаммо санантано...* Так древне, что, фактически, у него никогда не было начала. *Санантано* означает «лишенный начала» — это было всегда.

Чтобы представить это, говорят о другом явлении: говорят, что Лао-цзы родился старым. Когда Будда умер, ему было восемьдесят два года, а Лао-цзы было восемьдесят два года, когда он родился. Он родился в возрасте восьми-

десяти двух лет; восемьдесят два года он жил в утробе своей матери. Красивая история. Дело не в том, что он действительно жил — нужно подумать и о женщине! — но это о чем-то говорит. Это говорит о том, что истина очень древняя, она всегда стара.

Эти истории красивы.

Говорят, что когда родился Заратустра... это единственный ребенок во всей истории человечества, о котором есть столько историй. Когда он родился — каждый ребенок плачет, когда рождается — Заратустра смеялся. Прекрасно! Дело не в том, что он действительно смеялся. Ни один ребенок этого не может — это физиологически невозможно — ребенок должен плакать. Благодаря плачу он очищает грудь и дыхательную систему. Он не может смеяться, он не может даже дышать; сначала он должен плакать.

Если ребенок не плачет в первые несколько секунд, несколько минут, это значит, что он вообще не будет жить. Тогда его нужно заставить. Врач переворачивает его вверх ногами и дает ему сильный шлепок по задку, чтобы помочь ему плакать. Если он плачет, это значит, что он будет жить. Если он плачет, это очищает грудь — потому что, пока он находится в утробе матери, в груди собирается много слизи. В утробе матери он не дышит, поэтому вся его дыхательная система наполнена слизью. Поэтому каждый ребенок физиологически должен плакать; плача, он выбрасывает слизь. Смех невозможен.

Но то, что Заратустра смеялся, очень символично. Что это символизирует? То, что вся эта жизнь иллюзорна, над ней можно только посмеяться. Она смехотворна! Он с самого начала знает, что она смехотворна. Настоящая жизнь это нечто совершенно другое.

Почитать такого человека, мастера, утвердившегося в добродетели и святости, значит одержать победу над собой... Почитая будду, уважая будду, доверяя будде, вы завоевываете саму жизнь. И вы достигнете красоты, силы и счастья. В этой самоотдаче вы становитесь красивыми, по-

тому что это исчезает, а это уродливо. Вы становитесь сильными, потому что это исчезло — а это всегда слабо и бес- сильно. И вы впервые становитесь счастливыми, потому что впервые вы получаете проблеск истины, в первые вы видите проблеск своего собственного существа. Будда это зеркало: когда вы склоняетесь перед ним, вы видите свое оригинальное лицо, отраженное в будде.

Пусть ваше сердце будет наполнено молитвой:

*Буддам шаранам гаччхами,
Сангхам шаранам гаччхами,
Дхаммам шаранам гаччхами.*

На сегодня достаточно.

Глава 10

Безграничный как небо

Первый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Западный ум так устремлен к анализу, к левому полушарию мозга — восточный ум ориентирован на прямо противоположное интуитивное правое полушарие. Для Запада очень привлекателен Восток, а для Востока Запад. Равное количество их обоих — в этом ли гармония мудрости и трансценденция противоположностей?

Прем Дханеш, трансценденция противоположностей это не количественное явление, это качественная революция. Вопрос не в равном количестве; это было бы очень материалистическим решением. Количество означает материю. Равное количество их обоих даст тебе видимость синтеза, но не настоящий синтез — мертвый синтез, не живой, не дышащий, без быющего сердца.

Настоящий синтез это диалог: не равные количества, но любовные отношения, отношения я-ты. Вопрос в том, чтобы соединить противоположности мостом, а не поместить их рядом в одном месте.

Оба они важны, безмерно важны. Нельзя отбрасывать ни анализ, ни интуицию. Отбрось анализ, и ты станешь внешне бедным, голодным, нездоровым. А когда человек внешне беден, голоден, нездоров, как может идти вовнутрь? Это невозможно.

Внешняя бедность мешает внутреннему путешествию. Ты так одержим пищей, одеждой, кровом, что у тебя нет времени и пространства, чтобы идти вовнутрь, чтобы подумать о высших вещах жизни.

В Упанишадах есть прекрасная история.
Шветкету, молодой человек, вернулся домой из

университета, полный знаний. Он был блестящим студентом, он был в университете первым во том, что касалось всех возможных медалей и степеней. Он вернулся с огромной гордостью. Его старый отец, Уддалак, посмотрел на него и задал один-единственный вопрос. Он сказал ему:

— Ты пришел, полный знаний, но знаешь ли ты знающего? Ты собрал много знаний, твое сознание полно заимствованной мудрости — но что такое это сознание? Знаешь ли ты, кто ты?

— Но этот вопрос никогда не возникал в университете, — ответил Шветкету. — Я изучил Веды, я изучил язык, философию, поэзию, литературу, историю, географию. Я изучил все, что было доступно в университете, но такого предмета там не было. Ты задаешь очень странный вопрос; никто не спрашивал меня об этом в университете. Этого не было в моей учебной программе, этого не было в моем курсе.

Уддалак сказал:

— Сделай одну вещь: постись две недели, а потом я тебя о чем-то спрошу.

Ему хотелось показать свои знания — обычное желание молодого человека. Должно быть, он мечтал о том, что его отец будет очень доволен. Хотя отец и попросил его две недели поститься, он стал говорить о высочайшем, об абсолюте, о Брахмане.

— Подожди две недели, — сказал отец, — и тогда мы поговорим о Брахмане.

Два дня поста, три дня, четыре дня, и отец стал спрашивать его:

— Что есть Брахман?

Сначала он немного отвечал, цитировал то, что он собрал, показывал. Но к концу недели он так устал, он был так истощен, так голо-

ден, что когда отец спросил, что есть Брахман, он ответил:

— Прекрати всю эту чепуху! Я голоден, я думаю только о пище, а ты спрашиваешь меня, что есть Брахман. В данный момент, Брахман это не что другое, как пища.

— Твое знание было с тобой, лишь потому, что ты не голодал, — сказал отец. — Так как ты хорошо заботился о себе, о питании тела, было легко говорить о великой философии. Но теперь настоящий вопрос. Сейчас принеси свое знание!

— Я забыл все, — ответил Шветкету. — Лишь одно преследует меня: голод, голод — изо дня в день. Я не могу спать, я не могу отдохнуть. У меня в животе огонь, я весь горю, я вообще ничего не знаю. Я забыл все, чему я научился.

— Мой сын, пища это первый шаг к Брахману, — сказал отец. — Пища есть Брахман — *аннам Брахма*. Чрезвычайно важное утверждение. Индия совершенно забыла о нем. *Аннам Брахма*: пища есть Бог, первый Бог.

Если ты отбросишь аналитический ум, наука исчезнет. Если ты отбросишь аналитический ум, ты не можешь процветать; ты обязательно будешь бедным и голодным, и ты утратишь свой первый контакт с Богом.

У Запада есть этот контакт; в этом нет ничего плохого. Эта ориентация на анализ есть важный шаг к познанию Бога. Я не против нее. Но человеку не следует останавливаться на этом. Пища это не высшая ценность, это средство для достижения цели. И если ты в медитативном паломничестве, ты начинаешь трансформировать пищу в молитву.

Все зависит от человека. Художник ест ту же самую пищу, но в нем она становится живописью. Поэт ест ту же самую пищу, и в нем она становится поэзией. Любящий ест ту же самую пищу, и в нем она становится любовью. Убийца

также ест ту же самую пищу, и в нем она становится смертью и разрушением. Александр, Чингиз-хан, Адольф Гитлер, Гаутама БУдда, Иисус Христос и Кришна — они не едят разную пищу; пища более или менее одна и та же. Но в Адольфе Гитлере она становится разрушением, в Гаутаме Будде она становится состраданием. Пища это энергетическое сырье; как ты преобразуешь ее, зависит от тебя. Ты преобразователь; по-настоящему важен ты, а не то, что ты ешь.

Деньги сами по себе не плохи. Это основа моего подхода к существованию: деньги нейтральны, все зависит от тебя. В руках человека понимания деньги необыкновенно красивы. Они могут стать музыкой, они могут стать искусством, они могут стать наукой, они могут стать религией. То, что плохо, это не деньги, это человек. Глупый человек, если у него есть деньги, не знает, что с ними делать; его деньги создают в нем еще большую жадность. Деньги могут освободить тебя от жадности, но глупый человек превращает деньги в жадность. Они становятся гневом, они становятся сексуальностью, они становятся похотью. Чем больше денег у глупого человека, тем глупее он становится, потому что у него появляется больше власти, чтобы совершать глупости.

В руках мудрого все превращается в мудрость.

Аналитический ум не плох, научный подход к реальности не плох — но это только средство, это не может быть целью. Целью является самопознание, целью является познание Бога, целью является познание вечного, бессмертного. *Аэс дхаммо санантано*: вот цель — познать вечное, то, что пропитывает, пронизывает все существование — потому что, зная это, человек освобожден. Истина освобождает.

И Восток внес великий, безмерный вклад в эту высшую цель. Но как ты можешь достичь цели без средств? А без цели есть ли смысл во всех средствах? Это вопрос глубокого диалога между Западом и Востоком, это вопрос того, чтобы они поженились, а не количественное сочетание этих двух различных подходов, не пол-Востока, пол-Запада, не

немного науки, немного религии. Человеческая жизнь не математична; она поэтична.

То, что нужно, это диалог, отношения я-ты, любовный роман между Востоком и Западом, глубокое объятие. Дело не в равных количествах; *весь* Восток и *весь* Запад, встречающиеся и сливающиеся воедино — не наполовину Восток, наполовину Запад — *весь* Восток и *весь* Запад, сплавляющиеся друг с другом в глубоком любовном романе. Лишь тогда будет возможен настоящий синтез, настоящая трансценденция противоположностей.

Когда двое любовников встречаются в оргазмической радости, происходит трансценденция. Они привлекательны друг для друга: Восток вдохновляет Запад, Запад вдохновляет Восток, но есть опасность того, что люди Запада настолько впечатлятся Востоком, что отбросят свою западность и станут восточными; а люди, которым нравится Запад отбросят свою восточность и станут западными. Таким образом ничего не меняется; встреча не случилась, сплавления не произошло, просто снова та же самая проблема. Люди просто поменялись местами: теперь восточный человек перешел в западное полушарие, а западный — в восточное. Теперь западный человек медитирует, а восточный учится в Оксфорде, Кэмбридже и Гарварде, становится ученым, физиком. Это не поможет, потому что встречи не происходит.

Мое усилие здесь не в том, чтобы превратить западный ум в восточный, а восточный в западный, но в том, чтобы позволить им обоим встретиться — не частично, но тотально. И помните, когда встречаются два целых, они становятся одним целым. Когда встречаются тотальности, они становятся одной тотальностью: это трансценденция. Это безотлагательная необходимость, потому что без этого у человечества нет надежды, нет будущего.

То, что мы пытаемся делать здесь, имеет огромную важность для будущего человечества. Это не обычный эксперимент — фактически, никакой эксперимент не может быть более важен, чем этот. Вы можете не осознавать, что

вы участвуете в чем-то таком, что способно спасти мир. Иначе разделение между Востоком и Западом убьет человечество. Восток беден, слишком беден, а Запад становится богатым, и разрыв становится все больше и больше. Этот разрыв обязательно рано или поздно создаст третью мировую войну — которая будет разрушительной для них обоих.

Прежде чем это произойдет, мы должны распространить новое видение, мы должны дать рождение новому человечеству, человеку, который не относится ни к Западу, ни к Востоку, но к обоим одновременно; не в равных количествах, полузападный, полувосточный — полностью западный, полностью восточный.

Второй вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Я хочу стать саньясином, но не могу, потому что я уже практикующий католик. Как я могу принять двух мастеров? Можно ли мне задавать вопросы, прежде чем я стал саньясином?

Александр, вопрос не в том, чтобы принять двух мастеров. Вопрос не в мастерах, вопрос в принятии. Если ты сдаешься Христу, ты сдаешься мне. Если ты сдаешься мне, ты сдаешься Христу, Будде, Махавире, Кришне. Вопрос в том, чтобы сдаться. Ты подходишь к вопросу не с того конца. Если ты знаешь, как сдаться, тогда все мастера едины. Тогда ты найдешь Христа в Будде, а Будду в Христе.

Отдавшееся сердце становится так глубоко гармоничным, что ты можешь видеть, что Кришна и Христос не различны. Несомненно, они говорят на разных языках — Кришна говорит на санскрите, Иисус говорит на арамейском. Несомненно, они прибегают к разным метафорам, разным притчам. Это разные пальцы, указывающие на одну и ту же луну. Если ты можешь увидеть луну, будешь ли ты

беспокоиться о пальцах? Если ты можешь увидеть луну, будешь ли ты одержим пальцами — будет ли это палец Кришны, Христа, Будды или Лао-цзы? Какое это имеет значение? Когда познана луна, пальцы забыты. Становиться слишком одержимым пальцами это состояние патологии. Индуист болен, мусульманин болен, христианин болен. Все они слишком увлечены, слишком одержимы пальцами.

Есть лишь одна луна, но она отражается в тысяче и одном озере. Не становись слишком привязанным к отражениям в озерах, не становись слишком привязанным к озеру! Озеро не имеет ничего общего с луной; даже если озеро исчезнет, луна останется. Поверхность озера может быть потревожена, и отражение исчезнет, но луна остается здесь.

Да, есть различные озера, есть разные виды воды. Одно озеро соленое, другое сладкое; цвет одного озера имеет голубоватый оттенок, другое озеро зеленое — и так далее, и тому подобное. Одно озеро очень глубокое. Другое озеро очень мелкое. Но эти различия не имеют никакого значения для луны, которая отражается в этих озерах.

Если ты действительно практикующий католик, ты станешь саньясином, не колеблясь ни мгновения. Поскольку ты колеблешься, позволь мне сказать тебе: ты не практикующий католик. И что ты подразумеваешь под «практикующим католиком»? Ты практикующий католик, потому что ты каждое воскресенье ходишь в церковь? Потому что ты каждый вечер молишься Господу? Потому что ты каждый день определенное время отводишь на чтение Библии? Что ты подразумеваешь под тем, что ты практикующий католик? Тогда почему ты здесь? Для чего? Если ты нашел ответ, тебе не нужно быть здесь. Если ты не нашел ответа, помни, тебе еще предстоит поиск, тебе еще предстоит путешествие...

Я протягиваю тебе руку, а ты говоришь: «Как я могу держать за руки двух мастеров?» Ты думаешь, что держишь за руку Христа? Посмотри снова! Твои руки пусты. Если ты не можешь взять за руку живого мастера, как ты можешь

держат за руку мастера, который ушел две тысячи лет назад? Ты даже не можешь быть уверен в том, существовал ли он вообще. Есть люди, которые думают, что это только сказка, что не было такой исторической личности как Христос. Есть люди, великие ученые, которые считают, что это только древняя фольклорная драма, что вся история об Иисусе никогда не была реальностью.

Как ты собираешься отбросить эти сомнения? Если ты согласишься на эту историю, она создаст в тебе тысячу и одно сомнение. Иисус ходит по воде — Александр, можешь ли ты действительно в это поверить? Когда я говорю «действительно», я подразумеваю *действительно*. Можешь ли ты действительно в это поверить — что кто-то ходит по воде? Можешь ли ты действительно поверить в Иисуса, который прикасается к глазам слепых и возвращает им зрение? Можешь ли ты действительно поверить в то, что Иисус воскресил Лазаря из мертвых? Веришь ли ты в то, что Иисус родился от девственной матери? Возможно ли это? Веришь ли ты в то, что Иисус через три дня вернулся из мертвых, воскрес?

Посмотри глубоко вовнутрь: у тебя появится тысяча и одно сомнение. Фактически, так трудно поверить даже живому мастеру, как поверить мертвому? А истории о мертвых мастерах неизбежно создаются их учениками и исходят из их глупости. Они думают, что, создавая эти истории, они помогают распространять послание. И на некоторое время это может быть так — были дни, когда Иисус был важен лишь потому, что он родился от девственной матери. Будда не был рожден девственной матерью, Махавира не был рожден девственной матерью, Кришна не был рожден... Это нечто редкостное, уникальное; никто другой не может этого объявить — это производит на людей впечатление. Но, по мере того, как люди становятся более и более образованными, по мере того, как растет их разумность, по мере того, как люди становятся более и более мыслящими, то же самое становится проблемой. Теперь человек колеблется, упоминать ли об этом вообще.

Воскресение помогло христианству распространиться по всему миру, потому что Иисус был единственным, кто восстал из мертвых: конечно, он владеет знанием из первых рук о том, что такое смерть. Будда и Махавира живы, и они говорят о смерти и о запредельном, но у них нет никакого подлинного опыта. У Иисуса он есть. Это помогло христианству распространиться по всему миру. Но сейчас та же самая вещь становится слабым местом. Сейчас говорить о воскресении значит сделать себя посмешищем.

Что ты подразумеваешь под тем, что ты практикующий католик? Если бы ты был действительно практикующим католиком, были бы лишь две возможности: либо тебя не было бы здесь, это было бы ненужно; либо, если бы ты почувствовал присутствие здесь сознания Христа, тогда с твоей стороны не было бы колебаний о том, чтобы стать саньясином. Это значило бы действительно стать католиком, это значило бы стать христом.

Не будь христианином; этого недостаточно. Пока ты не христос, ничего не произошло. Попытайся быть христом, не христианином. Христианин это только верующий, а верующий всегда слеп. У Христа есть глаза. И помни, когда я говорю слово «христос», я не имю в виду только Иисуса. Христос это состояние высочайшего сознания: на Востоке мы называем это состоянием бытия будды, состоянием джины. Это одни и те же слова. Иисус это лишь один из христов — Будды другой, Лао-цзы третий, и их было так много, и их будет так много. Это длинное шествие огней.

Всегда в том или другом месте есть живой христос. Ты можешь называть его буддой, ты можешь называть его христом; это просто зависит от языка, который ты используешь. Но не будь фанатиком, не будь сектантом; это создает глупость, это не помогает росту, это не помогает в том, чтобы достичь большего сознания.

В качестве эксперимента двое ученых решили спарить человеческого мужчину с самкой гориллы. Они подумали, что на такое может

согласиться лишь настоящий идиот, поэтому они отправились в доки и отыскивали Фанелли, который только что сошел с корабля.

— Мы дадим тебе тысячу долларов, — предложил один из ученых, — если ты проведешь ночь гориллой. Ты согласен?

— Хорошо, я это сделаю, — сказал Фанелли, — но только при трех условиях.

— При каких условиях? — спросили люди науки.

— Во-первых, я сделаю это только один раз, — сказал итальянец, — во-вторых, никто не должен на это смотреть. И в третьих, если родится ребенок, он должен быть воспитан как католик.

Александр, хватит католиков, хватит протестантов, хватит индуистов и мусульман. Покончи со всей этой чепухой. Пусть возникнет новое человечество, где евреи, индуисты, джайны и буддисты не будут постоянно сражаться, ссориться, пытаться уничтожить друг друга, пытаться навязать друг другу собственные идеи; где человек будет свободен выбирать. Кажется, ты не свободен выбирать. Твой католицизм кажется колодками у тебя на ногах, твой католицизм кажется тюрьмой вокруг тебя. Ты не свободен.

Ты говоришь: «Я хочу быть саньясином...» Тогда кто тебе мешает? Ты хочешь быть саньясином, и в то же время тебе мешает то, что ты католик. Это стена, это не мост.

Истинная религия это всегда мост, это никогда не стена.

Мак-Гинти пришел в исповедальню.

— Отец, — сказал он священнику, — я чувствую, что я не нуждаюсь в прощении за свое прелюбодеяние.

— Это почему? — спросил пораженный священник.

— Видите ли, — сказал Мак-Гинти, — все замужние женщины, с которыми я совершал прелюбодеяние, были еврейками!

— А, ну тогда все нормально, сын мой! — сказал священник. — Это единственный способ поиметь евреев.

Тебе позволено совершать по отношению к евреям те вещи, которые ты не можешь делать с христианами. Тебе позволяют и приветствуют делать по отношению к мусульманам то, чего ты не можешь делать с индуистами. Что это за религиозность? Какое человечество мы создаем? Оно невротично, оно психопатично. Нам нужно более здоровое человеческое существо.

Мои саньясины не являются членами секты; это не секта, потому что у нас нет идеологии. Здесь есть даже атеисты, и они саньясины, хотя они и не верят в Бога. И я не делаю это основным требованием. У меня нет никаких основных требований, кроме жажды истины — но это не та вещь, которая делает тебя сектантом. Фактически, поиск истины, жажда истины делает тебя абсолютно не сектантом.

Религиозный человек не принадлежит ни к каким сектам. Он просто религиозен — не христианин, не индуист. Он не может позволить себе быть индуистом или христианином. Как он может позволить себе быть таким ограниченным? Он не может позволить себе вовлекаться ни в какие предрассудки; он не может верить ни в какие заключения, к которым уже пришли другие. Он находится с своим собственном путешествии: он хочет увидеть истину своими глазами, он хочет почувствовать жизнь и существование своим собственным сердцем. Его поиск индивидуален.

Саньясины это не члены секты. Это встреча индивидуальностей; мы встретились, потому что мы совершаем одно и то же путешествие. Нет идеологии, которая привязывала бы моих саньясинов друг к другу; именно благодаря этому исследованию истины мы случайно встретились на одной и той же дороге. Мы товарищи по путешествию. Ничто не привязывает одного саньясина к другому; нет никаких оков верования, традиции, писаний. И, фактически, саньясины не связаны друг с другом непосредственно — они связаны со мной.

Один саньясин связан со мной, другой саньясин связан со мной, и поэтому через меня они связаны друг с другом. Нет никакой другой организации. Я лишь функционирую как центр, и они связаны со мной, поэтому они чувствуют себя связанными и друг с другом.

Именно так возникает коммуна, рождается *сангха*. Коммуна может быть живой, лишь если присутствует будда, если присутствует христос. Как только христос уходит, коммуна исчезает и становится сообществом. Коммуна исчезает и становится сектой. Я не хотел бы, чтобы мои саньясины когда-либо стали сектой.

Александр, еще ты спрашиваешь: «Можно ли мне задавать вопросы, прежде чем я стал саньясином?»

Ты уже задал вопрос, и я уже ответил на него. Да, я абсолютно приветствую тебя. Фактически, после того, как человек становится саньясином, ему становится все труднее и труднее задавать вопросы — они выглядят такими глупыми. Чем дольше ты здесь, тем меньше ты спрашиваешь. И те, кто пробыл здесь дольше всего, совершенно забыли о том, чтобы спрашивать. Не беспокойся об этом. Ты можешь задавать вопросы просто ради самих вопросов; тебе не нужно для этого быть саньясином.

Фактически, я более заинтересован в вопросах, которые задают не саньясины, потому что тогда я могу их сблизить.

Русский кролик пересекает границу в районе Бреста и не останавливается до тех пор, пока не встречает польского кролика, который заверяет его, что он уже в Польше.

— Почему ты убегаешь? — спрашивает польский кролик.

— Потому что в России кастрируют верблюдов, — отвечает русский.

— Но ты же не верблюд, ты кролик!

— Да — но они сначала кастрируют, а потом задают вопросы.

Третий вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Во время ребефинга та часть меня, которая была знанием, но непознанным, случилась. Сначала были боль и страх, потом последовал взрыв во мне, и я почувствовал себя диким животным, и это принесло мне огромное облегчение и радость. Я почувствовал, что темное облако, которое я долгое время носил в себе, ушло из меня. И все же я все еще не знаю, кто я. Пожалуйста, прокомментируй.

Прем Гьянам, «Кто я?» это в действительности не вопрос; поэтому на него никогда не сможешь ответить ни ты, ни другие. Что это тогда? Это коан. «Кто я?» абсолютно абсурдно. Спрашивая это, не надейся, что однажды ты получишь ответ. Если ты продолжаешь спрашивать: «Кто я? Кто я?» — если ты делаешь это медитацией, как обычно говорил Рамана Махарши своим ученикам... Он обычно давал только одну простую медитацию: просто сесть и повторять, сначала громко, потом не так громко, потом вполголоса; и затем вообще без голоса, просто просто позволить

этому звучать в глубине своего сердца: «Кто я? Кто я?» Продолжай спрашивать...

Люди обычно думают, что, если они следуют инструкциям правильно, то однажды они получат ответ. Это неправда; ты никогда не получишь ответа. Но, если ты спрашиваешь это, сначала исчезнут все ответы, которые были у тебя раньше, твое представление о себе.

«Кто я?» подобно колючке. Она может помочь извлечь другую колючку у тебя из ноги. Ты можешь использовать эту колючку; ты можешь использовать эту колючку, чтобы вытащить из твоей ноги занозу, которая уже причиняет тебе боль. Когда обе колючки вытащены, ты можешь выбросить и ту, и другую. Тебе не нужно сохранять вторую колючку лишь потому, что она была для тебя таким благословием, она вытащила первую. Тебе не нужно втыкать ее на место первой просто в знак почтения, признательности.

«Кто я?» это тонкое средство; это так же абсурдно, как и коаны дзен.

Мастера дзен говорят своим ученикам: «Иди и медитируй: что такое звук хлопка одной ладонью?» Нельзя хлопнуть одной ладонью. Мастер знает это, ученик знает это — но мастер настаивает: «Медитируй на это. Сойди с ума в медитации — спрашивай, спрашивай и спрашивай, позволь этому вопросу проникать глубже и глубже. Позволь ему впитаться в твое сердце, в самую твою душу».

Когда мастер говорит, ученик должен повиноваться. Иногда проходит десять лет, иногда двадцать, и ученик продолжает задавать этот абсурдный вопрос, прекрасно зная, что нельзя хлопнуть одной рукой. Мастер говорит: «Если ты наткнешься на ответы, принеси их мне». Иногда ученик изобретает ответы, потому что он устает от вопроса. Иногда он надеется: «Может быть, это нужный ответ», и он приносит его мастеру. Он говорит: «Звук бегущей воды это звук хлопка одной ладонью».

Мастер бьет его по голове посохом и говорит: «Дурак! Это не ответ. Иди обратно» — потому что звук бегущей воды это не звук хлопка одной ладонью, этот звук производят камни. Уберите камни, и звук исчезнет. Этот звук вызывается двумя сталкивающимися предметами, не одним.

Тогда он идет и медитирует. Когда он медитирует, он слышит отдаленный крик кукушки, и он думает: «вот оно! Это должно быть ответом — так красиво, не от этого мира. Это небесная музыка; должно быть, это ответ». И он снова спешит к мастеру, и снова получает удар.

Мастера дзен это действительно специалисты по ударам... и не только ударам; иногда тебя выбрасывают из окна, иногда дверь закрывают прямо перед твоим лицом. Они могут сделать все что угодно, чтобы тебя разбудить, таково их сострадание. Ты получаешь хороший удар, и мастер кричит, что ты полный глупец: «Это не то. Иди и медитируй снова». И так далее, и так далее, это продолжается и продолжается, ответы за ответами. И ни один ответ не принимается; ни один ответ не может быть принят.

Иногда случается так, что мастер начинает бить ученика еще до того, как он говорит то, с чем он пришел — потому что вопрос не в том, какой ответ он принес; это совершенно не имеет значения. Какой бы ответ он ни принес, он обязательно будет неправильным. Все ответы неправильны.

Но однажды он приходит, и мастер обнимает его, потому что он видит в его глазах, в том, как он идет, грацию, которая окружает его, климат, который он принес с собой, молчание: ни вопроса, ни ответа. Дело не в том, что он принес какой-то ответ; напротив: на этот раз он пришел даже без вопроса, он забыл сам вопрос. Он больше не спрашивает. Он приходит предельно молчаливый, без всякой ряби в уме. И мастер тотчас же узнает об этом.

Иногда случалось так, что ученик больше не появлялся, и мастеру приходилось разыскивать ученика, потому что в глубине своего сердца он почувствовал, что вопрос

исчез. И теперь ученик чувствует: «Зачем без необходимости беспокоить мастера? Какой смысл? Нет вопроса, нет ответа». И его молчание так безгранично, что он даже не хочет его нарушать.

И мастер приходит и говорит ему: «Теперь, когда у тебя есть ответ, что ты здесь делаешь? Почему ты не вернулся? Я ждал тебя».

Это случилось однажды:

Когда Риндзай отпрашивался у мастера — потому что мастер сказал: «Отправляйся в трехлетнее паломничество, заходи во все храмы и монастыри», — прежде чем он отправился в путь, мастер стал бить его. Риндзай сказал:

— Но я ничего не сказал, я ничего не сделал. Что это за прощание? Я уйду в трехлетнее паломничество пешком, — В те времена это было опасно. — Возможно, я вернусь, возможно, не вернусь.

— Именно поэтому я тебя и бью, — ответил мастер. — Возможно, у меня не будет другого случая тебя побить. Ты на самой грани того, чтобы на тебя снизошло великое молчание. Осталась лишь последняя часть вопроса, даже не «Кто я?», а лишь вопросительный знак. И каждый день он может исчезнуть, и тогда никто не знает, вернешься ли ты обратно. Я старик; куда пойду, чтобы тебя найти? Это моя последняя возможность тебя побить — я не могу упустить ее!

И действительно, это была последняя возможность. Риндзай вернулся через три года, но он стал просветленным. Он вернулся, ударил мастера и сказал:

— Негодяй! Ты был прав. И я тоже хочу ударить тебя хотя бы один раз. Ты бил меня, по меньшей мере, двадцать лет. Только один раз!..

Мастер рассмеялся и сказал:

— Ты это заслужил. Ты можешь делать все, что тебе вздумается, но только помни, что я очень стар.

Гьянам, ты говоришь: «И все же я до сих пор не знаю, кто я». Никто никогда не знал. Тогда в чем разница между тобой и буддой? Я также не знаю, кто я, будда также не знает, кто он — тогда в чем разница? Его это не беспокоит. Он смеется над этим, он принимает как должное, что жизнь это тайна. Нет вопроса и нет ответа.

Жизнь это не игра в вопросы и ответы. Это не головоломка, которая должна быть разгадана, это тайна, которая должна быть прожита.

— Пап, я хочу в колледж, — сказал Леон.

— А знаешь ли ты, что к чему?

— А?

— Знаешь ли ты, что к чему? Иди в ванную и подумай несколько минут, и если ты поймешь, что к чему, я пошлю тебя в колледж.

Леон пошел в ванную и стал думать; через несколько минут он вернулся и сказал:

— Пап, я не знаю, что к чему.

— Разумеется, ты не знаешь, что к чему. Иди и найди себе работу, и когда ты поймешь, что к чему, я пошлю тебя в колледж.

Леон вышел, пришел в ближайший бар и стал пить. Он встретил Элис, блондинку, сидевшую в баре. Вскоре они оказались у нее дома. После нескольких напитков она сказала:

— Извини, мне нужно переодеться во что-нибудь более удобное.

Элис вернулась несколько секунд спустя совершенно голая. Леон посмотрел на нее и сказал:

— Это к чему?

— Что к чему?

— Если бы я знал, что к чему, я был бы сейчас в колледже, а не здесь.

А теперь ты скажи мне, что к чему. Это коан. Этот папа Леона, должно быть, был мастером дзен: что к чему.

Ты спрашиваешь: «Кто я?» Ты это ты сам, ты это ты. Спрашивать «Кто я?» значит спрашивать о какой-либо тождественности, «Я это А, Б или В». Ты это просто ты сам! Ты не можешь быть А, ты не можешь быть Б, ты не можешь быть В. Ты это просто ты, и не что другое. Нет способа ответить на этот вопрос.

Тогда зачем тебе дается этот вопрос? Этот вопрос дается тебе для того, чтобы он мог разрушать; подобно молоту он разрушает все твои прежние отождествления. Например, ты думаешь: «Меня зовут Рам, поэтому я это Рам». Когда ты спрашиваешь «Кто я?», возникает вопрос: «Как насчет Рама? Я Рам!» Но ты можешь увидеть, что это только имя; это не твоя реальность, это имя, данное тебе извне. Твои родители должны были тебя как-то называть: они называли тебя «Рам». Они могли бы называть тебя «Рахим», они могли бы дать тебе любое другое имя, и любое другое имя имело бы к тебе столько же отношения, как и Рам, потому что ты это безымянная реальность. Поэтому, спрашивая «Кто я?», ты забываешь свое отождествление с Рамом.

Тогда глубоко внутри кто-то говорит: «Я джайн», или «Я индуист», или «Я еврей». И это также случайное отождествление — случайность рождения — это не ты. Как ты можешь быть евреем? Что значит быть евреем или индуистом? Это просто значит, что ты был воспитан евреями или индуистами, вот и все. Если еврейского ребенка взять из его семьи и воспитать в индуистской семье, он никогда не узнает, ему даже не приснится, что он еврей. Хотя он и был рожден еврейскими родителями, он никогда не осознает этого — если ему не скажут. Он будет думать, что он

индуист. Он может даже сражаться с евреями за индуизм, он может убивать евреев во имя индуизма, не зная, что он сам еврей.

Сейчас в Индии миллионы христиан. Они думают, что они христиане, но они всегда жили здесь; их родители были индуистами, родители их родителей были индуистами. Они были индуистами веками! Теперь их подкупили, убедили, уговорили, обратили, и они стали христианами. Они могут убивать индуистов; если возникнет необходимость, они могут сражаться.

В Индии миллионы мусульман; все они были обращены насильно. По меньшей мере, христиане были убеждены утонченно — но миллионы индуистов были обращены в ислам под угрозой штыка. Им пришлось выбирать: «Или вы будете жить как мусульмане, или вы умрете». Кто хочет умирать? Жажда жизни так глубока, что лучше жить, даже если придется жить как мусульманин, это приемлемо. И в жилах всех этих мусульман Индии течет индуистская кровь. Но они могут убивать индуистов — и они убивают — и их убивают индуисты. Индуисты убивают собственных детей; теперь они называются мусульманами. Просто смена этикетки... и благодаря смене этикетки происходят такие великие перемены.

Когда ты спрашиваешь «Кто я?», ты подойдешь к этой точке. Ты увидишь, что ты не мусульманин, не индуист и не христианин; все это случайности рождения, воспитания. Если бы ты родился в России, ты не был бы индуистом, христианином или мусульманином; ты был бы коммунистом, практикующим коммунистом — в точности как сейчас ты практикующий католик. Ты отрицал бы Бога, ты отрицал бы молитвы, ты отрицал бы всю религию — потому что государство могущественно, никто не хочет идти против государства; это опасно.

Государство никогда еще не было так могущественно, как в сегодняшней России. Индивидуальность никогда не была низведена до такого бессилия, как это происходит сейчас в коммунистических странах. Человек не может мо-

литься по своему собственному выбору, он не может пойти в церковь или храм по своей собственной воле; государство решает все. Если государство говорит «Это так», значит это так. Ты не можешь бросить вызов государству, потому что это вызовет великие последствия. Тебя могут бросить в тюрьму, отправить в Сибирь или просто убить. Или, что еще более опасно, тебя могут заставить жить в сумасшедшем доме и лечить электрошоком, инсулиновым шоком; ты будешь объявлен сумасшедшим. Если ты не коммунист в России, ты будешь объявлен ненормальным. И ты абсолютно беспомощен; если врачи говорят, что ты ненормальный, ты ненормальный. Невозможно с ними бороться.

Мулла Насреддин умирал, он лежал на смертном одре почти что в коме. К нему пришел врач. Врач был пьян; он попытался проверить в него пульс и не смог его найти, потому что он держал его руку в неправильном месте. Он посмотрел Насреддину в лицо и сказал его жене:

— Мне жаль, но ваш муж мертв.

В это самое мгновение Насреддин открыл глаза и сказал:

— Что? Я жив!

— Замолчи, — ответила жена. — Ему лучше знать, он врач, доктор наук, профессор и академик. Как ты смеешь отрицать его авторитет! Замолчи!

Именно это происходит в Советской России: если психолог говорит, что ты ненормальный, ты ненормальный. Ты знаешь, что это не так, но ты совершенно беспомощен; монстр государства так колоссален, и ты в зубах этого монстра. Если ты родился в России, ты не будешь католиком, ты не будешь протестантом, ты не будешь индуистом, ты не будешь мусульманином.

Когда ты медитируешь на это: «Кто я?», ты подходишь к этой точке, и это растворяется. И чем глубже ты будешь идти... тем глубже будут становиться вопросы: сначала социальные, теологические, потом биологические. Ты имеешь тело мужчины или женщины: возникнет вопрос «Я мужчина или женщина?» Сознание это ни то ни другое. Сознание не может быть женским или мужским. Сознание это просто сознание; это просто способность быть свидетелем. Вскоре ты преодолеешь и эту преграду; ты забудешь, мужчина ты или женщина.

И так далее, и тому подобное. Когда все отождествления отброшены, не остается ничего, лишь вопрос звучит в молчании: «Кто я?» Вопрос не может продолжаться сам по себе; ему нужны какие-то ответы, иначе он не может выжить. Наступает момент, когда спрашивание становится абсурдным... и вопрос также испаряется. Это мгновение, которое называется самопознанием — *атмагьян*. Это мгновение, когда, не получив никакого ответа, ты просто знаешь, ты чувствуешь, кто ты.

Прем Гьянам, продолжай исследовать. Несколько темных облаков исчезло из твоего существа: будь благодарен. Есть множество других; всем им придется исчезнуть. Все это темные облака — католические, протестантские, христианские, индуистские, мусульманские, джайнские, буддистские, коммунистические. Все темные облака — индийские, китайские, японские, немецкие, английские. Все это темные облака — белые, черные, мужчины, женщины; красивые, уродливые, разумные, глупые. Все это темные облака! Все, с чем бы ты ни отождествлялся, это темное облако.

Позволь всем им уйти. Начало положено. Но не торопись и не жди ответа — его нет. Когда все вопросы и все ответы оставлены позади, и ты остаешься один, совершенно один, в абсолютном молчании, ничего не зная, без содержания, без какого-либо объекта познания — эта чистота сознания, это чистое небо сознания и есть ты.

Последний вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Как соотносится овладение собой с контролем?

Дивья, они противоположны друг другу. В «овладении собой» нет никакого «собой» (*англ. self*); оно совершенно лишено «себя». Есть овладение, но у «я» нет никакого хозяина; нет ничего, чем можно владеть или что может владеть тобой; есть лишь чистое сознание. В этой чистоте ты являешься частью Бога; в этой чистоте ты повелитель самого существования. Но в этом нет «себя».

Когда мы говорим «владение собой», мы используем неправильный язык. Но с этим ничего не поделаешь, потому что все языки неправильны; в эти мгновения избытка никакие слова не адекватны. В контроле есть «я». В контроле больше «себя», чем в чем-либо другом. У неконтролирующего человека не так много «себя», не так много эго — как оно может у него быть? Он знает свои слабости.

Вот почему ты столкнешься с очень странным явлением: ваши так называемые святые более эгоистичны, чем грешники. Грешники более человечны, более скромны; святые почти бесчеловечны из-за своего контроля — они думают, что они сверхчеловечны. Поскольку они могут управлять своими инстинктами, они могут продолжать долгие посты, они могут оставаться сексуально неудовлетворенными многие годы или всю жизнь, они могут бодрствовать несколько дней подряд, без единого мгновения сна — поскольку они приобрели такой контроль над телом, над умом, естественно, это дает им огромное эго. Их питает эта идея: «Я кто-то особенный». Она питает их болезнь.

Грешник более скромен. Он вынужден; он знает, что он не может контролировать все. Когда приходит гнев, он становится гневным. Когда приходит любовь, он становится

любовью. Когда приходит печаль, он становится печальным. У него нет контроля над своими эмоциями. Когда он голоден, он готов на все, чтобы раздобыть пищу; даже если ему придется воровать, он будет делать это. Он найдет любой возможный способ.

Известная суфийская история:

Мулла Насреддин и двое других святых отправились в паломничество в Мекку. Они проходили по деревне; их путешествие приближалось к концу. У них почти закончились деньги; оставалось совсем немного. Они купили немного сладкой халвы, но ее было недостаточно для всех троих, а им очень хотелось есть. Что делать? — и они не могли даже разделить ее, потому что никто из них все равно бы не наелся. Поэтому каждый из них начал хвастаться о себе:

— Я более важен для существования, поэтому моя жизнь должна быть спасена.

Первый святой сказал:

— Я постился, я молился так много лет; никто из присутствующих так не религиозен и не свят. И Бог хочет, чтобы я был спасен, поэтому халву нужно отдать мне.

— Да, я знаю, — сказал второй святой, — ты человек великой аскезы, но я — великий ученый. Я изучил все писания, вся моя жизнь была посвящена службе знанию. Мир не нуждается в людях, которые могут поститься. Что ты умеешь делать? — только поститься. Ты можешь поститься на небесах! Мир нуждается в знаниях. Мир так невежествен, что он не может позволить себе потерять меня. Халву нужно отдать мне.

Мулла Насреддин сказал:

— Я не аскет, и я не могу претендовать на самоконтроль. Я и не великий ученый, поэтому я не могу заявить и этого. Я обычный

грешник, а я слышал, что Бог очень сострадателен к грешникам. Эта халва принадлежит мне.

Они не могли прийти ни к какому заключению. В конце концов они решили так:

— Мы все ляжем спать, так и не съев халву, и предоставим Богу решать самому. Если Бог пошлет кому-то самый прекрасный сон, этот сон утром решит все.

Утром святой сказал:

— Никто больше не может соревноваться со мной. Дайте мне халву — потому что мне приснилось, что целую ноги Богу. Это высшее, на что может надеяться человек — может ли быть величайший опыт?

Пандит, ученый, знающий человек, рассмеялся и сказал:

— Это чепуха — потому что Бог обнял и поцеловал меня! Ты поцеловал его ноги? Он поцеловал *меня*, обнял *меня*! Где халва? Она принадлежит мне.

Они посмотрели на Насреддина и спросили:

— А какой сон тебе приснился?

— Я несчастный грешник, — ответил Мулла, — и мой сон был очень обычным — таким обычным, что о нем даже не стоит говорить. Но если вы настаиваете, и мы вчера так договорились, я все же расскажу. Мне приснилось, что Бог появился и сказал: «Ты дурак! Что ты делаешь? Съешь халву!» Вот я ее и съел — потому что как я мог послушаться приказа? Теперь халвы больше не осталось.

Самоконтроль дает тебе самое тонкое эго. В самоконтроле больше «само», чем чего-либо другого. Но владение собой это совершенно другое явление; в нем нет ни-

какого «собой». Контроль прививается, практикуется; он удаётся тебе с большим трудом. Ты достигаешь его путем долгой борьбы. Владение собой это не культивируемая вещь, его не практикуют. Владение это не что иное, как понимание. Это совершенно не контроль.

Например, ты можешь контролировать гнев, ты можешь подавлять его, ты можешь сидеть у него на голове. Никто не узнает, что ты сделал, и люди будут очень хвалить тебя за то, что в такой ситуации, когда каждый бы разозлился, ты остался тихим, собранным и спокойным. Но ты знаешь, что вся эта тишина и спокойствие только на поверхности: глубоко внутри ты кипел, глубоко внутри все было в огне, но ты подавил это в бессознательное, и ты сел на это как на вулкан, и ты все еще сидишь на нем.

Человек контроля это человек подавления. Он продолжает подавлять. Поскольку он подавляет, он продолжает собирать все, что неправильно. Вся его жизнь становится мусорной свалкой. Рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, вулкан взорвется — потому что ты можешь держать это в себе лишь до определенного предела. Ты подавляешь гнев, ты подавляешь секс, ты подавляешь все возможные желания, стремления — сколько ты можешь подавлять? Ты не можешь держать в себе большее; и однажды это становится больше, чем твой контроль: происходит взрыв.

Ваших так называемых святых, людей самоконтроля, очень легко спровоцировать. Лишь поцарапайте их немного, и вы будете удивлены: немедленно появляется животное. Вся их святость не глубже кожи; у них внутри множество демонов, с которыми им кое-как удается справляться. Их жизнь полна страдания, потому что это жизнь постоянной борьбы. Это невротичные люди, они на грани безумия, всегда на грани. Любая мелочь может оказаться последней соломинкой для верблюда. В моем видении жизни они не религиозны.

Религиозный человек ничего не контролирует, религиозный человек ничего не подавляет. Религиозный человек понимает, старается понимать, а не контролировать. Он

становится более медитативным: он наблюдает свой гнев, свой секс, свою жадность, свою ревность, свое собственничество. Он наблюдает все эти ядовитые вещи, которые окружают вас. Он просто наблюдает, стараясь понять, что такое гнев, и в самом этом понимании он трансцендирует. Он становится свидетелем, и в этом свидетельствовании гнев тает, как начинает таять снег, когда восходит солнце.

Понимание приносит определенное тепло; это восход солнца у вас внутри, и лед вокруг вас начинает таять. Оно подобно пламени у вас внутри; темнота начинает исчезать.

Человек понимания, медитации это не человек контроля — как раз наоборот. Он наблюдает. И если ты хочешь наблюдать, ты должен быть совершенно несудящим. Человек, который контролирует, судит, постоянно осуждает, «Это неправильно», постоянно хвалит, «Это добро, это зло, это приведет в ад, это приведет на небеса». Он постоянно судит, осуждает, хвалит, выбирает. Человек контроля живет выбором, человек понимания живет в отсутствии выбора.

Именно невыбирающее сознание приносит трансформацию. И поскольку ничто не подавлено, не возникает никакого эго, не возникает никакого «я». Поскольку понимание это субъективное, внутреннее явление, никто о нем не знает, никто не может его видеть, кроме тебя. Эго приходит извне, от других людей, от того, что они о тебе говорят: именно их мнение о тебе создает эго. Они говорят, что ты разумный, они говорят, что ты святой, они говорят, что ты благочестивый — и, естественно, ты чувствуешь себя прекрасно. Эго приходит извне. Оно дается тебе другими. Конечно, тебе в лицо они говорят одно, и совершенно другое, противоположное у тебя за спиной.

Зигмунд Фрейд обычно говорил, что если мы решим, в течение двадцати четырех часов каждый человек на земле будет говорить правду, только правду, исчезнет вся дружба, растворятся все любовные романы, все браки будут спущены в унитаз. Если принять решение о том, чтобы все человечество практиковало правду и только правду в тече-

ние двадцати четырех часов... Когда гость стучится к тебе в двери, ты не скажешь: «Входи, пожалуйста, я ждал тебя. Сколько я тебя не видел! Я так страдал. Где ты был? Мое сердце прыгает от радости». Ты скажешь правду о том, что ты чувствуешь. Ты скажешь: «Снова этот сукин сын! Как мне отделаться от этого ублюдка?» Ты контролируешь глубоко внутри. Ты скажешь это кому-то другому у него за спиной.

Наблюдай за собой, наблюдай, что ты говоришь людям в лицо и что ты говоришь у них за спиной. Ты, что ты говоришь у них за спиной, гораздо правдивее, ближе к твоим чувствам, чем то, что ты говоришь в лицо. Но эго зависит от того, что о тебе говорят люди, и оно очень хрупко — так хрупко, что на каждом эго написано: «Не кантовать, не переворачивать».

Поляк Пьераки, негр Одум и мексиканец Альварес жили вместе и сидели без работы. Однажды вечером Пьераки пришел домой и заявил, что он нашел работу.

— Ребята, разбудите меня завтра в шесть, — сказал он. — В шесть тридцать я должен быть на работе.

Когда Пьераки уснул, Одум сказал Альваресу:

— Он нашел работу, потому что он белый. Мы не можем найти работу, потому что я черный, а ты коричневый.

Ночью они натерли Пьераки черным гуалином. Они решили разбудить его позже.

На следующее утро, когда Пьераки пришел на работу, заведующий сказал:

— Кто вы?

— Вы наняли меня вчера, — ответил Пьераки. — Вы сказали мне прийти в шесть тридцать!

— Я нанял белого человека, а вы черный.

— Я не черный!

— Пойдите и посмотрите на себя в зеркало!

Поляк поспешил к зеркалу, посмотрел на себя и воскликнул:

— Господи! Они разбудили не того!

Ваше эго держится на зеркалах. Все отношения функционируют как зеркало, каждый человек функционирует как зеркало, и это эго продолжает контролировать.

Почему, прежде всего, оно контролирует, Дивья? Оно контролирует, потому что общество ценит контроль, потому что, если ты контролируешь, общество дает тебе большее эго. Если ты следуешь представлениям общества, их морали, их пуританству, их идеям о святости, оно хвалит тебя все больше и больше. Больше и больше людей приходит, чтобы засвидетельствовать тебе свое уважение; твое эго становится все больше и больше, парит все выше и выше.

Но помни, эго никогда не принесет тебе никакой трансформации. Эго это самое бессознательное явление, которое происходит с тобой; оно делает тебя более и более бессознательным. И человек, который живет через эго, почти пьян им; он не в себе.

Фернандо женился. На роскошном свадебном пиру вино текло рекой. Все шло прекрасно, пока Фернандо не обнаружил, что его красивая невеста исчезла. Бродя в поисках среди гостей, он заметил, что его приятель Луис тоже пропал.

Фернандо продолжил поиски в других комнатах. Он зашел в спальню новобрачных и обнаружил, что там Луис занимается любовью с его невестой. Фернандо тихо закрыл дверь и спустился по лестнице к гостям.

— Скорее! Скорее! Идите смотреть! — кричал он. — Луис так напился, что он думает, что он это я!

Это удерживает тебя почти что в пьяном состоянии. Ты не знаешь, кто ты, потому что ты веришь тому, что говорят о тебе другие. И ты не знаешь, кто другие, потому что ты веришь тому, что другие говорят о других. Этот мир, в котором мы живем, полон иллюзии созданных верований.

Проснись! Стань более сознательным. Став сознательным, ты овладеешь своим собственным существом. Владение собой ничего не знает о «себе», а «о себе» ничего не знает о владении. Пусть это будет для тебя абсолютно ясным.

И, Дивья, мое учение не о самоконтроле, самодисциплине. Мое учение о самоосознании, самотрансформации. Я хотел бы, чтобы ты стал безграничным как небо — потому что это именно то, кто ты есть на самом деле.

На сегодня достаточно.

Содержание

Глава 1. <i>Знание это не Знание</i>	5
Глава 2. <i>Наблюдатель на холмах</i>	37
Глава 3. <i>Будь буддой!</i>	69
Глава 4. <i>Я — пьяница</i>	101
Глава 5. <i>Свобода содержит все</i>	131
Глава 6. <i>Эволюции не существует</i>	163
Глава 7. <i>Он — возница</i>	191
Глава 8. <i>Хохот от души</i>	223
Глава 9. <i>Небольшая свеча</i>	253
Глава 10. <i>Безграничный как небо</i>	287

Дхаммапада

том 3

Редактор
Свами Вит Праяс

Перевод
Н.А. Потапова

Компьютерная верстка
Ма Прем Пуджа

Формат 60х90/16 Бумага: офсет No 1
Гарнитура «Таймс ЕТ». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20. Уч-изд. л. 20,0

Тираж 2000 экз. Заказ N2912

Лицензия No 062411 от 11.03.93

Отпечатано с оригинал-макета
в московской типографии "Наука" РАН

Москва, 121089, Шубинский пер., д. 6

Изданные (1-35) и издаваемые* (36-80) книги ОШО

ОШО почтой - заказ по адресу : 127550 Москва а/я 1 Радаеву АЮ

Медитация

- 1 Оранжевая книга ** Здесь и сейчас 1-2 - -36.37
2 Медитация-искусство экстаза ** В поисках чудесного --38
35 Психология эзотерического * Скрытые тайны -----39
** Вигьян Бхайрав Тантра 1-5 --40.41

Христианство и западные мистики

- 13 Духовный путеводитель ** Я говорю вам 1-2 -----42.43
14 Теология мистика ** Приди и следуй за мной 1.2-3.4-44.45
16.17.18 Заратустра 1-3 * Скрытая гармония -----46
22 Философия Переннис 1-2 * Горчичное зерно-----47
35 Новая алхимия

Буддизм -тантра

- 3 Алмазная сутра * Сутра сердца -----48
4 Белый лотос ** Дисциплина трансцендентного 1-2 --49.50
5 Тантра- высшее понимание
26.27 Видение тантры 1.2
29.33.34 Дхаммапада 1-3 *** Дхаммапада- путь Будды 4-6---51-53

Индуизм

- 6 Пульс абсолюта * Верховная доктрина -----54
12 Путь любви * Божественная мелодия -----55
15 Революция * Кришна- человек и философия --56
20.21 Книга мудрости 1-2 * Возлюбленные -----57.58
24.25.31 Йога - сутры 2.3.4 ** Йога - сутры 1.5 -----59.60
* Огромная тайна -----61

Дзен

- 4 Ни воды. ни луны * Бог умер.....62
5 Поиск * Якусан- прямо к точке просветления -----63
5 Син. син. мин * Дзен- прямая передача -----64
12 Нирвана- последний кошмар
23 Надписи на воде Гусь снаружи
28 Манифест дзен

Дао

- 11 Три сокровища 1-2 * Пустая лодка -----65
**** Путь без пути тт 1-4 -----66-69
* Тайна тайн -----70
* Когда туфли не жмут ---71

Суфизм и хасидизм

- 2 Истинный мудрец * Искусство умирать -----72
7 Мудрость песков 1 * Именно так -----73
8 Мудрость песков 2 * Тайна -----74
9 Совершенный мастер
32 Мистическое единство 1 * Мистическое единство 2-----75

Беседы с учениками - письма-сборники изречений

- 6 Начало начал * Ходи без ног.... -----76
8 Алмазные рооссыпи * Мой путь- путь белых облаков -77
10 Звук хлопка одной ладони * Дикie гуси и вода -----78
15 Чашка чая * Будь спокоен и знай -----79
16 От секса к сверхсознанию
30 Медитация утром и вечером * Биография Ошо -----80